Я был агентом Сталина

Вальтер Германович Кривицкий

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги `Я был агентом Сталина` рассказывает о собственной судьбе, судьбе профессионального разведчика, резидента советской разведки в странах Западной Европы в середине 30 — х гг. Повествование, полное тревоги за судьбу своей Родины, раскрывает передчитателем факты закулисной политической борьбы в Кремле, ужасы застенков НКВД, драму, переживаемую советской разведкой, да и всем советским народом, накануне Второй мировой войны.

•

Я был агентом Сталина

Судьба Вальтера Кривицкого
Предисловие к книге Кривицкого «Я был агентом Сталина»
Предисловие Вальтера Кривицкого
I. Сталин заигрывает с Гитлером
II. Конец Коминтерна
III. Рука Сталина в Испании
IV. Как Сталин подделывал доллары V. ОГПУ
VI. Почему они признавались
VII. Почему Сталин расстрелял своих генералов
VIII. Моё бегство от Сталина «Решительно порываю с диктатурой Сталина»
О Вальтере Кривицком

Судьба Вальтера Кривицкого

Трагическая судьба этого незаурядного человека характерна для страшного времени сталинщины. Всю свою сознательную жизнь он посвятил борьбе за торжество социалистической идеи и был одним из тех, кто, оставшись за рубежом, нашел в себе силы не только порвать со сталинщиной, но и вступить в борьбу с нею. Он обратился с открытым письмом в рабочую печать, апеллируя к мировому общественному мнению; подлинным обвинительным

актом сталинщине стали его записки, главы из которых будут предложены читателю.

Вальтер Германович Кривицкий — под этим именем он был известен в списках личного состава Разведывательного управления Штаба РККА, так же как и просто под псевдонимом Вальтер. Настоящее его имя было Самуил Гинзбург. Он родился 28 июня 1899 г. в небольшом городке Подволочиске (Западная Украина). По его собственному свидетельству, рано, с 13 лет, сначала стихийно, а потом вполне сознательно включился в рабочее движение. В 1917 г. 18-летнему парню большевистская революция казалась «абсолютно единственным путем покончить с нищетой, неравенством и несправедливостью. Я с открытой душой, — вспоминал он, — вступил в партию большевиков. За марксистско-ленинское учение я взялся как за оружие в борьбе со злом, против которого восставало все мое существо» [1].

В большевистскую партию он вступил в 1919 г., работая в тылу белогвардейских войск на Украине. Партийный псевдоним «Вальтер Кривицкий» стал его вторым именем: оно и вписано ныне в историю советской военной разведки. В 1920 г. его направили в тыл противника на Западном фронте (Варшава, Львов, немецкая и чешская Силезия) устраивать диверсии, саботаж на транспорте, снабжать руководство Красной Армии информацией военно-политического характера. После гражданской войны Вальтер, окончив специальные курсы Военной академии РККА, связал свою судьбу с советской военной разведкой.

Это было время радужных надежд на близкую мировую революцию, служение которой для многих, в том числе и для Вальтера, казалось высшим смыслом всего их существования. Первая командировка после выпуска из академии пришлась на осень 1923 года. Германия стояла на пороге новых революционных потрясений. В августе в результате всегерманской забастовки пролетариата правительство объявило о своей отставке, что было истолковано руководством Коммунистической партии Германии и Исполкомом Коминтерна как начало мировой социалистической революции. Делегация КПГ приехала в Москву: германская революция имела основания рассчитывать на помощь Коминтерна, РКП(б) и Советского правительства.

В советскую делегацию в Коминтерне был введен Л. Д. Троцкий — нарком-военмор и Председатель Реввоенсовета СССР. Для нелегальной деятельности в Германию выехала большая группа партийных и военных работников, в том числе выпускники Военной академии РККА. Они закладывали базы с оружием,

готовили боевые отряды, обучали военному делу активистов местных организаций германской компартии. Деятельность Кривицкого в Рурской и Рейнской областях Германии в условиях французской оккупации была лишь деталью в большом механизме, пущенном тогда в ход [2].

Непосредственным руководителем Вальтера в это время был С. Г. Пупко-Фирнн. После провала военного руководства германской компартии Фирин одно время возглавлял военный отдел ЦК КПГ, однако, раскрытый французской контрразведкой, вынужден был выехать в СССР [3]. «Германский Октябрь» не удался. И все же именно тогда Вальтер заложил основу будущей разведывательной сети, хорошо послужившей позднее: в годы Великой Отечественной войны она сумела найти доступ к документам стратегического и тактического характера.

Советским военным разведчикам в странах Европы приходилось состязаться с опытнейшими контрразведывательными службами Антанты, прежде всего Англии и Франции, и белоэмигрантских военно-политических организаций. В этих условиях неизбежны были провалы, гибель товарищей. Осенью 1923 г. французская контрразведка обнаружила склады оружия и центры подготовки военно-боевых отрядов, начались аресты [4]. Однако Вальтеру удалось избежать провала и выполнить задание. За дебютом в Германии последовали командировки в Швейцарию, Италию, Австрию; постепенно он становился одним из ведущих специалистов Разведывательного управления РККА по западноевропейским странам, включая Францию, Бельгию, Голландию.

С 1925 г. Кривицкий работал в центральном аппарате Разведупра, а затем преподавал в Высшей школе подготовки разведчиков, занимая должность, соответствующую званию командира бригады РККА. В июне 1926 г. последовала очередная командировка в Германию. (Тогда же судьба свела его с сотрудницей Разведупра Антониной Порфирьевой, они поженились. Позднее у них родился сын Алекс.)

По случаю 10-летия РККА в феврале 1928 г. Кривицкий был награжден именным оружием с надписью «Стойкому защитнику пролетарской революции — от Реввоенсовета Советского Союза». Приказ о награждении был подписан начальником Штаба РККА, заместителем наркома С. С. Каменевым. Сохранился и другой интересный документ — протокол заседания Президиума ЦИК СССР № 558 от 17 января 1931 г. «О награждении лиц командного состава РККА». Он краток: «Бурлакова Леонида Андреевича, Кривицкого Вальтера Германовича, Басова Константина Михайловича, Винарова Ивана Цоловича, Зильберта Иосифа

Исаевича, Кирхенштейна Рудольфа Иосифовича за боевые заслуги, выдающуюся личную инициативу и безграничную преданность интересам пролетариата, проявленные в исключительно трудных и опасных условиях, наградить орденом Красного Знамени. Председатель ЦИК СССР Калинин. Секретарь Президиума ЦИК СССР Енукидзе» [5].

Вальтер и его друзья, сотрудники верили, что они выполняют ответственные поручения по обеспечению безопасности самого гуманного, самого совершенного социалистического общества. Кривицкий служил тогда, в начале 30-х годов, в Центральном аппарате IV управления Штаба (позднее Генштаба) РККА. Работать приходилось по 18–19 часов в сутки. Прямым начальником его был П. И. Берзин, талантливый организатор советской военной разведки.

Страна переживала сложное время. В партии и государстве шли процессы, связанные со становлением режима личной власти Сталина. Некоторые представители партийной гвардии (С. И. Сырцов, М. Н. Рютин, В. Н. Каюров, А. П. Смирнов, Н. Б. Эйсмонт) пытались в меру своих возможностей противодействовать этому. Рабочие и крестьяне выражали недовольство сталинской экономической и социальной политикой. В начале 30-х годов в результате коллективизации на Дону, Украине, Северном Кавказе разразился голод. В партии преследовалось инакомыслие, прекратились дискуссии по животрепещущим вопросам внутрипартийной жизни. Отзвуки происходившего в стране долетали и до сотрудников Разведупра, находившихся в длительных командировках за рубежом.

Начальник IV управления Берзин был в числе немногих, приглашенных в сентябре 1932 г. на объединенный пленум ЦК и Президиума ЦКК. Обсуждался вопрос «О контрреволюционной группе Рютина — Слепкова». Об этом информировался лишь узкий круг партийного актива. Вальтер видел страшные последствия голода во время поездки на отдых в 1932 г. Постепенно рождались сомнения, но они тонули в повседневной многотрудной работе, которой он отдавал все свои силы.

В 1933 г. Кривицкий был назначен директором Института военной промышленности. Эта должность по штату приравнивалась к категории командира дивизии. Поэтому в записках, отредактированных для западноевропейского и американского читателя, он неизменно будет представляться как генерал РККА. В этой должности он пробыл до 1934 г., когда международная обстановка вновь резко обострилась. Приход Гитлера к власти в Германии не оставлял никаких иллюзий; на Европу надвигалась фашистская опасность. Резко осложнилось

положение и на Дальнем Востоке. В этих условиях активизировалась деятельность советской военной разведки. После попыток фашистского путча в Австрии и убийства канцлера Дольфуса летом 1934 г. Кривицкий был командирован сначала в Австрию, а затем в Германию. Поездки в Берлин и Вену убедили Вальтера, что фашизм представляет серьезную опасность для всего мира.

Ближайшие сотрудники Вальтера, убежденные сторонники социалистической идеи, подобно ему, верили, что своей деятельностью они способны помешать продвижению фашизма и своевременно предупредить мировое общественное мнение об опасности. Советский Союз представлялся им воплощением социалистических идеалов, оплотом свободолюбивых и демократических сил. Если же говорить о его помощниках и информаторах, то неверно утверждать, как это делалось в популярной литературе, что все они были убежденными коммунистами. В задачу разведчика никогда не входило ведение политических диспутов и пропагандистской работы. Его главная задача — выполнение конкретных заданий командования. Так, чертежи новейшей итальянской подводной лодки Вальтер попросту купил у фашиста, занимавшего высокий пост. Через свою сеть в Берлине он приобрел коды японских дипломатических шифров.

Принимая разведывательную сеть и текущие дела от своего предшественника в Германии, Вальтер обнаружил, что один из его агентов напал на след сверхсекретных переговоров, которые вели личный представитель Гитлера Иоахим фон Риббентроп и японский военный атташе Хироси Осима. Сразу же оценив значимость этих переговоров, Вальтер доложил в центр о необходимости дополнительных средств и специалистов для ведения контроля за этими переговорами, а затем сам выехал в Москву. Ему удалось убедить в этом руководство, и он возвратился в Европу. К концу 1935 г. было уже ясно, что переговоры продвигаются к намеченной цели. Наконец в июле 1936 г. сотрудниками и помощниками Вальтера в Берлине была получена в переснятом виде полная подборка секретной переписки Хироси Осимы с высшим военным и политическим руководством в Токио. Переговоры велись под личным контролем Гитлера, который постоянно совещался с Риббентропом и инструктировал его.

Из корреспонденции стало очевидным, что целью переговоров было заключение секретного пакта, а также координация всех действий Германии и Японии как в Западной Европе, так и на Дальнем Востоке и Тихом океане. Во всей

корреспонденции, которая охватывала период переговоров более чем за год, не было никаких ссылок на Коминтерн, не упоминались никакие акции, предпринимаемые Коминтерном. Речь шла фактически о разделе сфер влияния в мировой политике. В отношении СССР Япония и Германия взаимно обязывались не делать никаких шагов ни в Европе, ни на Дальнем Востоке без предварительных консультаций друг с другом. Берлин брал на себя обязательство содействовать модернизации вооружения японской армии; предполагался обмен военными миссиями.

В целях конспирации и для дезинформации мирового общественного мнения 25 ноября в Берлине в присутствии всех послов иностранных держав, за исключением СССР, представителями правительств Японии и Германии был подписан знаменитый Антикоминтерновский пакт. Он явился своеобразной дымовой завесой, за которой скрывалось соглашение, о сути которого никто не догадывался. Подробная информация о переговорах Японии и Германии оказалась в распоряжении Советского правительства. Это был подлинный триумф советской военной разведки. Через какое-то время сведения об этих переговорах стали появляться на страницах американской и западноевропейской печати. Службы безопасности фашистской Германии пытались отыскать канал утечки столь серьезной информации. Однако главное было впереди. 24 ноября 1936 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов подробно рассказал об этом в выступлении на VIII Чрезвычайном съезде Советов. Это вызвало уже настоящий переполох в Берлине.

За блестящее выполнение ответственного правительственного задания разведчик был представлен к награждению орденом Ленина. Однако получить награду ему не довелось: помешали совершенно другие обстоятельства, нежели конспиративный характер его работы. К этому времени Кривицкий возглавлял советскую военную разведку в Западной Европе. Имея свой офис в Париже, сам он с семьей проживал в Гааге под именем австрийца Мартина Лесснера на Целебесстраат, 32. В деловых кругах он представлялся как торговец антикварными книгами. Деятельность, позволявшая разъезжать по странам Европы, обеспечивала ему не только «крышу», но и способ перевозки полученной информации. Японские дипломатические шифры, приобретенные у высокопоставленных эсэсовцев, были перевезены из Берлина в переплете раннего издания сочинений Фрэнсиса Бэкона.

В декабре 1936 г. Вальтер неожиданно получил указание Центра «заморозить» всю советскую агентурную сеть в Германии,

то есть сделать ее бездействующей. Это вызвало недоумение и требовало разъяснений. Вальтер получил их от начальника Иностранного отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР А. А. Слуцкого, находившегося в это время в служебной командировке в Барселоне. При встрече Вальтер высказал мучающие его опасения, однако получил ответ, что все это делается по указанию Сталина, Более того — от него потребовали компрометирующих материалов на видных политических деятелей, которых уже причислили к «врагам народа». Это не только противоречило самой сути деятельности разведывательных органов, но в определенной степени вело и к нарушению конспирации. Вальтер оказался в сложном положении: как поставить задачу своим сотрудникам и помощникам, среди которых было немало иностранцев?

К этому времени берлинская агентура донесла, что Сталин через своего личного представителя Давида Канделаки (торгпреда в Берлине) начал переговоры с Гитлером. С германской стороны в них принимал участие имперский министр Я. Шахт. На этих переговорах было выработано предварительное соглашение, с текстом которого и в сопровождении резидента Иностранного отдела ГУГБ Канделаки прибыл в Москву [6]. Сталин считал это высшим достижением своей личной дипломатии: переговоры велись в обход официальных каналов НКИД. Все это вызывало недоумение, которое усиливалось странными слухами о массовых арестах, доходившими до Вальтера из СССР. В этой обстановке он по срочному вызову отправился в Москву.

16 марта 1937 г. самолет приземлился в аэропорту Гельсингфорса (Хельсинки), откуда той же ночью Кривицкий поездом выехал в Ленинград. Таким маршрутом, через Скандинавию, он не раз возвращался на родину. Короткий путь, через Германию, был более опасным, его Вальтер, как правило, избегал. В распоряжении гестапо находились архивы Веймарской республики, а в них вполне могли быть обнаружены следы даже такого опытного разведчика. В связи с судебными процессами и массовыми арестами в Советском Союзе разрешений на въезд и выезд выдавалось очень мало (во всем вагоне попутчиками Вальтера оказались лишь трое американцев, которые путешествовали по дипломатическим паспортам).

Уже первая встреча со старыми друзьями обескуражила его. Она состоялась в Ленинграде в железнодорожных кассах. На простой вопрос: «Как дела?» — старый друг, оглянувшись, ответил: «Аресты, ничего, кроме арестов. Только в одной Ленинградской области они арестовали более 70 % всех

директоров заводов, включая военные заводы. Это официальная информация, полученная нами от партийного комитета. Никто не застрахован. Никто никому не верит» [7].

В работах английского публициста В. Хинчли, вышедших после второй мировой войны, делалась попытка представить поездку Кривицкого в Москву как пролог к будущему процессу военных. Согласно этой версии, именно Кривицкий в сговоре с адмиралом Канарисом сфабриковал и доставил Сталину документы о том, что Тухачевский продавал фашистам советские военные секреты [8]. Эта версия не соответствует действительности. Уже на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., выступая с заключительным словом, В. М. Молотов говорил: «Военное ведомство — очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко» [9].

Первые показания на Тухачевского и его коллег были получены от арестованных сотрудников НКВД М. И. Гая, Г. Е. Прокофьева, З. И. Воловича [10]. Сбором зарубежных материалов для подготовки процесса занимался специально командированный в Европу заместитель начальника Иностранного отдела ГУГБ С. М. Шпигельглаз, встречавшийся и с Кривицким, которому истинный смысл его командировки стал известен лишь позднее.

Февральско-мартовский Пленум ЦК фактически подвел «теоретическую базу» под большой террор; обстановка всеобщей подозрительности, поиска «врагов народа» воцарилась в стране. 18–21 марта состоялось совещание актива ГУГБ НКВД СССР. В выступлениях наркома Н. И. Ежова и его заместителя Я. С. Агранова прежнее руководство было обвинено в шпионаже и вредительстве. Шла чистка аппарата НКВД. ЦК направил на работу в органы госбезопасности 300 коммунистов. Они не имели опыта оперативной и чекистской работы, а их тут же назначали на должности заместителей начальников отделов «с тем, чтобы через два-три месяца сделать образцового чекиста» [11]. И таких чекистов действительно «делали» за более короткий срок.

Всесильный нарком принял Кривицкого. К этому времени Ежов уже имел звание генерального комиссара госбезопасности. Он сообщил, что заслуги Вальтера высоко оценены высшим руководством и он представлен к награждению орденом Ленина… Каждый день, проведенный в столице, ставил все новые и новые вопросы, ответить на которые он не мог и не получал разъяснений от высокопоставленных сотрудников НКВД. Шла волна арестов представителей большевистской гвардии, видных партийных и советских работников. От его внимания не

ускользали мельчайшие факты. В частности, присутствуя на первомайском параде, он обратил внимание на появление маршала Тухачевского. Ему бросилась в глаза одна деталь: обычно подтянутый и следящий за своей внешностью, маршал во время парада все время держал руки в карманах. Однако реально предполагать, какой будет участь Тухачевского, он еще не мог, да и кто вообще мог представить, что Сталин пойдет на обезглавливание Красной Армии.

Между тем процессы тотальной чистки коснулись и зарубежного аппарата. Чекист Евдокимов составил записку о том, что все военнопленные, оставшиеся в России после первой мировой войны и заключения Брестского договора, являются шпионами [12]. Как правило, все они были коммунисты, многие находились на службе в Коминтерне и советской разведке. По указанию Слуцкого резидентов и сотрудников спецслужб под различными предлогами отзывали в СССР и здесь репрессировали. Создатель советской разведывательной сети в Германии Киппенберг был обвинен в связях с немецкой военной разведкой, резидент в Париже Николай Смирнов (Глинский) был вызван в Москву якобы для доклада. Спустя некоторое время его жена получила от него бодрое письмо с просьбой приехать, так как он получил новое назначение в одну из нелегальных резидентур в Китае. Она отправилась — и исчезла. Всего было проведено около 30 таких операций в отношении крупных советских разведчиков [13].

В середине мая начались аресты высшего командного состава РККА. Затем последовала директива о передаче IV управления Генерального штаба РККА из военного ведомства в ведомство НКВД с непосредственным подчинением Ежову. Всю разведывательную и контрразведывательную деятельность отныне контролировали сотрудники секретариата Ежова. Среди арестованных оказался хорошо знакомый Вальтеру еще с гражданской войны секретарь ЦИК СССР И. С. Уншлихт. Он долгое время ведал в Реввоенсовете республики всей разведывательной и контрразведывательной работой, а еще ранее был заместителем Ф.Э. Дзержинского. Уншлихт был обвинен в принадлежности к контрреволюционной «Польской военной организации» и шпионаже в пользу Польши.

В гостинице «Савой» в соседнем с Вальтером номере жил Макс Максимов-Унщлихт, племянник И. С. Уншлихта, возглавлявший последние три года советскую контрразведку в Германии. Кривицкий подолгу беседовал с ним, делился своими сомнениями и опасениями: почему они арестовали Якира? Почему схватили Эйдемана? Однако Макс, не ведая колебаний,

защищал чистку. «Это грозное время для Советского Союза, — говорил он. — Кто против Сталина, тот против революции». Однажды вечером по возвращении с работы он был арестован. Когда Кривицкий по просьбе жены Макса пытался выяснить его судьбу, чем-нибудь помочь ему, ответственный работник НКВД заявил: «ОГПУ арестовало Макса, следовательно, он враг. Я не могу ничего сделать для его жены» [14].

По совету коллег Вальтер сразу же подготовил две объяснительные записки— своему непосредственному руководству и секретарю партийной организации — о взаимоотношениях с Максимовым-Уншлихтом. К этому времени шпиономания захлестнула все учреждения и ведомства. Но Вальтеру пока удавалось избежать участи многих. Волна арестов коснулась уже аппарата Разведупра и Иностранного отдела ГУГБ. Друзья сомневались в том, что Вальтеру удастся вернуться в Голландию. Среди арестованных оказалась высококвалифицированная секретарь-переводчица отдела, где работал Кривицкий. Обращение по этому поводу к Слуцкому не помогло. Как горький анекдот запомнился Кривицкому диалог с советским военным атташе в Румынии: «Он остановился, когда увидел меня на улице, и воскликнул: «Мне лишь кажется или это в самом деле Вальтер?.. Как, тебя еще не арестовали? Ничего, скоро возьмут». И разразился хохотом» [15].

Сам Вальтер не сомневался в своем близком аресте, но продолжал заниматься делами и даже просил руководство дать еще нескольких высококвалифицированных специалистов для пополнения своей заграничной сети. (Среди тех, кто был представлен ему в качестве будущих сотрудников, оказалась бывшая жена одного из руководителей Коммунистической партии США Эрла Браудера Кэтрин Харрисон.) 22 мая 1937 г. внезапно вызвавший его заместитель Ежова М. П. Фриновский сказал Кривицкому, что его отъезд решен и выехать следует в тот же день вечером.

До последнего момента Кривицкий ожидал ареста. Окончательная проверка в Белоострове на советско-финской границе… Однако все обошлось, и ему удалось вернуться к семье. 23 мая 1937 г. Вальтер возвратился в Гаагу.

Лето 1937 г. стало переломным в его судьбе. 29 мая он встретился со своим сотрудником, замещавшим его во время отъезда в Москву, — Игнатием Рейссом [16]. Рейсс тоже верил, что служит рабочему классу, а не сталинской клике. Судьба не раз сводила его с Вальтером. В свое время Кривицкий рекомендовал Рейсса для работы в разведке и вступления в партию. Теперь между ними состоялся доверительный разговор.

Рейсс говорил о крушении иллюзий, о желании все бросить и уехать в отдаленный уголок, забыть все прошлое и настоящее. Политика Сталина представлялась ему в большой степени перерождением в фашизм. «Я использовал весь запас аргументов, — вспоминал тот разговор Вальтер, — и вновь остановился на старой теме: мы не должны уклоняться от борьбы. Советский Союз был все еще единственной надеждой рабочих мира, — настаивал я. — Сталин может ошибаться. Сталины придут и уйдут, а Советский Союз останется. Наш долг — оставаться на посту».

Однако все это не убедило Рейсса. Он был уверен, что Сталин ведет страну к катастрофе, и сделал свой выбор. 17 июля 1937 г. он встретился с сотрудницей советского торгпредства в Париже Л. Грозовской и передал через нее московскому руководству пакет. В нем оказалось письмо в ЦК ВКП(б) и орден Красного Знамени, которым Рейсс был награжден в 1928 г. за выполнение ответственных правительственных заданий.

Вскоре в Западную Европу прибыл С. М. Шпигельглаз, наделенный самыми широкими полномочиями от Ежова. При встрече с Кривицким он информировал его о том, что Рейсс порвал с советской службой, и ознакомил с письмом Рейсса в ЦК ВКП(б). «Мы даже сначала подозревали вас, — заметил Шпигельглаз, показывая письмо, — в переходе на сторону врага, когда получили сообщение о том, что ответственный советский агент появился в Голландии и установил контакт с троцкистами. Мы выяснили, что предателем был Людвиг».

В письме Центральному Комитету ВКП(б) Рейсс пытался объяснить, почему он порывает с советскими органами: «Тот, кто хранит молчание в этот час, становится пособником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма… У меня достаточно сил, чтобы начать все сначала. А дело именно в том, чтобы начать сначала, чтобы спасти социализм… Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу. Я хочу предоставить свои силы делу Ленина, я хочу бороться, и наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма, а Советский Союз от сталинизма».

Кривицкий оказался в чрезвычайно сложном положении. «Вы знаете, что отвечаете за Рейсса», — сказал Шпигельглаз. Для реабилитации перед Сталиным и Ежовым Вальтеру было предложено принять активное участие в ликвидации Рейсса. Этого он допустить не мог. Опытному конспиратору удалось обмануть Шпигельглаза и предупредить своего товарища о грозящей опасности. Людвиг сумел скрыться.

Однако Шпигельглаз был неплохим организатором подобного

рода дел, за ним прочно закрепился авторитет волевого, смелого работника. Его сотрудники, входившие в состав Заграничного оперативного центра ГУГБ, обнаружили след Рейсса в Швейцарии. В августе была предпринята попытка отравить его. Роковую роль в судьбе Людвига сыграла Гертруда Шидльбах, сотрудница советской секретной службы в Италии. Она знала его более 20 лет, и Рейсс относился к ней с полным доверием. На свидании, которое проходило в присутствии жены Рейсса Эльзы, она говорила, что также хочет порвать со сталинщиной. Рейсс советовал ей связать свою судьбу с IV Интернационалом. Вечером 4 сентября они вместе ужинали в ресторане. При выходе к ним подъехала машина, Рейсс был оглушен ударом кистеня, втащен в машину и убит. В этот же день труп чешского бизнесмена Ганса Эберхардта был обнаружен швейцарской полицией. В голове убитого было пять пуль, осмотр тела свидетельствовал о том, что Рейсс пытался сопротивляться [17].

Швейцарская полиция вышла на след убийц и даже арестовала некоторых из них. Во время следствия выяснились все подробности, и эта сенсация облетела страницы газет мира. Поднятый журналистами шум отнюдь не способствовал повышению авторитета Советского Союза на мировой арене. Швейцарская полиция с помощью депутата парламента Р. Стивлита и вдовы Рейсса долгие месяцы вела расследование, итоги которого легли к основу книги П. Тизне, опубликованной во Франции в 1939 году [18].

Дело Рейсса во многом решило судьбу Вальтера. Его отзывали в Москву. Возвратиться в СССР означало ехать на смерть. Кривицкий стоял перед выбором: или получить пулю от убийц на Лубянке по официальному приговору, или погибнуть от руки подосланных сталинских убийц. Вальтер посоветовался с женой. Она спросила его, есть ли у них шансы остаться в живых, если вернуться в СССР. Вальтер ответил прямо, он вполне отдавал себе отчет в происходящем: никаких шансов.

Если следовать формальной логике, поступок Кривицкого был изменой долгу, предательством. С 1929 г. в Уголовном кодексе была статья, квалифицирующая невозвращение как измену Родине, объявляющая виновных вне закона [19]. Но ведь и возвращение не спасало его от этого или подобного обвинения (например, в пособничестве «врагам народа») и гибели вместе с женой и сыном. Личная драма Кривицкого перерастала в общую для советского народа трагедию. Он принял решение не способствовать еще одному преступлению сталинской клики, а продолжать отстаивать социалистические идеалы доступными ему способами в борьбе с преступным режимом.

План бегства был продуман тщательно. Вальтер не сомневался, что Шпигель-глаз пустит по его следам своих лучших агентов. Официально он получил разрешение отплыть в СССР из Гавра на пароходе «Жданов». Через своего старого боевого друга (писателя Воля, гражданина США) он арендовал домик в городке Гере вблизи Тулона. 6 октября путем весьма хитроумной комбинации Кривицкий ушел от наблюдения и вместо Гавра оказался в Дижоне, а оттуда связался по телефону со своим офисом в Париже и заявил дежурившей там Мадлен (своему секретарю) о разрыве с Советским правительством. Некоторые исследователи полагают, что этот поступок Вальтера был продиктован трусостью [20]. Представляется, однако, что здесь был трезвый расчет хорошего знатока методов НКВД.

В начале ноября 1937 г. он встретился в Париже с Л. Л. Седовым-Троцким. Посредником между ними выступила вдова Рейсса. В разговоре с ним Вальтер прямо заявил, что к троцкистам не присоединяется, а ищет лишь дружбы и совета. «Он был еще очень молод, но исключительно даровит, очаровательный человек, хорошо информированный и деятельный» — таким остался Лев Седов в памяти Вальтера. Спустя три месяца сын Л. Д. Троцкого, полный сил и энергии, внезапно скончался в парижской больнице при весьма подозрительных обстоятельствах. Его постигла участь всех детей Троцкого: он пал жертвой сталинской службы госбезопасности.

Бывшее руководство пыталось установить связь с Вальтером. На контакт с ним вышел его знакомый Ганс. «Я пришел от имени организации, — таковы были его первые слова. — В Москве знают, что вы не предатель, не шпион. Вы старый революционер, но вы просто устали, вы не выдерживаете напряжения. Возможно, они разрешат вам уйти в отставку, чтобы как следует отдохнуть. Вы — один из наших», — убеждал его собеседник, Вальтеру было предложено встретиться со специальным уполномоченным из Москвы. В кафе, где проходила встреча, он заметил присутствие группы агентов НКВД. Потребовалось большое самообладание, профессиональное умение, чтобы уйти от преследования.

Все это ускорило обращение Кривицкого к французскому правительству. Посредником в данном случае выступал Ф. Дан, который представлял в эмиграции меньшевиков, группировавшихся вокруг журнала «Социалистический вестник». В заявлении на имя заместителя министра иностранных дел Франции П. Дорма он писал: «Последние политические события в Советском Союзе полностью изменили положение… Встав перед выбором, идти на смерть вместе со всеми моими старыми товарищами или спасти свою жизнь и семью, я решил не

передавать себя молча на расправу Сталину» [21].

Ему удалось получить удостоверение личности, а несколько позже — паспорт и выехать за границу. Семья Вальтера переехала из Гере в Париж и здесь находилась под охраной полиции. Охраняли его тщательно, полицейские находились в соседней с ним комнате, у дверей отеля постоянно дежурил офицер. 5 декабря 1937 г. в заявление для печати Вальтер объяснял причины разрыва со сталинским руководством и апеллировал к международному общественному мнению. Вот его текст: «Письмо в рабочую печать. 18 лет я преданно служил Коммунистической партии и Советской власти в твердой уверенности, что служу делу Октябрьской революции, делу рабочего класса. Член ВКП с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор Института военной промышленности, я в течение многих последних лет выполнял специальные миссии Советского правительства за границей. Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие; я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и Почетным Оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой Советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше тайные — процессы прошли в качестве «шпионов» и «агентов гестапо» самые выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И. Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и др., лучшие экономисты и ученые: Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других — перечислить их здесь нет никакой возможности. Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и пооктябрьского поколений, — те, кто в огне гражданской войны, в голоде и холоде строили советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился даже перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших полководцев, ее наиболее талантливых вождей: Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их — как и все другие свои жертвы — в измене. В действительности же именно сталинская политика подрывает военную мощь Советского Союза, его обороноспособность, экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов, которые еще станут известны (например, допросы Смирнова и Мрачковского), кажущихся невероятными на Западе, Сталин — Ежов вымогают у своих жертв «признания» и инсценируют позорные процессы. Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывает мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы, и понимать, что гибнут невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувство отвращения и негодования, убедить себя в том, что, нёсмотря на это, нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились еще — я должен это признать, — чтобы решиться на разрыв с Москвой и остаться за границей.

Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых «шпионов» и «агентов Гестапо», в действительности преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются нынешними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю — я имею тому доказательства, — что моя голова оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не остановятся ни перед чем, чтоб убить меня и тем заставить замолчать; что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам. Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой рабочей общественности. 5 декабря 1937 г. В. Кривицкий (Вальтер)» [22].

К этому времени Вальтер приобрел определенную известность. Ряд социал-демократических изданий, в том числе «Социалистический вестник», опубликовал интервью с ним, его записки. Вот, например, выдержки из интервью Кривицкого, данного Седову-Троцкому:

«**Вопрос**: Какова сейчас ваша политическая позиция?

Ответ: Я не причисляю себя к какой-нибудь политической группировке и в ближайшее время намерен жить в качестве частного лица. Разумеется, я целиком стою на почве Октябрьской революции, которая была и остается исходным пунктом моего политического развития. Я не считаю себя троцкистом, {но} Троцкий в моем сознании и убеждении неразрывно связан с Октябрьской революцией.

Вопрос: Что вы думаете о московских антитроцкистских процессах?

Ответ: Я знаю и имею основания утверждать, что московские процессы — ложь от начала до конца. Это маневр, который должен облегчить окончательную ликвидацию революционного

интернационализма, большевизма, учения Ленина и всего дела Октябрьской революции.

Вопрос: Каково, по вашему мнению, число политических арестованных в СССР за последний период?

Ответ: Из очень авторитетного источника я слышал, что число это в мае этого года 350 000 человек. В подавляющем большинстве это члены партии и их семьи. С того времени число арестованных значительно возросло, может быть, достигло полумиллиона» [23].

Ряд выступлений Кривицкого в «Социалистическом вестнике» был перепечатан шведской, датской и американской социалистической прессой. Правительство СССР по дипломатическим каналам заявило протест по поводу этих публикаций правительствам Дании и Швеции. В марте 1938 г. к Вальтеру обратились редактор «Figaro» Б. Суварин и депутат Национального собрания Франции Г. Берже с просьбой прокомментировать судебный процесс над группой Бухарина, Рыкова и других. Суварин, бывший член Французской компартии, был в свое время активным деятелем Коминтерна. Берже приходился зятем советскому полпреду в Англии Л. Б. Красину.

7 марта 1939 г. на жизнь Вальтера было совершено очередное покушение; в декабре он перебрался в США. С апреля 1939 г. в американской печати, в частности в журнале «Saturday Evening Post», стали появляться его сенсационные статьи с разоблачением сталинской внутренней и внешней политики; они легли в основу вскоре изданной книги мемуаров. Вальтер предупреждал мировую общественность о грозящей опасности второй мировой войны. Особенно его тревожило сталинское заигрывание с фашистской Германией. Подлинной сенсацией прозвучало известие о контактах Сталина и Гитлера с 1934 года.

В это отказывались верить. Однако заключение пакта Риббентроп — Молотов в августе 1939 г. снова привлекло внимание к публикации Вальтера. Советское представительство в США принимало меры к дискредитации Кривицкого. Его выступления были объявлены лживыми, а затем и сам он оклеветан как самозванец, выдающий себя за бывшего руководителя советской разведки в Европе. Получение им гонораров за свои публикации (трудное материальное положение беглеца не оставляло ему другого выхода) изображалось как доказательство его продажности. Ряд конгрессменов поставил перед американской иммиграционной службой вопрос о его депортации.

Дважды Кривицкий встречался с руководителем паспортного отдела госдепартамента Р. Шилли. В этом отделе ему

предложили дать сведения о «нежелательных иностранцах», опознав их по фотографиям, не требуя ни аргументов, ни обоснований. Посредником между Вальтером и государственными учреждениями выступил Л. Уолдмен — известный адвокат и политический деятель, баллотировавшийся на пост губернатора штата Нью-Йорк от социалистической партии. Приказ о депортации Вальтера был отменен. Однако 11 октября 1939 г. последовало приглашение в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Отвечая на вопросы, он перечислил всех руководителей советской разведывательной сети в Америке начиная с 1924 г., включая Бориса Быкова, который как раз в это время возглавлял советскую разведку в США. Однако это не произвело должного впечатления, конгрессмены требовали лишь одного — подтвердить, что Коминтерн является орудием Сталина [24].

В это время в Англии проходил судебный процесс по делу капитана Дж. Кинга, работавшего в отделе связи Форин офис. 18 октября 1939 г. он был осужден за передачу секретной информации советской стороне. В Европе шла вторая мировая война. Связанные пактом о ненападении, Германия и СССР обменивались сведениями военного характера. Вальтер понимал, что советская разведка во Франции и Англии косвенно будет работать на Гитлера. «Сотрудничество Красной Армии с германским генштабом началось еще до прихода Гитлера к власти, — говорил Вальтер, выступая перед комиссией палаты представителей, — …в форме шпионажа и обмена информацией военного характера. Поскольку пакт, заключенный между Гитлером и Сталиным, является фактически военным союзом, союзом двух армий, распространяющимся на определенные области Европы, я не сомневаюсь, что обмен секретами военного характера и тому подобной информацией… совершенно необходим обеим сторонам — как Гитлеру, так и Сталину» [25].

Только с учетом этого можно понять дальнейшие шаги Вальтера. 19 января 1940 г. он прибыл в Англию. Английская контрразведка и разведка вели тайную войну против российской внешней политики еще с XIX века. В 1938 г. был раскрыт шпионаж в военной промышленности: советской военной разведке удалось получить копии рабочих чертежей 14-дюймовых орудий для линкоров («Дело Вульвичского арсенала»). 21 января 1938 г. по этому делу был арестован служащий арсенала П. Глэдиг и еще трое. В результате хорошо спланированной агентурной разработки английская контрразведка смогла ликвидировать эту сеть. В условиях, когда реальностью стала угроза вторжения Германии на Британские острова, англичане

обратились к Вальтеру.

Загнанный в тупик, он был вынужден фактически предать своих товарищей. В течение трех недель с ним вела беседы сотрудница Интеллидженс сервис Д. Арчер, хороший психолог. По свидетельству К. Филби, она была самым способным профессиональным офицером разведки из отдела МИ-5. Она хорошо изучила коммунистическое движение и смогла получить от Вальтера ценнейшие сведения [26]. Как сообщает Г. Брук-Шефферд, он передал около 100 фамилий своих агентов в различных странах, в том числе 30 в Англии. Это были американцы, немцы, австрийцы, русские — бизнесмены, художники, журналисты. Все они были арестованы. Но главных советских агентов (Барджесса, Маклина, Филби) Кривицкий, вопреки утверждению О.А. Горчакова, все-таки не назвал [27]. Однако, более чем вероятно, именно это и привело самого Вальтера к трагическому финалу.

В начале 1941 г. Вальтер получил письмо от старого приятеля Воля, который предупреждал его, что в Нью-Йорк прибыл один из бывших сотрудников Кривицкого. Одновременно ему сообщили о появлении Г. Виземана, одного из опытных германских разведчиков, который явно шел по его следу. На 10 февраля 1941 г. Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности назначила очередное слушание показаний Вальтера — по вопросу о внедрении секретной советской агентуры в структуры государственной власти США. К этому времени правительство Великобритании официально запросило США о возможном приезде его в Англию.

7 февраля 1941 г. Вальтер поехал в Вашингтон навестить своего знакомого, П. Доберта, бывшего офицера рейхсвера, бежавшего в США после прихода Гитлера к власти. По свидетельству Э. В. Порефа-Доберта и его жены Маргарет, Вальтер нервничал, держал при себе пистолет. Собравшись уехать в Нью-Йорк, на вокзале он случайно увидел Виземана и изменил свое намерение. Кольцо сужалось, с одной стороны шли бывшие коллеги, с другой — бывшие враги. На этот раз они вели против него совместную охоту. Сняв номер в небольшой гостинице «Бельвю», он зарегистрировался как Эйтель Вольф Пореф, взяв имя своего товарища.

10 февраля в 9.30 утра горничная, открыв ключом номер 532, на пятом этаже, увидела, что постоялец мертв. «Я подошла к кровати и увидела, что у него голова в крови… Потом я заметила, что он не дышит». Сержант-детектив Д. Л. Гест констатировал явное самоубийство [28]. Выполнив необходимые формальности, он удалился. При убитом было обнаружено три записки. Первая

была адресована жене и сыну. В ней говорилось следующее: «Дорогие Тоня и Алик! Мне очень тяжело. Я очень хочу жить, но это невозможно. Я люблю вас, мои единственные. Мне трудно писать, но подумайте обо мне, и вы поймете, что я должен сделать с собой. Тоня, не говори сейчас Алику, что случилось сейчас с его отцом. Так будет лучше для него. Надеюсь, со временем ты откроешь ему правду… Прости, тяжело писать. Береги его, будь хорошей матерью, живите дружно, не ссорьтесь. Добрые люди помогут вам, но только на время. Моя вина очень велика. Обнимаю вас обоих. Ваш Валя. P. S. Я написал это вчера на ферме Добертова. В Нью-Йорке у меня не было сил писать. В Вашингтоне у меня не было никаких дел. Я приехал к Добертову, потому что нигде больше не мог достать оружие».

Второе письмо было адресовано адвокату. «Дорогой мистер Уолдмен! Моя жена и сын будут нуждаться в Вашей помощи. Пожалуйста, сделайте для них все, что можете. Ваш Вальтер Кривицкий. P. S. Я поехал в Вирджинию, т. к. знал, что там смогу достать пистолет. Если у моих друзей будут неприятности, помогите им, пожалуйста. Они хорошие люди». Третья записка была адресована С. Пафолетт, писательнице, которая дружила с семьей Кривицких. «Дорогая Сузанна! Надеюсь, у тебя все в порядке. Умирая, я надеюсь, что ты поможешь Тоне и моему бедному мальчику. Ты была верным другом. Твой Вальтер» [29].

Прибыв в Вашингтон, Уолдмен потребовал от ФБР начать расследование. По его словам, после получения письма от Воля Вальтер заявил: «Если когда-нибудь меня найдут мертвым и это будет выглядеть как несчастный случай или самоубийство, не верьте! За мной охотятся…» Однако в расследовании ему было отказано. Тогда в сопровождении инспектора Томпсона он отправился на место происшествия, и они вместе осмотрели номер гостиницы. Замок закрывался простым захлопыванием двери, и его нетрудно было открыть. Окно в комнате было приоткрыто на несколько дюймов. Были и другие странные обстоятельства. Врач констатировал смерть в 4 часа утра. Однако никто ни в отеле, ни на улице не слышал выстрела. Пистолет Вальтера был без глушителя. Отпечатки пальцев на пистолете снять не удалось, не была обнаружена и пуля, выпущенная из пистолета. Томпсон и Уолдмен пришли к выводу, что это убийство.

Вдова Кривицкого отстаивала версию убийства. Н. Н. Седова-Троцкая резюмировала: «Версия самоубийства — одна из обычных уловок ОГПУ, когда они пытаются скрыть следы своих преступлений». Э. В. Пореф-Доберт высказал предположение, что целью убийства было «сдерживание», удержание работников

советских заграничных служб от бегства [30]. Так или иначе, загадка остается нераскрытой. Американские газеты требовали официального расследования.

Интерес к судьбе Вальтера вновь возник во второй половине 40-х годов. В 70-е годы к его судьбе обратился английский писатель-публицист и историк Г. Брук-Шефферд. Он разыскал бывшую сотрудницу советской военной разведки в США Г. Массинг, работавшую с Кривицким и Рейссом. 6 ноября 1976 г. в разговоре с ним она отвергла версию самоубийства Вальтера, мотивированного желанием спасти семью. По ее словам, поверить обещаниям сталинского руководства оставить в случае самоубийства в покое его семью «такой профессионал не мог». Шефферд отдает предпочтение версии убийства.

Не выдерживает критики идея о причастности к убийству нацистских спецслужб. 10–11 февраля 1941 г. Виземан информировал свое руководство в Берлине о смерти Вальтера, заявив, что не имеет к этому никакого отношения [31].

Главы из записок Вальтера будут опубликованы в ближайших номерах по книге «On Stalin's Secret Service», вышедшей в 1939 г. в США и переизданной тогда же в Лондоне под названием «I was the Stalin's agent»; перёведены они по последнему изданию, любезно предоставленному в наше распоряжение английским историком П. Дюксом.

Предисловие к книге Кривицкого «Я был агентом Сталина» Записки советского разведчика

История появления записок-воспоминаний советского разведчика Вальтера Кривицкого такова. В декабре 1938 года он перебрался из Франции в США. Начиная с апреля 1939 года в американской печати, в частности в журнале «Сатердей ивнинг пост», стали появляться его разоблачительные статьи. Вальтер одним из первых забил тревогу, предупреждая мировую общественность о надвигающейся опасности второй мировой войны. Особенно его тревожили сталинские игры с фашистской Германией.

Литературными консультантами (а попросту — редакторами) Кривицкого выступали профессиональные журналисты Айзек Дон Левин, Фрэнк Нельсон и Эд Морроу. Многое дописывалось и правилось ими с расчетом на сенсацию, для привлечения читателя. Положение Вальтера было очень сложным: с одной стороны, он страстно хотел разоблачить сталинскую политику с ее уже проявившимися имперскими амбициями и доказать, что она бесконечно далека от социализма. С другой — продолжал оставаться верным долгу, старым привязанностям и товарищам по борьбе. Однако ни журналисты, работавшие с его рукописями, ни тем более американские и западноевропейские читатели не хотели видеть разницы между социализмом и его сталинской интерпретацией. Их интересовал только сенсационный материал, а его в воспоминаниях было много.

Заключение пакта Молотова — Риббентропа делало публикации Кривицкого более чем злободневными. Его записки выросли в книгу мемуаров. В конце 1939 года она была издана в США под названием «На сталинской секретной службе», затем в том же году — в Англии под названием «Я был агентом Сталина».

Предлагаемый читателю перевод I–V глав осуществлен И. А. Вишневской по английскому изданию. Перевод трех последних глав сверен с текстом воспоминаний, опубликованных в «Сатердей ивнинг пост», а также в русскоязычных эмигрантских изданиях «Последние новости», «Социалистический вестник».

Знакомясь с ними, необходимо помнить, что эти публикации готовились для газет и предназначались прежде всего западному читателю. В последних главах особенно заметна работа редакторов и журналистов, специфичность их правки, сглаживание некоторых моментов и усиление акцента на других,

более понятных и интересных западному читателю. Здесь чаще встречаются непривычные для нас термины, обороты и т. д. (например, Кривицкий называет командиров РККА генералами, хотя таких званий в СССР в то время не существовало). И все же редакция сочла возможным поместить в сборнике именно этот — авторизованный — перевод глав.

Читатель вправе задать вопрос: насколько можно доверять свидетельствам Кривицкого? Поэтому необходимо сделать некоторые пояснения и комментарии.

Прежде всего отметим, что это воспоминания не просто хорошо информированного современника, а разведчика-интеллектуала, аналитика высокого класса. Даже порвав со сталинской секретной службой, он продолжал аккумулировать и перерабатывать информацию, поддерживая связь со своими агентами в Западной Европе. Он не строил иллюзий и ясно понимал, что после заключения пакта советская военная разведка во Франции и Англии будет работать и на гитлеровскую Германию. Осенью 1939 года Вальтер уже располагал такими фактами от своего старого товарища Б. Воля, проживавшего во Франции. Поэтому он с полным основанием заявил, выступая перед комиссией палаты представителей сената США, следующее:

«Сотрудничество Красной Армии с германским генштабом началось еще до прихода Гитлера к власти. Были случаи, когда обе стороны сотрудничали в форме шпионажа и обмена информацией военного характера. Поскольку пакт, заключенный между Гитлером и Сталиным, является фактически военным союзом, союзом двух армий, распространяющимся на определенные области Европы. Я не сомневаюсь, что такой обмен секретами военного характера и тому подобной информацией… совершенно необходим обеим сторонам — как Гитлеру, так и Сталину».

Сейчас многое из того, о чем писал в своих воспоминаниях В. Г. Кривицкий, подтверждается документами, извлеченными из отделов специального хранения государственных и ведомственных архивов. Это прежде всего относится к советско-германским отношениям в 1934–1937 годах. В частности, именно Вальтер впервые раскрыл роль миссии торгового представителя СССР в Германии Д. Канделаки как личного дипломата Сталина. Он рассказал о деятельности Коминтерна и советского руководства по подготовке «Германского Октября» в 1923 году. Многое также подтверждается документами. Определенный интерес представляют страницы, освещающие деятельность советских спецслужб во время гражданской войны в Испании. В

частности, впервые была подробно описана история перевозки испанского золотого запаса в СССР. Это полностью корреспондирует с воспоминаниями министра авиации республиканского правительства Идальго ди Сиснероса, а также недавно опубликованными воспоминаниями генерала НКВД А. Орлова.

Особое место в записках В. Г. Кривицкого занимают страницы, посвященные механизму подготовки первых московских процессов. Тогда этому отказывались верить, да и советскому читателю еще несколько лет назад это тоже могло показаться неправдоподобным. Теперь эти сведения подтверждены выводами Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30- 40-х и начала 50-х годов. Многое, что стало явным только сейчас, сообщалось Вальтером в публикациях 1939 года.

Вместе с тем некоторые положения в воспоминаниях не подтверждаются документально. Прежде всего это касается деятельности Компартии США. По запискам получается, что едва ли не все ее члены были агентами ОГПУ и Коминтерна. Анализ этих эпизодов показывает, что это были моменты, имевшие наибольшую политическую остроту в Америке в то время. Поэтому есть все основания полагать, что это добавления, сделанные редакторами или самим Вальтером для придания публикациям большей сенсационности.

При знакомстве с записками Вальтера возникает вопрос и о достоверности некоторых его сведений, в частности о Коминтерне. Безусловно, Коминтерну принадлежала важная роль в формировании и укреплении коммунистического и рабочего движения в первой половине 20-х годов. Однако начиная со второй половины 20-х его деятельность все больше попадала под диктат Сталина, и к началу 30-х годов он фактически превратился в канцелярию Сталина по вопросам международного коммунистического движения. Это подтверждается последними исследованиями советских историков.

Несколько необычным для советского читателя может показаться освещение Кривицким вопроса о связях ОГПУ и Коминтерна, Однако документы свидетельствуют о том, что на самом деле такая связь существовала и именно через Коминтерн в советскую военную разведку пришли И. Ц. Винаров, Ш. Радо, Л. Треппер и другие. Об этом говорится и в исследованиях немецких авторов. Рут Вернер, Отто Браун в своих воспоминаниях подтверждают некоторые факты, изложенные В. Г. Кривицким, о деятельности Коминтерна в США и Западной Европе.

Вряд ли можно согласиться с трактовкой Вальтера испанских событий как «интервенции в Испании». Причины, вызвавшие гражданскую войну и участие в ней Советского Союза, были значительно глубже. Кривицкий пишет лишь о том, что ему было лучше известно, но, разумеется, всего знать он не мог. Однако тайное противоборство различных спецслужб в Испании имело место. В числе военных и политических советников там было немало сотрудников Разведупра и ГУ ГБ НКВД СССР. Разгром фашистского подполья, ликвидация троцкистских организаций — все это подтверждается другими свидетельствами. Однако при этом Вальтер все-таки явно преувеличивает масштабы этой деятельности. Скорее всего, это также делалось в расчете на западного читателя.

Более сложный вопрос — подделка американских долларов. В советской литературе упоминаний об этом, равно и документальных свидетельств нет. Однако в материалах белоэмигрантской разведывательной организации «Крестьянская Россия» имеются сведения об этом. Насколько можно доверять документам? Вопрос остается открытым, заметим только, что эти данные использовались внешнеполитическими ведомствами западноевропейских стран в их практической деятельности. Так что вопрос о достоверности этих эпизодов оставим на совести Вальтера.

Читатель должен помнить, что воспоминания В. Г. Кривицкого — не моментальная фотография и тем более не исследование. Отдавая дань аналитику-разведчику, нельзя сбрасывать со счетов его определенную тенденциозность, субъективность, порой излишнюю эмоциональность при изложении некоторых фактов, а также фактические неточности, встречающиеся в тексте.

Отношение к запискам В. Г. Кривицкого всегда было неоднозначным. Оно в значительной степени колебалось от складывающейся политической конъюнктуры. Когда интерес к его запискам охладел, о них забыли. В годы «холодной войны» о них вспомнили антикоммунисты. Сегодня западноевропейские историки относятся к ним как к историческому источнику, заслуживающему серьезного внимания.

Советские исследователи и читатели были попросту лишены возможности познакомиться с воспоминаниями. Эта книга отсутствовала даже в каталогах специального хранения крупнейших советских библиотек. В отдельных изданиях можно было встретить лишь такие характеристики В. Г. Кривицкого — «изменник», «фальсификатор». Поэтому первая реакция на упоминание его имени у нас в стране была негативной: как же

можно доверять свидетельствам перебежчика? Отбросив разного рода заклинания и табу, связанные с этим человеком, заметим, что воспоминания «изменника измены» В. Г. Кривицкого представляют собой ценный исторический источник, свидетельство хорошо информированного современника.

В тексте сделаны небольшие сокращения, не имеющие принципиального значения.

Предисловие Вальтера Кривицкого

Вечером 22 мая 1937 года я сел в поезд, чтобы вернуться из Москвы в Гаагу и приступить к своим обязанностям на посту руководителя советской военной разведки в Западной Европе. Вряд ли я тогда предполагал, что не увижу Россию, пока ею правит Сталин. Я прослужил Советской власти двадцать лет. Двадцать лет пробыл в партии большевиков. Пока поезд мчался к финской границе, я сидел один в купе и размышлял о судьбе моих коллег, товарищей, друзей. Почти все они или сидели под арестом, или были расстреляны, или брошены в лагеря.

Кого теперь уважать, кем восхищаться? Кто из героев нашей революции остался жив и не сломлен? Таких, по моим расчетам, было немного. Люди кристальной честности и порядочности были объявлены «предателями», «шпионами» или просто преступниками.

Мое воображение рисовало картины гражданской войны, когда эти самые «предатели» и «шпионы» смотрели в лицо смерти тысячи раз. Я вспоминал годы послевоенной индустриализации и поистине сверхчеловеческого напряжения, которого она потребовала от всех нас. Я вспоминал коллективизацию и голод, когда пайка едва хватало на то, чтобы не умереть с голоду; поголовную чистку, уничтожившую тех, кто трудился упорнее других для построения государства, где человек не эксплуатировал бы своего собрата. Долгие годы борьбы научили нас внушать самим себе, что победа над несправедливостями старого общества не может быть достигнута без моральных и физических жертв, что новый мир не может стать явью, пока не будут стерты следы старого порядка. Но неужели для этого надо было одним большевикам уничтожать других? Неужели Революция была причиной их гибели, или Революция сама давно уже погибла? Ответов на эти вопросы у меня не было…

В рабочем движении я участвовал с тринадцати лет. Это был полуосознанный, почти детский поступок. Я слышал, как тоскливые мелодии моего страждущего народа сливаются с новыми песнями свободы. Но в 1917 году мне исполнилось восемнадцать, и большевистская революция казалась мне абсолютно единственным путем покончить с нищетой, неравенством и несправедливостью. Я с открытой душой вступил в партию большевиков. За марксистско-ленинское учение я взялся как за оружие в борьбе со злом, против которого восставало все мое существо.

Все эти годы я не ждал от Советской власти ничего, кроме того, что она дает мне право продолжать свое дело. И я не получил ничего большего. Долгое время спустя после установления Советской власти меня посылали за рубеж по заданиям, которые я выполнял с риском для жизни и дважды оказывался за тюремной решеткой. Я работал по шестнадцать — восемнадцать часов в день и никогда не зарабатывал больше, чем было необходимо для поддержания жизни. За границей я, как правило, жил с относительным комфортом, но до самого 1935 года не зарабатывал достаточно, чтобы моя квартира в Москве могла хорошо отапливаться или чтобы хватало на молоко моему двухгодовалому сыну. Я не занимал такого положения — да и не стремился к этому: я был слишком поглощен своей работой — благодаря которому можно было бы стать одним из нынешних привилегированных бюрократов, материально заинтересованных в защите советского строя. Я защищал этот строй потому, что верил, что он ведет нас к созданию нового, лучшего общества.

То обстоятельство, что моя работа была связана с защитой нашей страны против внешних врагов, мешало мне глубоко задуматься над тем, что происходит внутри страны, а тем более о том, что делается в ограниченном мирке политической власти. Как разведчик, я был знаком с внешними врагами Советского Союза гораздо более близко, чем с заговорщиками внутри него. Мне было известно о сепаратистских и фашистских заговорах, затеваемых в чужих странах, но мне были совершенно неведомы интриги, происходящие в стенах Кремля. Я наблюдал, как Сталин поднялся к безраздельной власти, в то время как ближайшие соратники Ленина гибли по вине государства, которое они создали. Но, как многие другие, я успокаивал себя мыслью, что, каковы бы ни были ошибки руководства, Советский Союз креп и продолжал быть надеждой всего человечества.

Бывали моменты, когда я начинал сомневаться и в этом, и если бы я видел альтернативу, я, возможно, выбрал бы иной путь. Но всегда в какой-нибудь части мира дела складывались таким

образом, что я был вынужден продолжать служить Сталину. В 1933 году, когда миллионы русских людей умирали от голода, я понимал, что это результат безжалостной сталинской политики и что Сталин намеренно не оказывал им государственную помощь. Когда Гитлер захватил власть в Германии, я понимал, что тем самым будет уничтожено все, что называется жизнью человеческого духа. Сталин был врагом Гитлера, и поэтому я продолжал служить Сталину.

В феврале 1934-го передо мной встала та же дилемма, и я сделал для себя тот же выбор. Я тогда проводил свой ежегодный отпуск в санатории «Марьино» в Курской области, в самом центре России. «Марьино» было когда-то имением князя Барятинского, победителя Кавказа. Роскошный дворец в версальском стиле стоял в окружении прекрасного английского парка с искусственными прудами. Персонал санатория состоял из превосходных врачей, спортинструкторов, медсестер и обслуги. В нескольких минутах ходьбы за его оградой находился совхоз, поставлявший продукты питания для отдыхающих. Дежурный вахтер у ворот следил за тем, чтобы крестьяне не смогли зайти на территорию санатория.

Однажды утром, вскоре после моего приезда, я с моим приятелем отправился на прогулку в деревню. То, что я увидел там, было ужасно. Полуголые ребятишки выбегали из полуразвалившихся изб, прося подать им хлеба. В деревенской кооперативной лавке не было ни хлеба, ни керосина — ничего. Ужасающая нищета произвела на меня самое гнетущее впечатление.

В тот вечер после отличного ужина все отдыхающие сидели в ярко освещенной столовой дворца и оживленно беседовали. На улице был страшный холод, а тут пылал камин, было тепло и уютно. Случайно я повернул голову к окну и увидел приклеенные к холодным стеклам лица беспризорных голодных деревенских ребятишек, смотревших на нас широко раскрытыми глазами. Тотчас же сидящие в зале перехватили мой взгляд и распорядились прогнать нарушителей. Почти каждый вечер кому-нибудь из детей удавалось проскользнуть во дворец, минуя вахтеров, в поисках пищи. Я часто приносил для них из столовой хлеб, но старался делать это незаметно, ибо другие на это смотрели косо. Советские служащие выработали в себе защитное свойство не замечать человеческих страданий:

«Мы идем к социализму трудными дорогами. Многим приходится посторониться. Нам надо хорошо питаться и отдыхать от своих трудов, пользуясь удобствами, все еще недоступными для других, потому что мы строители Прекрасного Будущего. Мы

— строители социализма. Мы должны быть всегда в форме, чтобы продолжать наш нелегкий путь. В свое время забота о всех несчастных, встречающихся на нашем пути, будет проявлена. А пока — прочь с дороги! Не мозольте нам глаза своими бедами! Если мы будем останавливаться и бросать крохи каждому, то наша цель никогда не будет достигнута».

И было совершенно очевидно, что люди, таким образом оберегающие свое душевное спокойствие, не будут слишком щепетильны на крутых поворотах этого пути и не станут серьезно задумываться над тем, ведет ли он в действительности к Светлому Будущему.

Морозным утром я добрался до Курска, возвращаясь домой из «Марьино». Я спешил на вокзал к приходу московского скорого. После плотного завтрака в вокзальном ресторане оставалось еще какое-то время, и я пошел в зал ожидания. Я никогда не смогу вытравить из памяти то, что я там увидел. Зал ожидания был битком набит крестьянами — женщинами, мужчинами и детьми. Около шестисот человек перевозили, как скот, из одной тюрьмы в другую. Сцена была до того кошмарной, что на какое-то мгновение мне показалось, что я вижу летучих мышей, снующих над этими измученными существами. Многие из них лежали на холодном полу почти донага раздетыми. Среди них были и такие, которые, по-видимому, умирали от тифа. Голод, боль, отчаяние или просто страдальческая покорность были написаны на их лицах. Пока я стоял и смотрел, сотрудник ОГПУ с бесстрастным выражением принялся их поднимать и подталкивать к выходу, как стадо коров, толкая и пиная и тех, кто был слишком слаб, чтобы встать и идти. Один из них, старик, так и не поднялся с пола. Это был всего лишь небольшой отряд несчастных из миллионной армии честных крестьянских семей, которых Сталин назвал «кулаками», — слово, которое теперь не имеет другого значения, кроме значения «жертва». Согнанные со своей земли, лишенные крова, они были уничтожены.

Как раз в это время — в феврале 1934 года — фашистские военные части обстреливали образцовые дома для рабочих Вены, построенные правительством социалистов. Фашистские пулеметчики косили огнем австрийских рабочих, стоявших насмерть, защищая завоевания социализма. Фашизм надвигался отовсюду. Кругом одерживали верх силы реакции: Советский Союз казался тогда всем надеждой человечества. И я продолжал работать на Советский Союз — то есть на Сталина.

Двумя годами позже произошла трагедия в Испании. Гитлер швырнул свои войска на подмогу режиму Франко, а премьер

социалистического правительства Франции Леон Блюм был втянут в лицемерную игру «невмешательства», обрекшую Испанскую республику на гибель. Было совершенно очевидно, что Сталин слишком поздно и нерешительно пришел на помощь зажатой в кольцо блокады республике, причем эта помощь была к тому же явно недостаточна. Я все еще продолжал считать, что, выбрав из двух зол меньшее, я воюю за правое дело.

Но вскоре ситуация круто изменилась. Сталин, как я понял, вслед за своей запоздалой помощью вонзил нож в спину законного правительства. Я увидел, что чистка в Москве приняла чудовищные размеры, уничтожив значительную часть большевистской партии. Такая же чистка произошла в Испании. Служа в разведке, я мог наблюдать тогда же, как Сталин протянул руку для тайного сотрудничества с Гитлером. Заискивая перед нацистским лидером, Сталин уничтожал видных командиров Красной Армии, таких, как Тухачевский и другие военачальники, с которыми я работал многие годы для обороны Советского Союза и защиты социализма.

Тогда-то я получил от Сталина свое последнее задание, как и все ответственные работники ОГПУ, пожелавшие избежать расстрела. От меня требовалось доказать свою лояльность тем, что я должен был доставить ему на расправу своего товарища. Я отказался это сделать, решив, что больше работать на Сталина не буду. Пришло время трезво смотреть на все, что творилось вокруг. Не задумываясь над тем, существует ли какое-либо иное решение мировых проблем, я пришел к сознанию того, что продолжаю работать на деспота тоталитарного режима, который отличается от Гитлера только социалистической фразеологией, доставшейся ему от его марксистского прошлого, о приверженности которому он так лицемерно заявлял.

Со службой режиму Сталина у меня было покончено, и я стал открыто рассказывать о нем. Это началось осенью 1937 года, когда Сталину все еще удавалось обмануть общественное мнение и государственных деятелей Америки и Европы своим лицемерным осуждением акций Гитлера. Несмотря на советы моих доброжелателей не делать этого, я решил нарушить молчание. Я говорю от имени миллионов мертвых, погибших по вине Сталина в результате насильственной коллективизации и искусственно созданного голода, от имени живых, влачащих существование на каторгах и в лагерях, от имени сотен тысяч моих товарищей по партии, томящихся в тюрьмах, и многих тысяч расстрелянных. Последний предательский акт сталинской политики — его пакт с Гитлером — убедил широкую общественность отказаться от безрассудного потакания Сталину,

игнорирования фактов его чудовищных преступлений, надежды на него как на орудие защиты демократии.

Теперь, когда Сталин открыл свои подлинные карты, пришло время заговорить тем, кто молчал по своей близорукости или из стратегических соображений. Так поступили уже несколько человек. Бывший посол республиканского правительства Испании во Франции Луис де Аракистэн участвовал в разоблачении характера сталинской «помощи» Испанской республике. Об этом же писал бывший премьер республиканского правительства Ларго Кабальеро.

Есть и другие люди, которые обязаны поднять свой голос. Один из них — Ромен Роллан. Поддержку, которую этот знаменитый писатель оказал тоталитаризму, замалчивая ужасы сталинской диктатуры, трудно переоценить. В течение многих лет Роллан вел переписку с Максимом Горьким. Горький, бывший одно время в дружеских отношениях со Сталиным и даже пытавшийся смягчать его поступки, несомненно сыграл определенную роль в вовлечении Роллана в лагерь «попутчиков». Последние месяцы своей жизни Горький стал в буквальном смысле пленником Сталина. Он отказал Горькому в поездке за границу на лечение. Переписка Горького просматривалась, а его письма к Ромену Роллану по специальному приказу направлялись Стецкому, бывшему тогда начальником секретариата Сталина, и оседали в архиве Сталина. Роллан, обеспокоенный молчанием друга, написал другому своему знакомому, помощнику режиссера МХАТа с просьбой разузнать, в чем дело. В ходе последнего московского процесса над «врагами народа» миру было объявлено о том, что Горький, остававшийся якобы другом Сталина, был отравлен Ягодой. В то время как шел этот процесс, в интервью писателю Борису Суварину, опубликованном в газете «Флеш», я объяснил Ромену Роллану, почему его письма не доставлялись адресату. Я попросил тогда Роллана сделать заявление о том, что его письма Максиму Горькому перехватывались Сталиным. Но он продолжал молчать. Заговорит ли он теперь, когда Сталин вступил в сговор с Гитлером?

У Эдуарда Бенеша, бывшего президента Чехословакии, тоже есть свои счеты к Сталину. Дело в том, что, когда в 1937 году были расстреляны Тухачевский и крупные военачальники Красной Армии, Европа была настолько возмущена, что Сталину пришлось искать каналы, через которые он мог бы убедить европейские демократические правительства в том, что победитель Деникина и Колчака — нацистский шпион. По указке Сталина в ОГПУ в сотрудничестве с Управлением разведки Красной Армии было состряпано досье, которое должно было бы

свидетельствовать против этих высших командиров Красной Армии, для передачи его правительству Чехословакии. Эдуард Бенеш, видимо, счел, что он не вправе проверять эти свидетельства, учитывая возможную помощь Сталина Чехословакии.

Пусть теперь Бенеш припомнит это дело, пересмотрит свое отношение к характеру «свидетельств», изготовленных специалистами из ОГПУ, и решит, имеет ли он право продолжать молчать.

Теперь, когда стало до боли ясно, что хуже способа бороться с Гитлером, чем замалчивание преступлений Сталина, нет, все те, кто впали в подобную ошибку, должны нарушить молчание. Из опыта последних трагических лет следует извлечь урок, что наступление тоталитарного варварства нельзя остановить путем стратегического отступления на позиции полуправды и фальши. Конечно, нельзя диктовать цивилизованной Европе, как ей защищать честь и достоинство человека, но я все же надеюсь, что все те, кто не хочет принять сторону Сталина и Гитлера, согласятся, что главным их оружием должна быть правда, а такие вещи, как убийство, должны быть названы своими именами.

Октябрь 1939 г.

Нью-Йорк

I. Сталин заигрывает с Гитлером

В ночь на 30 июня 1934 года, когда Гитлер устроил свою первую кровавую чистку, как раз в самый разгар ее, Сталин созвал в Кремле внеочередное заседание Политбюро. Еще до того как мир узнал о гитлеровской расправе, Сталин уже принял решение, каким будет его следующий шаг в отношении к нацистскому режиму.

Я работал тогда в Разведуправлении Генштаба Красной Армии в Москве. Мы знали, что в Германии вот-вот должен разразиться кризис. Все секретные сообщения, которые поступали к нам оттуда, подготовили нас к любой неожиданности. Как только Гитлер приступил к чистке, мы стали получать из Германии экстренные сообщения.

В ту ночь я со своими сотрудниками лихорадочно готовил сводку сообщений для наркома обороны Ворошилова. Среди тех, кого вызвали на заседание Политбюро, был и мой начальник генерал Берзин, нарком по иностранным делам Максим Литвинов, Карл Радек, в то время заведующий Информбюро при ЦК ВКП(б), и А. Х. Артузов, начальник Иностранного отдела ОГПУ.

Внеочередное заседание Политбюро было созвано с целью рассмотрения возможных последствий гитлеровской чистки для нынешнего режима в Германии и ее влияния на советскую внешнюю политику. Согласно секретной информации, которой мы располагали, чистка затронула два крайних крыла оппозиции Гитлеру. Существовала группа во главе с капитаном Ремом, состоящая из радикалов нацистской партии, недовольных умеренностью политики Гитлера. Они мечтали о «второй революции». Во вторую группу входили офицеры германской армии, возглавляемые генералами Шлейхером и Бредовом. Последние рассчитывали на реставрацию монархии. Обе группы вошли в контакт друг с другом с целью свержения Гитлера, причем каждая из них рассчитывала на свою победу в случае успеха задуманного. Спецдонесения из Германии, однако, сообщали о том, что военные гарнизоны в центральных областях и основной состав офицерского корпуса оставались верными Гитлеру.

В Западной Европе и Америке гитлеровскую чистку истолковали как признак ослабления нацистского режима. В советских кругах находились и такие, кто хотел верить в то, что

новые события предвещают крах правления Гитлера. У Сталина таких иллюзий не было. Он подвел итоги совещания в Политбюро следующими словами:

«События в Германии вовсе не означают падения нацистского режима. Напротив, они должны привести к консолидации аппарата этого режима и укреплению позиций самого Гитлера».

С этим заявлением Сталина Берзин вернулся с совещания в Кремле.

Охваченный желанием узнать результаты заседания, я ждал в управлении возвращения Берзина всю ночь. У нас было строгое правило, гласящее, что никто, даже сам начальник Разведупра, не имеет права брать секретные документы домой, поэтому я знал, что Берзин обязательно вернется в управление.

По высказыванию Сталина можно было судить, каким курсом будет следовать советская внешняя политика. На совещании было решено любой ценой вынудить Гитлера заключить договор с Советским правительством. Сталин всегда считал, что с сильным противником надо договариваться как можно раньше. События ночи 30 июня убедили его, что позиции Гитлера достаточно сильны. Для Сталина такой курс вовсе не означал чего-то нового. Это не был радикальный отход от его прежней политики по отношению к Германии. Он всего лишь решил удвоить свои усилия по налаживанию дружеских связей с Гитлером. Вся политика Сталина в отношении нацистского режима за все шесть лет существования последнего предопределила его оценку нынешнего хода событий. Он признал в Гитлере подлинного диктатора.

Представление о том, что Сталин и Гитлер — смертельные враги, бытовавшее вплоть до недавнего заключения советско-германского пакта, — чистейший миф. Эта искаженная картина была создана с помощью умелого камуфляжа и пропагандистской шумихи. На самом же деле Сталин вел себя как настойчивый проситель, которого не смущают категорические отказы. Реакция Гитлера была враждебной. Сталиным же руководил страх.

Если в Кремле и был кто-то, чье настроение можно было назвать прогерманским, то таким человеком с самого начала был Сталин. Он приветствовал сотрудничество с Германией с самого момента смерти Ленина и не изменил ему, когда к власти пришел Гитлер. Напротив, триумфальная победа нацистов укрепила его убежденность в необходимости искать дружбы с Берлином. Японская угроза на Дальнем Востоке только подстегнула его шаги в этом направлении. Он питал величайшее презрение к «слабым» демократическим правительствам и в

равной степени уважал «могучие» тоталитарные государства. Он неизменно руководствовался правилом, что надо поддерживать добрые отношения со сверхдержавой.

Вся сталинская международная политика последних шести лет представляла собой серию маневров, рассчитанных на то, чтобы занять удобную позицию для заключения сделки с Гитлером. Когда Сталин вошел в Лигу Наций, когда он предлагал создать систему коллективной безопасности, когда он заигрывал с Францией, флиртовал с Польшей, обхаживал Великобританию, посредничал в Испании, он действовал с оглядкой на Берлин в надежде, что Гитлер учтет его старания завязать дружбу.

Своего апогея сталинская политика достигла 10 марта 1936 года, в день заключения секретного германо-японского соглашения, проходившего под видом антикоминтерновского пакта. Условия этого секретного соглашения, текст которого попал в руки Сталина главным образом благодаря мне и моим сотрудникам, окончательно убедили его в необходимости искать союза с Гитлером. В начале 1937 года возможность такой сделки стала реальной. Вряд ли в то время кто-нибудь предполагал, что все это приведет к подписанию в августе 1939 года советско-германского договора.

Прошло два года с того момента, когда Сталин начал открыто демонстрировать перед всем миром свое дружеское расположение к Германии. 10 марта 1939 года, вслед за аннексией Австрии и оккупацией Судетской области, он впервые публично высказал свое мнение об этих потрясших всех захватнических действиях нацистов. Мир был ошеломлен прозвучавшим дружеским тоном по отношению к Гитлеру. Всеобщее потрясение вызвало вторжение Гитлера тремя днями позже на территорию Чехословакии. Весь ход сталинской политики заигрываний с Гитлером — как явных, так и секретных — указывал на то, что, чем агрессивней, становилась гитлеровская политика, тем настойчивее были старания Сталина умиротворить Германию.

Советско-германское сотрудничество стало фактом задолго до прихода Гитлера к власти и даже задолго до возвышения Сталина. Союз Москва — Берлин был сформулирован еще в 1922 году договором в Рапалло. Тогда с Советским Союзом, так же как и с Германской республикой, совершенно не считались, обе страны не пользовались никаким кредитом у союзников, обе они противились созданию Версальской системы и по-прежнему сохраняли традиционные торговые связи друг с другом и общность интересов.

Теперь стало общеизвестным, что за эти десять лет до

триумфа нацистов была достигнута секретная договоренность между рейхсвером — германской армией и Красной Армией. Советская Россия способствовала тому, что Германской республике удалось обойти пункт Версальского договора, запрещающий подготовку высших артиллерийских и танковых кадров, а также развитие авиации и химических средств ведения войны. Все это удалось проделать на советской территории. Со своей стороны Красная Армия получила возможность пользоваться услугами германских военных советников. Обе армии обменивались информацией. Общеизвестно также, что в течение всего этого десятилетия советско-германская торговля процветала. Немцы вкладывали свой капитал в советскую промышленность и получали концессии в Советском Союзе. Советское правительство закупало в Германии оборудование и приглашало на работу немецких технических специалистов.

Такова была ситуация к тому моменту, когда зловещая фигура Гитлера приняла конкретные очертания. За семь или восемь месяцев до его прихода к власти, в начале лета 1932 года, в Данциге я имел беседу с одним из высших военных чинов германского генерального штаба, убежденным монархистом, специально прибывшим из Берлина с явным намерением встретиться со мной. Это был военный старой закалки, веривший в идею реставрации германской империи в сотрудничестве с Россией. Мы обсудили с ним взгляды Гитлера, изложенные в его книге «Моя борьба». Германский офицер дал мне свой анализ складывающейся ситуации, заключив его словами:

«Пусть придет Гитлер и делает свое дело. А после мы, армия, быстро разделаемся с ним».

Я спросил офицера, не сможет ли он изложить свои взгляды в письменном виде, чтобы я мог отправить его записку в Москву. Он согласился. Его записка произвела в Кремле заметное впечатление. В то время преобладало мнение, что военные и экономические связи между Россией и Германией укоренились так глубоко, что Гитлер, придя к власти, едва ли сможет их игнорировать. Москва расценила угрозы Гитлера большевизму как маневр, облегчающий ему путь к власти. Они-де играют определенную роль и не нанесут ущерба коренным интересам наших двух стран, связанных сотрудничеством.

Сам Сталин почувствовал сильное облегчение, прочтя записку германского офицера. Будучи полностью осведомлен о содержании гитлеровской доктрины натиска на Восток, он все же по-прежнему склонялся к традиционному сотрудничеству между Красной Армией и рейхсвером и питал огромное уважение к

германской армии и ее руководству во главе с генералом фон Сектом. Взгляды офицера германского генерального штаба соответствовали его собственным взглядам. Сталин рассматривал рост нацистского движения главным образом как реакцию на Версальский мир. Ему казалось, что с приходом Гитлера Германия добьется одного — она стряхнет с себя оковы Версальского договора. Советское правительство первым сделало попытку помочь освободиться от них. И было естественно, что Москву и Берлин сплотила единая оппозиция хищнической политике победивших союзников.

По этим причинам Сталин не делал никаких попыток разрушить после прихода Гитлера союз Москвы и Берлина. Напротив, он делал все возможное, чтобы сохранить его в силе. А Гитлер в течение своих первых трех лет у власти только и делал, что постепенно разрушал дружеские узы между армиями Советского Союза и Германии. Но это не обескуражило Сталина. Он с еще большим упорством продолжал искать способы поддерживать дружбу с Гитлером.

28 декабря 1933 года, через 11 месяцев после того как Гитлер стал канцлером, Молотов, выступая на съезде Советов, подтвердил приверженность сталинской политике в отношении Германии:

«Наши отношения с Германией всегда занимали особое место в нашей международной политике… Со стороны Советского Союза нет причин для какого-либо изменения политики в отношении Германии».

На следующий день на том же съезде Советов нарком иностранных дел Литвинов пошел еще дальше, призывая налаживать взаимопонимание с Гитлером. Литвинов обрисовал программу отвоевывания германских территорий, изложенную в «Моей борьбе». Он высказался и о намерениях нацистов «огнем и мечом проложить себе путь на Восток, не останавливаясь у границ Советского Союза, и поработить народы этой страны». Вот его слова:

«Вот уже десять лет мы связаны с Германией тесными экономическими и политическими узами. Мы — единственная великая держава, не пожелавшая иметь ничего общего с Версальским договором и его последствиями. Мы отказались от прав и привилегий, которые сулил этот договор. Германия заняла первое место в нашей внешней торговле. И Германия, и мы сами получали исключительную выгоду из политических и экономических связей, установленных между нами (Председатель ЦИК Калинин с места: «В особенности Германия»). Основываясь

на этих отношениях, Германия смогла более смело и уверенно разговаривать со своими вчерашними победителями».

Этот намек, смысл которого подчеркнул своим восклицанием Калинин, был рассчитан на то, чтобы напомнить Гитлеру о роли России, способствовавшей тому, что он смог бросить вызов странам-победительницам. Затем Литвинов сделал следующее официальное заявление:

«Мы хотим иметь с Германией, как и с другими государствами, самые лучшие отношения. Советский Союз и Германия не извлекут из этих отношений ничего, кроме выгоды. Мы, со своей стороны, не имеем никаких стремлений к экспансии ни на Западе, ни на Востоке, ни в каком-либо другом направлении. Мы хотели бы услышать то же самое и от Германии».

Гитлер ничего подобного не сказал. Но и это не обескуражило Сталина. Напротив, он с удвоенной силой продолжал заигрывать с нацистским режимом.

26 января 1934 года в обращении Сталина XVII съезду ВКП(б) снова прозвучали те же мотивы. К тому времени Гитлер находился у власти ровно год. Он резко отклонил все политические заигрывания Москвы, не упустив, однако, возможность выговорить себе выгодные кредитные условия торговли с Советской Россией. Сталин расценил это как знак политической доброй воли. Обращаясь к съезду, он упомянул о тех элементах в нацистской партии, которые ратуют за возврат к «политике экскайзеровской Германии, благодаря которой когда-то была оккупирована Украина, предпринят поход на Ленинград, а Прибалтийские государства превращены в плацдарм для этого наступления». В политике германского правительства произошли перемены, сказал он, не за счет теорий национал социализма, а как следствие стремления рассчитаться с Версальским договором. Сталин опроверг утверждение о том, что перемена политики Советского Союза по отношению к Берлину объясняется «установлением фашистского режима в Германии», и протянул руку Гитлеру, произнеся следующее:

«Это неверно. Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной».

Протянутая Сталиным рука была проигнорирована Берлином. У Гитлера на сей счет были собственные мысли. Но Сталина это

никоим образом не обескуражило. Он только решил сменить тактику. Рассматривая нацистскую агитацию за создание антисоветского блока как маневр Гитлера, он решил ответить на него контрманевром. Отныне Советское правительство будет выступать как поборник Версальской системы, войдет в Лигу Наций и даже в антигерманский блок. Угроза, заключенная в подобном курсе, по мысли Сталина, должна была привести Гитлера в чувство.

Для осуществления этого крутого поворота в политике Сталин выбрал одного из своих лучших журналистов. Нужно учитывать, что целое поколение советских людей было воспитано в сознании того, что Версальский мир был самым пагубным инструментом дипломатии во всей истории. В Советском Союзе только один человек мог успешно публично проделать этот трюк, рассчитанный на эффект внутри страны и за ее пределами. Таким человеком был Карл Радек, который сыграл такую трагическую роль в знаменитом процессе января 1937 года. Сталин выбрал Радека, чтобы он подготовил советское и мировое общественное мнение к восприятию этой тактической перемены.

В эти дни, то есть весной 1934 года, я часто встречался с Радеком в здании Центрального Комитета партии. Тогда ходило много слухов о поручении Радеку подготовить серию статей для создания обстановки в пользу предстоящего поворота в политике. Статьи должны были появиться одновременно и в «Правде», и в «Известиях». Рассчитывалось, что они будут перепечатаны во всем мире и внимательно рассмотрены во всех европейских правительственных канцеляриях. В задачу Радека входило реабилитировать Версальский мир, возвестить о наступлении новой эры дружбы с Парижем, убедить сторонников Советского Союза в том, что такая позиция гармонично согласовывается с коммунистическими принципами, и в то же время оставить дверь открытой для соглашения с Германией.

Часто бывая в кабинете Радека, я знал, что он ежедневно консультируется со Сталиным, встречаясь с ним иногда по несколько раз на дню. Каждая написанная им фраза тщательно изучалась Сталиным лично. Статьи были в полном смысле плодом совместного труда Сталина и Радека. Пока они были в стадии подготовки, нарком Литвинов не оставлял попыток достичь соглашения с Гитлером. В апреле он предложил Германии сообща создать механизм для сохранения и гарантии независимости и нерушимости границ Прибалтийских государств. Берлин отверг это предложение.

Статья Радека была повсеместно воспринята как предвестник поворота Советского Союза в сторону Франции и Малой Антанты

и отхода от Германии.

«Германский фашизм и японский милитаризм, — писал Радек, — вступили на путь борьбы за передел мира против Советского Союза, Франции, Польши, Чехословакии, Румынии и Прибалтийских государств, против Китая и США. Однако британскому империализму хотелось бы, чтобы эта борьба была направлена исключительно против Советского Союза».

Однажды у меня с Радеком состоялся довольно серьезный разговор. Он знал, что мне известно о его задании. Я коснулся нашей «новой политики» и заговорил о том впечатлении, которое она произвела в информированных кругах.

Радека как будто прорвало.

«Только дураки могут вообразить, что мы когда-нибудь сможем порвать с Германией. Мои статьи одно дело, а жизненная реальность — совсем другое. Никто не даст нам того, что дала Германия. Для нас разрыв с Германией просто немыслим».

И Радек повел разговор о том, что мне было хорошо известно. Он говорил о наших отношениях с германской армией, которые даже при Гитлере находились в сильной зависимости от наших отношений с деловыми кругами Германии, и о том, что Гитлер сам под пятой у промышленников. Разумеется, Гитлер не пойдет против генерального штаба, который настроен в пользу сотрудничества с Россией. Разумеется, Гитлер не станет скрещивать шпаги с германскими деловыми кругами, занятыми с нами обширной торговлей. В этом вся суть германо-советских отношений.

Он назвал безмозглыми тех, кто полагал, что Советский Союз отвернется от Германии из-за преследований нацистами членов коммунистической и социалистической партий. Компартия разгромлена — это верно. Ее лидер Тельман в тюрьме. Тысячи ее членов заключены в концентрационные лагеря. Но это — лишь одна сторона дела. Нечто другое возникает, когда затрагиваются жизненные интересы Советской России. Эти интересы требуют и впредь придерживаться политики сотрудничества с германским рейхом.

Что же касается статей, которые он писал, то какое они имеют отношение к фактам? Это все дело большой политики. Такой маневр необходим. Сталин вовсе не намерен рвать отношения с Германией. Напротив, он ищет пути сближения Берлина с Москвой. Все это было элементарно для тех из нас, кто знал политику Кремля изнутри. Весной 1934 года никому из нас не снилось, что разрыв с Германией возможен. Мы все считали,

что статьи Радека отражают сталинскую стратегию.

Литвинов отправился в поездку по европейским столицам под предлогом защиты интересов так называемого пакта Локарно, призванного обеспечить — с общего согласия всех заинтересованных стран — неприкосновенность существующих границ государств Восточной Европы. Он прибыл в Женеву. Его поездка породила массу слухов о готовящемся франко-русском сближении как следствии публикаций радековских статей. В то же самое время Сталин упрямо продолжал утверждать на заседаниях Политбюро: «И все же мы должны идти вместе с Германией».

13 июня 1934 года Литвинов сделал остановку в Берлине для совещания с бароном Константином фон Нейратом, тогдашним министром иностранных дел гитлеровского правительства. Литвинов предложил Германии присоединиться к выдвинутому им Восточноевропейскому пакту. Нейрат твердо отклонил приглашение, туманно объяснив это тем, что подобная договоренность увековечила бы Версальскую систему. Когда Литвинов намекнул, что Москва может подкрепить свои договоры с другими странами путем военных союзов, Нейрат ответил, что Германия не боится риска очутиться в подобном окружении.

На следующий день, 14 июня, Гитлер встретился с Муссолини в Венеции на обеде.

Последний резкий отпор Берлина не обескуражил Сталина. Через советских внешнеторговых представителей ему до сих пор удавалось убедить влиятельные германские круги в искренности своих стремлений найти взаимопонимание с Гитлером, давая им понять, что Москва и впредь будет предоставлять концессии Германии.

В то же время Сталин сделал попытку вынудить Польшу сформулировать свою политику в ущерб Германии. Никто не мог знать тогда, какой путь изберет Польша, и для решения этой проблемы был созван пленум Политбюро. Литвинов и Радек, а также представитель Комиссариата обороны были едины во мнении, что следует повлиять на Польшу, чтобы она действовала заодно с СССР. Единственным человеком, не согласным с этой точкой зрения, был начальник Отдела контрразведки ОГПУ Артузов. Он выразил мнение, что перспективы польско-советского союза иллюзорны. Раздраженный таким откровенным несогласием с мнением Политбюро, Сталин резко оборвал его словами: «Своими рассуждениями вы вводите Политбюро в заблуждение».

Эта реплика Сталина быстро обошла московские компетентные круги. «Дерзкого» Артузова тут же сочли человеком

конченым. Последующие события подтвердили, что Артузов был прав. Польша взяла сторону Германии, и это, возможно, спасло Артузова на некоторое время. Артузов был обрусевший швейцарец, поселившийся в России в качестве учителя французского языка еще в царское время. Он участвовал в революционном движении перед первой мировой войной, а в 1917 году вступил в партию большевиков. Небольшого роста, седоволосый, с бородкой клинышком, любитель музыки, Артузов был женат на русской, его дети родились в Москве. В 1937 году он был арестован и расстрелян во время чистки.

Провал замыслов относительно Польши удвоил уверенность Сталина в необходимости продолжать заигрывание с Гитлером. Он использовал любые каналы для того, чтобы дать Берлину знать о своей готовности пойти на полюбовное соглашение. Гитлеровская кровавая чистка 30 июня немедленно подняла его в глазах Сталина. Гитлер впервые продемонстрировал Кремлю, что он сосредоточил власть в своих руках, что он диктатор не на словах, а на деле. Если у Сталина и были какие-то сомнения насчет способности Гитлера править железной рукой, то теперь эти сомнения рассеялись. С этого момента Сталин признал в Гитлере хозяина, который способен подкрепить делом свой вызов всему миру. Этим и ничем другим объясняется решение, принятое Сталиным ночью 30 июня, — заручиться любой ценой взаимопониманием с нацистским режимом.

Спустя две недели, 15 июля, Радек в статье, опубликованной в «Известиях», сделал попытку припугнуть Берлин, говоря о цели заключения московского соглашения со странами Версальского договора. Кончил он, однако, такой противоречивой фразой:

«Не существует причин, препятствующих тому, чтобы фашистская Германия и Советская Россия нашли взаимопонимание, ведь Советский Союз и фашистская Италия являются хорошими друзьями».

Предупреждение Гитлера, переданное через Нейрата о том, что Германия не побоится альянса со странами Версальского договора, побудило Сталина предпринять новый шаг.

В то время тесные контакты между Красной Армией и рейхсвером все еще продолжали существовать. Торговля между двумя странами была весьма оживленной. Поэтому Сталин смотрел на политический курс Гитлера в отношении Советского Союза как на маневр, дававший ему возможность занять удобную дипломатическую позицию. Не желая быть обойденным с фланга, он решил в ответ предпринять собственную широкомасштабную акцию.

Литвинов снова отправился в Женеву. Там в конце ноября 1934 года он провел переговоры с Пьером Лавалем на предмет заключения предварительного двустороннего пакта о взаимопомощи между Францией и Россией, оставшегося неподписанным, чтобы к нему смогли присоединиться другие страны. Протокол был подписан 5 декабря.

Пять дней спустя Литвинов выступил со следующим заявлением:

«Советский Союз по-прежнему выражает особое желание поддерживать наилучшие всесторонние связи с Германией. Таковы же, я уверен, и намерения Франции в отношении Германии. Заключение Восточно-европейского пакта позволит создать и дать ход дальнейшему развитию таких отношений между тремя странами, а также всеми, кто подпишет этот пакт».

На этот маневр Гитлер наконец-то отреагировал. Советскому правительству были открыты большие кредиты. Сталина это необычайно вдохновило. Он понял, что Гитлером руководили финансовые интересы.

Весной 1935 года, в тот момент, когда должен был состояться визит Антони Идена, Пьера Лаваля и Эдуарда Бенеша в Москву, Сталин достиг, по его мнению, своего самого большого триумфа. Германский рейхсбанк предоставил Советскому правительству долгосрочный заем в размере 200 миллионов золотых марок.

Вечером 2 августа 1935 года Артузов, я и другие сотрудники нашего управления собрались в Иностранном отделе ОГПУ на Лубянке. Это было накануне знаменитого перелета Леваневского Москва — Сан-Франциско через Северный полюс (Перелет С. А. Леваневского состоялся 5 августа — 13 сентября 1936 г. Прим. сост.). Нам должны были подать машину, чтобы мы могли присутствовать на аэродроме во время старта Леваневского и его двух товарищей. Пока мы ждали машину и запирали в сейфы бумаги, у нас возник разговор о наших отношениях с нацистским режимом. Артузов показал нам особо секретное донесение, только что полученное им от одного из наших крупных агентов в Берлине. Это был доклад, специально подготовленный для Сталина, — существуют ли в Германии сторонники Советского Союза и насколько они сильны?

После исключительно интересного анализа внутренней экономической и политической ситуации в Германии, характеристики элементов, недовольных правительством, оценки отношений Берлина с Францией и другими державами и преобладающих настроений в окружении Гитлера наш корреспондент приходит к такому заключению:

«Все попытки умиротворить и задобрить Гитлера с советской стороны обречены на провал. Основным препятствием на пути взаимопонимания с Москвой является сам Гитлер».

Доклад произвел на всех нас глубокое впечатление. Казалось, что логика и факты, содержащиеся в нем, не подлежат сомнению. Мы гадали, как воспримет его Хозяин. Артузов заметил, что оптимизм Сталина в отношении Германии все еще непоколебим.

— Знаете, что сказал Хозяин на последнем заседании Политбюро? — спросил Артузов. И процитировал:

«Как же сможет Гитлер начать войну против нас после того, как он предоставил нам такие займы? Это невозможно. Деловые круги в Германии слишком могущественны, и они диктуют события».

В сентябре 1936 года я выехал в Западную Европу, чтобы приступить к работе на моем новом посту руководителя военной разведки. Не прошло и месяца, как я вернулся обратно в Москву. Мое поспешное возвращение домой было вызвано чрезвычайными событиями.

Принимая дела нашей разведывательной сети, я обнаружил, что один из наших агентов в Германии напал на след секретных переговоров между японским военным атташе в Берлине генерал-лейтенантом Хироси Осима и гитлеровским неофициальным министром иностранных дел бароном Иоахимом фон Риббентропом.

Я решил, что эти переговоры представляют собой первостепенную важность для Советского правительства и требуют от меня особого внимания. Наблюдать за их развитием было непростой задачей. Для этой цели мне были нужны самые смелые и квалифицированные люди из всех, кто работал у нас. Поэтому я полетел в Москву для консультаций с начальством. Я вернулся в Голландию, вооруженный всеми необходимыми средствами, чтобы довести до конца сбор достоверной информации о переговорах Осимы — Риббентропа.

Переговоры эти велись в обход обычных дипломатических каналов. Посол Японии в Берлине и германское министерство иностранных дел в них не участвовали. Посол по особым поручениям Гитлера Риббентроп сам вел переговоры с японским генералом. К концу 1935 года информация, которой я располагал, не оставляла ни тени сомнения в том, что переговоры близятся к определенной цели. Мы знали, конечно, что целью этой сделки был Советский Союз.

Мы знали также, что японская армия долгие годы горела

желанием приобрести планы и модели германского специального авиационного вооружения. Японские милитаристы явно демонстрировали свое желание не останавливаться ни перед чем, лишь бы получить от Берлина патенты на производство самых последних образцов военного снаряжения. Это служило отправной точкой на германо-японских переговорах.

Сталин пристально следил за развитием событий. Очевидно, Москва решила сорвать переговоры, сделав их достоянием гласности. В первых числах января 1936 года в западноевропейской печати начали появляться сообщения, что между Германией и Японией заключено какое-то секретное соглашение. 10 января глава Советского правительства Молотов сделал заявление, публично сославшись на эти сообщения. А через два дня Берлин и Токио объявили о несостоятельности таких слухов.

Единственным результатом гласности стала усиленная секретность вокруг переговоров, а Германия и Япония были вынуждены изобрести некую маскировку для фактического соглашения, которое им предстояло сформулировать.

На протяжении всего 1936 года все столицы мира были взбудоражены муссировавшейся в публичных выступлениях и частных разговорах темой германо-японской сделки. Повсюду в дипломатических кругах она стала предметом всяческих домыслов. Москва настаивала на документальном подтверждении подписания соглашения. Мои люди в Германии рисковали жизнью, преодолевая неимоверные трудности. Они понимали, насколько важны их работы по добыванию этих доказательств.

Мы знали, что нацистская секретная служба ведет перехват переговоров и что в ее распоряжении имеются копии кодированных посланий, которыми генерал Осима обменивался с Токио во время переговоров. В конце июля 1936 года мне стало известно, что нашим агентам в Берлине удалось наконец-то добыть эту секретную переписку в переснятом виде. Таким образом, канал для получения сведений о дальнейшей переписке между Осимой и его правительством начал работать.

Было трудно перенести то напряжение, которое я испытывал все последующие дни, зная, что бесценный материал уже в наших руках и переправка его из Германии безопасным путем требует времени. Но делать нечего, пришлось терпеливо ждать.

8 августа поступило сообщение о том, что курьер с секретной корреспонденцией уже находится на пути в Амстердам. Я в тот момент был в Роттердаме. Как только было получено это сообщение, я с моим помощником сел в машину и помчался в Амстердам. По дороге мы встретились с нашим агентом,

спешащим навстречу, чтобы вручить мне этот материал. Мы остановились на шоссе.

— Вот, — сказал он. — Добыли, наконец, — и протянул мне несколько роликов пленки, какой мы обычно пользуемся для пересылки почты.

Мы отправились в Харлем, где у нас была засекреченная фотолаборатория. Корреспонденция Осимы была с японским кодом. Но у нас имелась японская дешифровальная книга. В Харлеме нас ждал первоклассный специалист по японскому языку, которого нашла Москва по нашему настоянию. Я не мог заставить Москву ждать прибытия документов с курьером, а закодированное сообщение из Голландии передать было нельзя. Один из моих сотрудников должен был вылететь в Париж, как только будет готов перевод, чтобы оттуда передать его в Москву.

Пока шло декодирование, я все больше убеждался в том, что передо мной полная переписка Осимы с Токио, фиксирующая шаг за шагом весь ход переговоров с Риббентропом, а также все предложения, полученные им от своего правительства. Генерал Осима сообщал, что его переговоры идут под личным контролем Гитлера, который часто совещается с Риббентропом и дает ему указания. Из корреспонденции становилась ясной цель переговоров, состоящая в заключении секретного пакта для координации всех шагов, предпринимаемых Берлином и Токио в Западной Европе, а также в районе Тихого океана. В корреспонденции, освещающей весь ход переговоров на протяжении целого года, не было ни единого упоминания о Коминтерне и не содержалось ни единого предложения о каких-либо мерах, направленных против коммунистического движения.

По условиям секретного договора, Япония и Германия брали на себя обязательство урегулировать между собой все проблемы, связанные с Советским Союзом и Китаем, и не предпринимать никаких шагов ни в Европе, ни на Тихом океане без консультаций друг с другом,

Берлин дал также согласие на передачу Токио материалов по модернизации вооружения и на обмен с Японией военными миссиями.

В 5 часов вечера мой курьер отправился в Париж с готовой шифровкой. Я вернулся на свою квартиру и решил на несколько дней полностью отключиться от дел.

С этого времени вся последующая корреспонденция между генералом Осимой и Токио регулярно проходила через наши руки. Выяснилось, что секретный пакт уже заключен и скреплен подписями генерала Осимы и Риббентропа. Он получил название, из которого должно быть ясно, что объектом сотрудничества

Германии и Японии были интересы, выходящие за пределы компетенции Советского Союза и Китая.

Оставался нерешенным один вопрос: как замаскировать секретный пакт. Чтобы обмануть общественное мнение, Гитлер решил составить проект антикоминтерновского пакта.

25 ноября в присутствии всех послов иностранных держав в Берлине, за исключением Советского Союза, антикоминтерновский пакт был подписан официальными представителями правительств Германии и Японии. Это был документ, состоящий из нескольких кратких пунктов. За ним скрывалось секретное соглашение, о существовании которого никто не догадывался. Сталин, разумеется, имел все доказательства германо-японской сделки, которые я направил в Москву. Он решил показать Гитлеру, что Советское правительство хорошо информировано обо всем. Наркому Литвинову было поручено преподнести Берлину этот сюрприз. 28 ноября, выступая с докладом на внеочередной сессии съезда Советов, Литвинов изложил эту ошеломляющую новость:

«Хорошо информированные круги отказываются верить, что для подписания ничего не значащих пунктов опубликованного германо-японского договора потребовалось вести переговоры целых полтора года; что эти переговоры были поручены японскому генералу и немецкому дипломату высшего ранга и что они должны были проходить в обстановке глубокой секретности, втайне даже от официальных дипломатических кругов Германии и Японии…

Что касается германо-японского соглашения, которое было опубликовано, я посоветовал бы вам не искать в нем какого-либо смысла, ибо его там нет. По той лишь причине, что оно служит прикрытием для другого соглашения, которое разрабатывалось одновременно и, возможно, уже подписано, но не подлежало гласности.

Я утверждаю с полной ответственностью, что выработке этого секретного документа, в котором коммунизм ни словом не упоминается, были посвящены полтора года переговоров между японским военным атташе и германским дипломатом высшего ранга…

Это соглашение с Японией откроет путь войне, которая может охватить не один континент, а два и даже больше».

Нужно ли рассказывать, какой переполох был поднят в Берлине после этой разоблачительной речи.

Что же касается моего вклада в это дело, то Москва расценила это как триумф. Я был представлен к ордену Ленина.

Представление получило одобрение во всех инстанциях, но документы были затеряны в период чистки в Красной Армии. Я так и не получил эту награду.

Реакция американской стороны на германо-японский секретный пакт привлекла мое внимание, когда я находился уже в Соединенных Штатах. В январе 1939 года Гитлер назначил своего личного адъютанта капитана Фрица Видемана генеральным консулом в Сан-Франциско. Фриц Видеман был командиром Адольфа Гитлера во время первой мировой войны и является одним из его самых близких соратников. Назначение такой фигуры на этот, на первый взгляд, маловажный пост на Тихом океане свидетельствовало об эффективности германо-японского секретного пакта. Гитлер включил в свои планы даже возможность совместных с Японией маневров на Тихом океане.

Генерал-лейтенант Осима получил в октябре 1938 года повышение, став послом Японии в Германии, и в ноябре того же года состоялось вручение его верительных грамот.

Как же повлиял пакт Берлин — Токио на внешнюю политику Кремля? Как отреагировал Сталин на эту замаскированную акцию Гитлера против Советского Союза? Сталин продолжал действовать одновременно по двум направлениям. Маневры, которые он совершил для видимости, известны теперь всем. Он упрочил свои связи с Францией специальным договором и стал настаивать на создании союза. С Чехословакией он заключил соглашение о взаимопомощи. Он организовал кампанию единого антифашистского фронта. По его указанию Литвинов начал кампанию за создание системы коллективной безопасности, за сплочение всех великих и малых держав в защиту Советского Союза от германо-японской агрессии. Он вмешивался в дела Испании для приобретения более тесных связей с Парижем и Лондоном. Но все эти демонстративные операции были рассчитаны на то, чтобы произвести впечатление на Гитлера, и имели под собой одну лишь цель — добиться сговора с Германией. Германо-японский пакт был едва подписан, а Сталин уже направил в Берлин в качестве торгпреда своего личного эмиссара Давида Канделаки с тем, чтобы он, минуя обычные дипломатические каналы, любой ценой вошел в сделку с Гитлером. На заседании Политбюро, состоявшемся в это время, Сталин с уверенностью сообщил своим соратникам:

«В самом ближайшем будущем мы осуществим соглашение с Германией».

В декабре 1936 года я получил задание заморозить нашу агентурную сеть в Германии. Первые месяцы 1937 года прошли в

ожидании благоприятного исхода секретной миссии Канделаки. В апреле я был еще в Москве, когда он прибыл из Берлина в сопровождении представителя ОГПУ в Германии. Канделаки привез с собой проект соглашения с нацистским правительством. Он был принят лично Сталиным, уверовавшим в то, что наконец-то все его маневры увенчались успехом.

В то время мне представился случай пообщаться с Ежовым, который в тот период стоял во главе ОГПУ. Он только что доложил Сталину об одной моей операции. Ежов, в молодости рабочий-металлист, был воспитан в сталинском духе. Этот организатор печально знаменитых чисток был человеком недалекого ума. Любой свой вопрос он нес к Сталину и все, что говорил ему Хозяин, повторял слово в слово, а затем претворял в дело.

Мы с Ежовым обсудили ряд поступивших к нам сообщений, касающихся недовольства, зревшего внутри Германии, и возможной оппозиции Гитлеру со стороны старых монархистских группировок. Как раз в тот день Ежов обсуждал этот вопрос со Сталиным. Его слова были буквально фонографической записью слов самого Хозяина.

— Что это за чепуха о недовольстве Гитлером в германской армии? — воскликнул он. — Чем может быть довольна армия? Хорошим снабжением? Его обеспечивает Гитлер. Хорошим оружием и снаряжением? Их поставляет Гитлер. Престижем и почетом? Их дал ей Гитлер. Ощущением власти и радостью победы? Они исходят также от Гитлера. Вся эта болтовня насчет волнений в армии — чепуха.

Что касается капиталистов, то для чего им кайзер? Они хотели, чтобы рабочие вернулись на фабрики? Но это сделал для них Гитлер. Они хотели избавиться от коммунистов? Гитлер засадил их в тюрьмы и лагеря. Они по горло сыты профсоюзами и забастовками. Гитлер поставил рабочее движение под контроль государства и запретил забастовки. Чем капиталистам тут быть недовольными?

Ежов долго еще распространялся в том же духе. Германия сильна. Она теперь сильнее всех в мире. Такой сделал ее Гитлер. Кто может в этом сомневаться? Кто, находясь в здравом уме, может не считаться с этим? Он тут же процитировал Сталина:

«Мы должны прийти к соглашению с такой сверхдержавой, как нацистская Германия».

Гитлер, однако же, снова отклонил попытку Сталина к сближению. К концу 1937 года, когда лопнули планы Сталина в

Испании, а Япония добилась успехов в Китае, международная изоляция Советского Союза достигла высшей степени. Сталин тогда сделал вид, что занимает позиции нейтралитета между двумя основными группировками государств. 27 ноября 1937 года, выступая с речью в Ленинграде, нарком иностранных дел Литвинов высмеял демократические страны за их связь с фашистскими государствами. Скрытые же цели Сталина остались прежними.

В марте 1938 года Сталин организовал свой грандиозный десятидневный процесс над группой Рыкова — Бухарина — Крестинского, бывшими ближайшими соратниками Ленина, стоявшими у истоков Октябрьской революции. Эти руководители большевистской партии, ненавистные Гитлеру, были расстреляны по приказу Сталина 13 марта 1938 года, а 12 марта Гитлер аннексировал Австрию без всякого протеста со стороны СССР. Единственной реакцией Москвы было предложение созвать конгресс демократических государств.

В сентябре 1938 года во время аннексии Гитлером Судет Литвинов предложил оказать совместную помощь Праге под эгидой Лиги Наций. Сам Сталин хранил молчание на протяжении всего необычайно богатого событиями 1938 года. Но и после Мюнхена он не отказывался от своих попыток тайных подходов к Гитлеру.

12 января 1939 года на глазах всего дипломатическсго корпуса состоялся демонстративный дружеский разговор между Гитлером и новым советским послом. Неделей позже в лондонской «Ньюс кроникл» появилась заметка о готовящемся сближении между нацистской Германией и Советской Россией. Эта заметка была немедленно помещена на видном месте в «Правде» — рупоре Сталина.

25 января редактор иностранного отдела лондонской «Дейли геральд» в своей статье сообщил, что нацистское правительство «почти целиком уверено в том, что в случае войны в Европе Советский Союз примет политику нейтралитета и невмешательства» и что на пути в Москву находится германская торговая делегация, «цели которой скорее политические, нежели коммерческие».

В первых числах февраля выяснилось, что Москва договорилась о продаже нефти только Италии, Германии и странам, дружественным оси Рим — Берлин. Впервые за всю свою историю Россия прекратила продажу нефти частным иностранным компаниям. Эта новая политика означала поставку жизненно необходимых материалов Италии и Германии в случае войны с Великобританией и Францией.

10 марта 1939 года состоялось первое выступление Сталина после аннексии Германией Австрии и Судет, где он высказался о Гитлере настолько доброжелательно, что это стало шоком для всего мирового общественного мнения. Он упрекал демократические правительства за то, что они плетут заговор с целью «отравить атмосферу и спровоцировать конфликт» между Германией и Советской Россией, для которого, как он выразился, «нет никаких видимых причин».

Через три дня после сталинской речи Гитлер подверг расчленению Чехословакию. Еще через два дня он полностью покорил ее. Конечно, это произошло в результате чемберленовской политики умиротворения Гитлера. До мирового общественного мнения тогда еще не дошло, что это был еще и результат сталинской политики задабривания. Сталин давно уже втайне играл на руку оси Рим — Берлин против группировки Париж — Лондон. Он совершенно не верил в силу демократических государств.

Сталину было ясно, что Гитлер задумал раз и навсегда разрешить проблему Центральной и Юго-Восточной Европы, поставить народы и ресурсы этих районов под свой экономический и политический диктат и превратить его в военную базу для будущих операций.

Сталин видел, как Гитлер за последние годы успешно закрепился на позициях, облегчающих ему дальнейшее продвижение почти во всех направлениях. Он бросил якорь в Тихом океане и дотянулся до Южной Америки. Он вплотную приблизился к британским колониям на Ближнем Востоке. А с помощью Муссолини стал угрожать африканским колониям.

Сталин стремится всеми силами избежать войны. Больше всего он опасается войны. Если Гитлер гарантирует ему мир даже ценой важных экономических уступок, он даст ему свободу действий…

Такой анализ сталинской закулисной политики по отношению к гитлеровской Германии был сделан на страницах «Сатердей ивнинг пост» за несколько месяцев до 23 августа 1939 года, когда мир был оглушен новостью о подписании сталинско-гитлеровского пакта. Для автора этих строк пакт не был новостью. И Молотов, и Риббентроп уверяют, что нацистско-советский пакт означает открытие новой эпохи в германо-советских отношениях, что будет иметь глубокие последствия для будущего Европы и всего мира. И это абсолютная правда.

II. Конец Коминтерна

Коммунистический Интернационал был образован в Москве 2 марта 1919 года. Свой смертельный удар он получил в Москве 23 августа 1939 года, как только Молотов и Риббентроп подписали протокол о заключении советско-германского пакта. Но признаки его упадка были заметны еще задолго до этого события.

Майским утром 1934 года я зашел в кабинет начальника контрразведки ОГПУ Волынского на десятом этаже здания ОГПУ на Лубянке. Внезапно с улицы послышались музыка и пение. Выглянув в окно, мы увидели, что внизу по улице идет колонна демонстрантов. Это шли триста членов австрийской социалистической армии «Шютцбунд», которые героически боролись на баррикадах Вены против фашистского «хаймвера». Советская Россия предоставила убежище этому немногочисленному батальону борцов за социализм. /92/

Я никогда не забуду это майское утро, счастливые лица людей, поющих свой революционный гимн «Братья, вперед к солнцу, вперед к свободе», их дружеское общение с группами советских людей, присоединившихся к шествию. На какое-то мгновение я забыл, где нахожусь, но Волынский вернул меня на землю:

— Как вы думаете, Кривицкий, сколько среди них шпионов?

— Ни одного, — ответил я со злостью.

— Вы глубоко ошибаетесь, — сказал он. — Через шесть-семь месяцев процентов семьдесят из них будут сидеть на Лубянке.

Волынскому на его посту было хорошо известно, как действовала сталинская машина власти. Из тех трехсот австрийцев на советской территории не осталось теперь ни одного. Многие были арестованы сразу же по прибытии в Советский Союз. Другие, хотя и сознавали, что ждет их дома, устремились в австрийское посольство за разрешением вернуться на родину — и там отсидели в тюрьмах свой срок.

— Лучше за решеткой в Австрии, чем свобода в Советском Союзе, — говорили они.

Какая-то часть этих беженцев в составе интербригады была отправлена в Испанию для участия в гражданской войне. Сталин стремительно продвигался по пути к тоталитарному деспотизму, и Коминтерн уже был ему не нужен.

Коммунистический Интернационал был основан российской большевистской партией (примеч. — В качестве «делегатов» действовали социалисты и новообращенные коммунисты из числа членов соцпартий, оказавшиеся в Москве. Единственным

настоящим делегатом от зарубежной революционной организации был Эберлейн — от германского общества «Спартак». Но и тот прибыл с наказом Розы Люксембург голосовать против нового Интернационала. Авт.) двадцать лет назад в преддверии, как тогда считалось, мировой революции. Ленин был убежден, что социалистические и рабочие партии Западной Европы, поддерживая «империалистическую войну», которую вели их правительства в 1914–1918 годах, предали интересы трудящихся масс. Он считал, что традиционные рабочие партии и федерации профсоюзов Германии, Франции, Великобритании и США со своей верой в представительное правительство и мирное врастание в более справедливое социальное Общество совершенно устарели и что задача одержавших /93/ победу русских большевиков состоит в том, чтобы возглавить революционное движение рабочих всех стран. Целью Ленина было создание Коммунистической партии США и, в конечном счете, победа коммунизма во всем мире.

Ленин был уверен, что большевики, несмотря на свой энтузиазм, в упоении первыми победами не смогут построить коммунистическое общество в России, если трудящиеся передовых стран не придут к ним на помощь. Он понимал, что его смелый эксперимент обречен на неудачу, если к отсталой аграрной России не присоединится хотя бы одна великая индустриальная держава. Самые большие свои надежды он возлагал на скорую революцию в Германии.

Прошедшие двадцать лет подтверждают, что Ленин недооценивал значимость существующих рабочих организаций, как профсоюзных, так и политических, и переоценивал возможность применить к Западной Европе идеи русского большевизма с его лозунгом немедленного свержения всех правительств, демократических и автократических, и установления диктатуры Коминтерна.

На протяжении двух десятилетий Коминтерн, основанный, вдохновляемый и направляемый партией большевиков, искал пути навязывания своих методов и своей программы за пределами России. Повсюду он создавал компартии в соответствии с в высшей степени централизованной и дисциплинированной большевистской моделью, послушные и подотчетные только штаб-квартире в Москве.

Коминтерн направлял своих агентов во все уголки мира. Он планировал выступления масс и военные перевороты в Европе, на Дальнем Востоке и в Западном полушарии. Наконец, когда все эти усилия ни к чему не привели, Коминтерн предпринял свою последнюю политическую акцию — создание в 1935 году

Народного фронта. На этом заключительном этапе, вооруженный новыми видами камуфляжа и компромиссов, он повел свое наступление на общественные организации и даже правительственные учреждения ведущих демократических стран, проникая в их недра.

Я имел возможность с самого начала вплоть до 1937 года наблюдать за деятельностью Коминтерна. На протяжении восемнадцати лет я принимал непосредственное участие в его военных и политических акциях за /94/ рубежом. Я был одним из исполнителей воли Сталина во время интервенции в Испании, куда Коминтерн в последний раз бросил свои боевые силы. Я начал работать в Коминтерне в 1920 году, во время войны с белополяками. Меня направили в органы советской военной разведки Западного фронта, штаб которой находился в Смоленске. По мере продвижения армии Тухачевского по пути к Варшаве задачей нашего отдела было устраивать диверсии, саботаж на транспорте при погрузке вооружения, вести пропаганду в польской армии для подрыва ее морального духа, снабжать руководство Красной Армии военной и политической информацией.

Поскольку у нас и агентов Коминтерна в Польше не было четкого разграничения обязанностей, мы сотрудничали всеми возможными способами с только что образованной Польской коммунистической партией и издавали революционную газету «Свит» («Заря»), которую мы распространяли среди солдат польской армии.

В день, когда Тухачевский стоял у ворот Варшавы, депутат от крестьян Домбаль заявил в польском парламенте:

— Я не считаю, что Красная Армия наш враг. Напротив, я приветствую Красную Армию как друга польского народа.

Для нас это было чрезвычайно важным событием. Мы опубликовали речь Домбаля в «Свите» и распространили сотни тысяч ее экземпляров по всей Польше, особенно среди польских солдат.

Домбаль был тут же арестован и заключен в Варшавскую цитадель — польскую тюрьму для политических преступников. Через три года Советское правительство добилось наконец его освобождения, обменяв его на группу польских аристократов и священников, взятых заложниками. Он тогда приехал в Москву и был встречен как один из героев Коминтерна. На него обрушилась лавина почестей и наград. Ему был предоставлен высокий пост. В течение почти десятилетия Домбаль был одним из самых важных деятелей Коминтерна из числа нерусских его членов.

В 1936 году он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши на протяжении семнадцати лет, то есть с момента его речи в польском парламенте. ОГПУ посчитало, что приветствие Домбалем Красной Армии, а также тот факт, что он три года отсидел в /95/ тюрьме, были спланированы польской военной разведкой. Домбалъ был казнен.

Во время советскопольской войны Польская коммунистическая партия работала рука об руку с нашими службами, и мы готовили ее для сотрудничества с Красной Армией. Польская компартия подчинялась всем приказам наступающей армии Тухачевского.

Члены Польской компартии помогали нам, организуя саботаж, диверсии, мешали транспортировке военного снаряжения из Франции. Мы организовали забастовку в Данциге, чтобы не допустить поставку французского оружия для польской армии. Я ездил в Варшаву, Краков, Лемберг, в немецкую и чешскую Силезию и в Вену, организуя забастовки, чтобы не допустить разгрузки оружия. Успешной была организованная мной железнодорожная забастовка на чешской узловой станции Одерберг, воспрепятствовавшая передаче Пилсудскому военного снаряжения, изготовленного на заводе «Шкода».

«Железнодорожники! — писал я в листовке. — Вы возите пушки, которые будут бить по вашим собратьям, русским рабочим».

В то же самое время правительство Советской Польши, предвкушая захват Варшавы, приближалось вместе со штабом Тухачевского к польской столице. Возглавить это правительство было поручено Феликсу Дзержинскому, ветерану польского революционного движения и руководителю Чека (прежнее название ОГПУ).

Русско-польская война была одной из серьезнейших попыток, предпринятых Москвой, установить большевистские порядки в Западной Европе на остриях штыков. Она потерпела крах, несмотря на наши усилия, военные и политические, несмотря на победы Красной Армии и на то, что на нас работала польская секция Коминтерна вместе с нашими пропагандистами и разведчиками по ту сторону польской границы. В конечном счете измотанная Красная Армия была вынуждена отступить. Пилсудский стал хозяином Польши. Лопнула надежда Ленина протянуть руку трудящимся Германии через Польшу и помочь им распространить революцию до берегов Рейна.

Мысль ускорить большевистскую революцию посредством военного вторжения родилась еще раньше, в 1919 году, во время недолгого существования Венгерской и Баварской республик.

Отряды Красной гвардии /96/ стояли тогда почти в сотне километров от границы с Венгрией. Но большевики были еще слишком слабы; к тому же они были заняты войной с белыми.

К началу 1921 года, когда между Россией и Польшей был подписан договор в Риге, большевики, в особенности сам Ленин, осознали, что революция в Западной Европе была трудной задачей будущего. Рассеялись надежды на быстрый успех в международном масштабе, на который рассчитывали на Первом и втором конгрессах Коминтерна, когда его председатель Зиновьев заявил, что в течение одного года вся Европа станет коммунистической. Однако и после 1921 года, и уже в 1927 году Москва пыталась организовать ряд революционных восстаний и путчей.

Тысячи рабочих в Германии, Прибалтике, на Балканах и в Китае пали напрасными жертвами этих безответственных авантюр. Коминтерн посылал их на верную смерть, стряпая планы военных переворотов, всеобщих забастовок и восстаний, ни один из которых не имел шансов на успех.

В начале 1921 года в России сложилась особо угрожающая ситуация для советского режима. Голод, крестьянские восстания, Кронштадтский мятеж и всеобщая стачка петроградских рабочих подвели правительство к черте, за которой был крах. Победы, одержанные на полях гражданской войны, казались напрасными, и большевики вслепую искали пути выхода, встречая оппозицию со стороны тех самых рабочих и матросов, которые некогда были их главной опорой. Коминтерн, оказавшись в этой отчаянной ситуации, принял решение, что единственный путь, который может спасти большевизм, — это революция в Германии. Зиновьев послал в Берлин своего верного соратника Бела Куна, еще недавно стоявшего во главе Венгерской Советской республики.

Бела Кун прибыл в Берлин в марте 1921 года с приказом ЦК Компартии Германии от Зиновьева и Исполкома Коминтерна, гласящим: в Германии сложилась революционная ситуация, коммунистическая партия должна взять власть. Члены ЦК Германской компартии были в недоумении. Они не верили собственным ушам, понимая, что надежды на свержение берлинского правительства нет. Но приказ Бела Куна был ясен: немедленное восстание, отказ от Веймарской республики и установление диктатуры коммунистов. ЦК Германской /97/ компартии подчинился инструкциям из Москвы. Будучи во власти Исполкома Коминтерна во главе с Зиновьевым, ЦК Германской компартии не мог ослушаться.

22 марта была объявлена всеобщая забастовка в

промышленных районах Центральной Германии — Мансфельде и Мерзебурге. 24 марта коммунисты захватили здания муниципальных учреждений в Гамбурге. В Лейпциге, Дрездене, Хемнице и других городах Центральной Германии коммунисты организовывали захват зданий, судов, муниципалитетов, банков и полицейских участков. Официальный орган немецких коммунистов «Роте фане» открыто призывал к революции.

На медных рудниках Мансфельда коммунистический Робин Гуд Макс Гельц, который за год до этих событий один на один вел партизанскую войну против правительства Берлина в Фогтланде, в Саксонии, заявил, что он руководит всеми операциями. Примерно в это время по всей Германии прокатилась волна угроз взорвать общественные здания и монументы. В правительстве поняли, что это дело рук Гельца.

24 марта рабочие-коммунисты крупного завода по производству азота в Лейне, вооруженные винтовками и ручными гранатами, забаррикадировались в здании завода.

Однако все старания коммунистов скоординировать эти выступления на местах не увенчались успехом. Преданные и прошедшие подготовку партийные активисты откликнулись на призыв, и батальон за батальоном были посланы партией на смерть с не меньшей жестокостью, чем это делал Людендорф, бросая войска на фронт. Огромная масса рабочих не отозвалась на призывы присоединиться ни ко всеобщей забастовке, ни к отдельно вспыхнувшим выступлениям. К началу апреля восстание было подавлено по всей стране.

Лидер Германской компартии д-р Пауль Леви, с самого начала возражавший против этой авантюры, сочтя ее безумием, был исключен из партии за то, что назвал виновников своими именами. Он дал понять Москве, что она совершенно не разбирается в том, какова ситуация в Западной Европе, и ее безумная затея стоила жизни тысячам рабочих. Иначе как «негодяями» и «дешевыми политиканами» вождей и эмиссаров большевистской партии он не называл.

Сразу же после мартовского восстания Компартия Германии потеряла половину своих членов. Что касается /93/ подстрекателя Макса Гельца, хотевшего динамитом расчистить путь к власти, то он был судим за убийство, поджог, разбой и другие преступления и приговорен к пожизненному заключению.

Меня интересовала судьба Гельца потому, что, несмотря на все его сумасбродные идеи, он был, несомненно, честным и храбрым революционером. Для рабочих его родного Фогтланда он был легендарной фигурой. Когда я работал в Бреслау, где Гельц отбывал наказание, я установил контакт с одним из его

тюремных надзирателей, который сильно к нему привязался. Через него я посылал Гельцу книги, шоколад, кое-что из еды. С ним мы обдумывали план побега Гельца. Но мне были необходимы помощь и разрешение партии. Я связался с Хаманом, руководителем местной партийной организации в Бреслау, и он пообещал дать мне надежных людей. Тогда я поехал в Берлин и изложил свою просьбу перед ЦК Компартии. Там обсудили этот вопрос. Одни хотели освободить его легально — путем избрания в депутаты рейхстага. Другие считали, что его побег послужит хорошим средством разбудить массы, которые в то время проявляли апатию к Компартии. Мне дали разрешение попытаться организовать побег. Приехав в Бреслау, я узнал от тюремщика, что ему приказано усилить охрану Гельца.

Власти узнали о нашем намерении не от кого другого, как от самого Хамана, руководителя коммунистической организации Бреслау, депутата рейхстага н полицейского провокатора.

Позже Гельц был освобожден законным путем. Хотя я сделал все возможное для его побега и был с ним в Бреслау в постоянном контакте, встретились мы с ним впервые в Москве в 1932 году на квартире писателя Киша, тоже члена Компартии. Когда он узнал, кто я такой, он сказал, рассмеявшись:

— Так это вы тот самый богатый американский дядюшка, посылавший мне еду и книги!

В Москве Гельц некоторое время слыл героем. Его наградили орденом Красного Знамени, его именем была названа фабрика в Ленинграде и ему предоставили хорошую квартиру в гостинице «Метрополь». Но когда в 1933 году коммунисты капитулировали перед Гитлером, не сделав ни одного выстрела, и стало ясно, что такова политика Сталина и Коминтерна, Гельц попросил, чтобы ему выдали заграничный паспорт. Его просьбу все /99/ откладывали и откладывали, а за ним установили слежку. Он возмутился, потребовал немедленно разрешить ему выезд. Друзья Гельца стали избегать его. ОГПУ отказал вернуть ему паспорт. Вскоре в «Правде» появилась небольшая заметка о том, что Гельц утонул в речке под Москвой. В управлении мне сказали, что, после того как Гитлер пришел к власти, Гельца видели выходящим из здания германского посольства. ОГПУ, несомненно, организовало убийство Гельца потому, что его славное революционное прошлое делало его потенциальным лидером революционной оппозиции Коминтерну.

Поражение мартовского восстания в Германии в значительной степени отрезвило Москву. Даже Зиновьев смягчил тон своих заявлений и манифестов. Европа явно не разделалась еще с капитализмом. Да и сама Россия тоже. После крестьянских

восстаний и Кронштадтского мятежа Ленин пошел на важные экономические уступки крестьянам и коммерсантам. В России наступил период восстановления, и вопрос о мировой революции решительно отступил на задний план. Коминтерн принялся искать козлов отпущения, подвергнув чистке руководителей компартий в различных странах, назначая взамен их новых лидеров. Из-за фракционной борьбы в зарубежных компартиях коминтерновская машина работала без остановки, выпуская резолюции, контррезолюции и решения об исключениях из партии.

В январе 1923 года я работал в Москве, в Третьей секции Разведуправления Красной Армии. До нас дошли сведения о том, что Франция собирается присоединить к себе Рурскую область в счет покрытия репараций. В то время я жил в гостинице «Люкс», в которой жили тогда деятели Коминтерна и приезжавшие из-за границы коммунисты.

Нужно пояснить, что гостиница «Люкс» была и до сих пор остается штаб-квартирой западноевропейских коммунистов в Москве. В ее коридорах можно встретить лидеров компартий всех стран, а также профсоюзных деятелей и просто рабочих, которые так или иначе заслужили право на паломничество в пролетарскую Мекку.

Поэтому для Советского правительства было чрезвычайно важно пристально наблюдать за «Люксом», чтобы в точности знать, что говорят и думают товарищи из разных стран, каково их отношение к Советской власти и различным противоборствующим течениям внутри /100/ партии большевиков. «Люкс» кишел агентами ОГПУ, прописанными там в качестве постоянных жильцов и гостей. Среди этих постояльцев «Люкса», информировавших ОГПУ о деятелях коммунистического и рабочего движения, был Константин Уманский, в данный момент посол Советского Союза в США.

Впервые я встретил Уманского в 1922 году. Он родился в Бессарабии и проживал в Румынии и Австрии до 1922 года, после чего приехал в Москву. Благодаря знанию иностранных языков он был назначен на работу в ТАСС. Его жена работала машинисткой в одном из учреждений Коминтерна.

Когда Уманскому пришло время служить в Красной Армии, он не пожелал, как он мне сказал сам, «терять» два года в казармах. Тогда еще жизнь в Советском Союзе не была построена по кастовому признаку, и это признание Уманского неприятно меня поразило. Многие коммунисты до сих пор считают право служить в Красной Армии большой привилегией. Но с Уманским все было иначе. Он представил в Разведуправление письма от

наркома по иностранным делам Чичерина и руководителя ТАСС Долецкого с просьбой направить его на «службу» в Красной Армии в качестве переводчика Четвертого отдела.

Однажды, когда мы с Фириным, бывшим в то время помощником Берзина, начальника Управления военной разведки, сидели в одном московском ресторане, я вдруг увидел Уманского. Я подошел к его столику и спросил, почему он уходит из ТАССа. Тот ответил, что хочет убить двух зайцев — остаться сотрудником ТАССа и отслужить свой срок армейской службы в Четвертом отделе.

Когда я повторил его слова Фирину, он ответил со злостью:

— Можешь быть уверен, что он не будет работать в Четвертом отделе.

В те времена не так-то легко было заработать себе теплое местечко, и Уманский не стал переводчиком в Красной Армии. Однако ему удалось увильнуть от неудобных солдатских казарм, получив работу дипкурьера в Наркоминделе. Это считалось равноценным службе в армии, так как все дипкурьеры зачислялись в штат ОГПУ. Сохранив за собой место в ТАССе, Уманский ездил в Париж, Вену, Токио, Шанхай.

Работая в ТАССе, Уманский сотрудничал также и с ОГПУ, потому что журналисты и корреспонденты ТАССа близко сталкивались с внешним миром, и в его положении ему было удобно шпионить за тассовскими журналистами, сидя в московском кабинете и за рубежом. Живя в «Люксе», он тоже держал ухо востро, прислушиваясь к разговорам, которыми обменивались зарубежные коммунисты…

Константин Уманский принадлежит к числу немногих коммунистов, кому удалось проникнуть за колючую проволоку, отделяющую прежнюю партию большевиков от новой. Он отлично преуспел в этом.

Когда до нас дошла новость об оккупации Рура французами, группа из пяти-шести сотрудников, в которую входил и я, получила задание немедленно отправиться в Германию. В течение суток все формальности были улажены. Москва надеялась, что в результате французской оккупации откроется путь для нового наступления Коминтерна в Германии. Не прошло недели, как я оказался в Германии. У меня сразу же сложилось впечатление, что страна находится накануне катастрофы. Инфляция подняла цены до астрономических высот, росла безработица, ежедневно случались уличные стычки рабочих с полицией или рабочих с нацистскими боевиками. Оккупация Рурской области французами подлила масла в огонь. Казалось даже, что измученная и истощенная Германия в любой момент

может ввязаться в самоубийственную войну с Францией.

Вожди Коминтерна следили за событиями в Германии с опаской. 1921 год для них закончился плохо, и они хотели одного — не трогать никого, пока внутренний хаос не уляжется. Нашим, тем не менее, были даны совершенно иные инструкции. Нас послали в Германию для разведки, мобилизации недовольных элементов в Рурской области и подготовки рабочих к благоприятному моменту для восстания.

Мы сразу же образовали три типа организаций в Германской компартии: разведслужбу, действующую под руководством Четвертого отдела Красной Армии; военные формирования как ядро будущей Красной Армии Германии и небольшие отряды боевиков (Zersetzungsdients (нем.). Прим. сост.), в функцию /102/ которых входило разложение морального духа рейхсвера и полиции.

Возглавлять разведслужбу партии мы назначили Ганса Киппенбергера, сына гамбургского издателя. Он неустанно трудился над созданием сложной сети осведомителей в армии и полиции, в правительственном аппарате, во всех политических партиях и враждебных нам военизированных организациях. Его агенты проникли в монархистскую организацию «Стальной шлем», в отряды «Вервольфа» и нацистов. С помощью боевиков они, соблюдая секретность, выясняли у определенной части офицеров рейхсвера, какую позицию те займут в случае коммунистического переворота.

Киппенбергер служил Коминтерну верой и правдой. Во время событий 1923 года он ежедневно рисковал жизнью. В конечном счете его постигла судьба всех преданных коммунистов. Будучи избранным в 1927 году в рейхстаг, он вошел в Комитет по военным делам. Считая себя представителем Коминтерна в этом органе, он многие годы снабжал советскую военную разведку ценной информацией. После прихода Гитлера Киппенбергер ушел в подполье. Осенью 1933 года он бежал в Россию, а в 1936 году был арестован как гитлеровский шпион.

Следователь ОГПУ требовал от него признания, что он сотрудничал с немецкой разведслужбой. Киппенбергер отказывался «признаваться».

— Спросите Кривицкого, мог ли я стать нацистским агентом, — просил он. — Он знал, чем я занимался в Германии.

— Разве вы не были знакомы с генералом Бредовом, главой военной разведки рейхсвера?

— Разумеется, я его знал, — отвечал Киппенбергер. — Я был членом коммунистической фракции рейхстага и членом Комитета по военным делам. (Генерал Бредов часто выступал перед

комитетом рейхстага.)

ОГПУ не располагало другими «инкриминирующими» свидетельствами против Киппенбергера. Тем не менее после шести месяцев допросов этот бесстрашный человек «сознался», что он агент германской военной разведки.

— У меня в голове гвоздь, — повторял он, — Дайте мне что-нибудь, чтобы заснуть. /103/

В Германии мы работали над организацией военных коммунистических формирований для будущей германской Красной Армии по строго продуманному плану, деля их на отряды по сто человек (Hunderschaft). Мы составляли списки коммунистов — участников первой мировой войны, располагая их по рангу. Из этого списка мы намеревались сформировать офицерский корпус германской Красной Армии. Подобрали и технический персонал из числа опытных специалистов: пулеметчики, артиллерийские командиры, авиаторы и связисты из квалифицированных радистов и телефонистов. Шло обучение женских отрядов для медико-санитарной службы.

Однако в Рурской области из-за французской оккупации мы столкнулись с не известной нам доселе проблемой. Рур представлял собой сцену одного из самых странных спектаклей в истории. Немцы, не способные противиться французской армии силой, стали оказывать там пассивное сопротивление. Остановились шахты и фабрики, на которых оставался минимум персонала, чтобы не допустить затопления шахт и сохранить в порядке фабричное оборудование. Железные дороги почти не действовали. Росла всеобщая безработица. Правительство, боровшееся с колоссальной инфляцией, вынуждено было практически полностью содержать все население Рура.

Тем временем французы стали поощрять сепаратистов, целью которых было отделение всей Рейнской области от Германии и образование независимого государства. Неосмотрительные наблюдатели считали, что сепаратистское движение — не что иное, как плод французской пропаганды. На самом деле оно родилось на месте и было очень серьезным. И если бы англичане не противились ему, то в 1923 году Рейнская область отделилась бы от Германии. Во многих домах Рейнланда я видел бюсты Наполеона, создателя Конфедерации Рейна. Все чаще и чаще я слышал жалобы жителей на то, что Пруссия обирает их богатую страну.

Компартия боролась с сепаратистским движением всеми доступными ей способами. Лозунгом Коминтерна был «Война Штреземану и Пуанкаре!» (Г. Штреземан — министр иностранных дел Германии; Р. Пуанкаре — премьер-министр Франции. Прим.

сост.). Лозунг нацистов и их союзников — националистов: «Война Пуанкаре /104/ и Штреземану!» Именно в эти дни французскими военными властями был казнен нацистский террорист Шлагетер. Казнь Шлагетера осталась бы не замеченной никем за пределами узкого круга его единомышленников, если бы Карл Радек, самый умелый пропагандист Коминтерна, не довел этот факт до сознания немецкого народа. «Вступайте в Компартию, и вы добьетесь национального и социального освобождения своей родины», — призывал он. Шли даже переговоры между Радеком и некоторыми лидерами нацистской и националистической партий, к последней принадлежал граф Ревентлов. Основой сотрудничества служил тот факт, что единственным шансом на успех для националистической партии было заключение союза с большевиками против Франции и Великобритании. Но планы этого союза так и не осуществились. Он был заключен лишь в 1939 году далеко не на тех условиях, на которые рассчитывала Москва, когда Германия была так унижена.

Тем временем все было готово для сепаратистского переворота. Лидеры сепаратистов Матес, Дортен и Шмидт начали действовать. Сигналом для провозглашения Рейнской республики должна была послужить крупная демонстрация в Дюссельдорфе во второй половине сентября.

Националисты боролись против сепаратистов средствами отдельных террористических актов. Компартия призывала устроить контрдемонстрацию протеста против «сепаратистских предателей». Когда обе конфликтующие стороны столкнулись на перекрестке двух магистралей города, я впервые в жизни увидел, как коммунисты бьются бок о бок с националистическими террористами и немецкой полицией. Сепаратисты потерпели поражение главным образом из-за вмешательства в конфликт прогермански настроенного кабинета Великобритании.

Мы приняли решение, что в случае восстания коммунистов в Германии мы не позволим втянуть нас в конфликт с французской армией, хотя уже поддерживали немецких националистов против французов, находящихся в Рейнской области и Рурском бассейне. Целью стратегии, выработанной нашими сотрудниками в Рейнской области, был вывод наших формирований в районы Центральной Германии, Саксонии и Тюрингии, где коммунисты в то время занимали особенно сильные позиции. С этим /105/ намерением мы и вели обучение наших отрядов.

Готовясь совершить революцию, немецкие коммуннсты создавали так называемые «группы Т» — небольшие террористические группы для деморализации рейхсвера и полицейских сил с помощью серии покушений. «Группы Т»

состояли из храбрецов, фанатически преданных партии.

Я вспоминаю встречу с членами одной из этих групп в один из сентябрьских вечеров в городе Эссен незадолго до коммунистического восстания. Помню, как они собрались, спокойно, почти торжественно слушая отдаваемые им приказы. Их командир объявил без лишних слов:

— Сегодня ночью мы приступаем к действию.

Они спокойно вынули свои револьверы, проверили их в последний раз и по очереди вышли из помещения. На следующий день эссенские газеты сообщили, что найдено тело убитого полицейского офицера, убийца неизвестен. На протяжении нескольких недель эти группы наносили быстрые и эффективные удары в разных частях Германии, выбирая для этой цели полицейских чинов и других противников коммунистического дела.

С наступлением мирного времени эти фанатики не могли найти себе дела в упорядоченной жизни страны. Многие из них участвовали в вооруженных захватах имущества для нужд революции, а иногда и просто в разбойных нападениях. Для тех немногих, кто добрался до России, их путь закончился ссылкой в Сибирь.

Тем временем Германская компартия продолжала ждать инструкций от Коминтерна, которые, казалось, шли невероятно долго. В сентябре лидер партии Брандлер и несколько его коллег были вызваны в Москву для инструктажа. В Политбюро пошли бесконечные дискуссии, на которых руководители большевистской партии дебатировали вопрос о назначении точного часа начала революции в Германии. Лидеры Германской компартии провели в Москве многие беспокойные часы, пока мозговой трест большевистской партии вырабатывал окончательный план действий.

Москва решила в этот раз продумать все до мелочей. Она тайно направила в Германию своих лучших людей — Бухарина, Макса Левине, одного из лидеров Баварской советской диктатуры, просуществовавшей 4 недели, Пятакова, венгерских и болгарских агентов /106/ Коминтерна и самого Радека. Мы, командиры Красной Армии, продолжали в Германии обучение войск. Проводили секретные ночные маневры близ Золингена в Рейнской области, в которых порой принимали участие по несколько тысяч рабочих.

Наконец пришла новость: «Зиновьев установил дату восстания».

Отряды Компартии по всей стране стали ждать последних указаний. В адрес ЦК Германской компартии поступила

телеграмма от Зиновьева с указанием точной даты. Курьеры Коминтерна поспешили разъехаться по партийным организациям в разных частях страны с приказом из Москвы. Из тайников доставали оружие. С нарастающим нетерпением ожидали мы условленного часа. И тогда…

— Новая телеграмма от «Гриши», — сообщило нам руководство. — Восстание откладывается!

Снова коминтерновские курьеры засновали по Германии с новыми приказами и новой датой начала революции. Несколько недель мы жили по тревоге. Почти каждый день приходили телеграммы от «Гриши» (Зиновьева), означающие новые приказы, новые планы, прибытие новых агентов из Москвы с новыми инструкциями и новыми революционными прожектами. В начале октября компартия получила приказ присоединиться к правительствам Саксонии и Тюрингии, вступив в коалицию с левыми социалистами. Москва полагала, что эти правительства станут центром притяжения сил к коммунистам и тогда полиция будет заранее обезоружена еще до начала восстания.

Наконец возник окончательный вариант. От Зиновьева поступила телеграмма с категорическим приказом. Курьеры снова принялись развозить его по партийным ячейкам. Снова были приведены в боевую готовность коммунистические батальоны. Роковой час близился. Дороги назад нет, думали мы и с надеждой ждали конца изматывающим отсрочкам. В последний момент было срочно созвано совещание в ЦК Компартии.

— Еще одна телеграмма от «Гриши»! Восстание опять отложено!

Снова посыльные понеслись по всей стране с приказом в последнюю минуту отложить начало революции. Курьер, направленный в Гамбург, прибыл слишком поздно. Гамбургские коммунисты, дисциплинированные, как все немцы, открыли боевые действия в назначенный /107/ час. Сотни рабочих, вооруженных винтовками, начали атаку на полицейские участки. Другие заняли стратегические позиции в городе.

В других частях Германии разразилась паника среди рабочих-коммунистов.

— Почему мы бездействуем в то время, как гамбургские рабочие борются на баррикадах? — спрашивали они у своих партийных вожаков. — Почему мы не приходим им на помощь?

Партийным вожакам нечего было ответить. Только наверху знали, что рабочие Гамбурга гибли на баррикадах из-за последней телеграммы «Гриши». Гамбургские коммунисты продержались три дня. Основная масса рабочих в городе осталась индифферентной, а Саксония и Тюрингия не пришли на помощь

восставшим. Войска рейхсвера под командованием генерала фон Секта вошли в Дрезден и разогнали коалиционное правительство левых социалистов-коммунистов Саксонии. Правительство Тюрингии постигла та же участь. Революция была задушена.

Мы в Германии понимали, что ответственность за фиаско лежит на Москве. Вся стратегия предполагаемой революции была выработана лидерами большевиков в Коминтерне. Требовалось поэтому найти козла отпущения. Соперники Брандлера в Германской компартии были знакомы с коминтерновскими приемами замазывания ошибок высшего руководства, и они сразу же начали действовать. Брандлер и ЦК в ответе за то, что нам не удалось взять власть! — кричала новая «оппозиция» во главе с Рут Фишер, Тельманом и Масловым.

— Совершенно верно, — вторила им Москва. — Брандлер — оппортунист, социал-демократ. Пусть убирается вон! Да здравствуют новые вожди революции — Рут Фишер, Тельман и Маслов!

На следующем Всемирном конгрессе Коминтерна последовали ритуальные резолюции и постановления, и власть в Компартии Германии с благословения Москвы была передана новому руководству.

Брандлер был вызван в Москву, где он был лишен немецкого паспорта и получил работу в советском учреждении. Германские проблемы, сообщил ему Зиновьев, не должны его больше касаться. Все его попытки вернуться на родину были безуспешны, пока его друзья не стали угрожать международным скандалом и обращением за помощью к берлинскому правительству, /108/ Только тогда его выпустили из Советского Союза и исключили из партии.

Известный французский писатель Суварин, автор самой полной биографии Сталина, в свое время испытал то же самое. Будучи отстранен от руководства Французской компартии по приказу Коминтерна, он был задержан Советским правительством. Подействовала только угроза друзей обратиться к французским властям.

Дорогостоящий эксперимент Советского правительства не совсем пропал даром только для одного ведомства. Этим ведомством было военно-разведывательное управление. Когда мы убедились в крахе усилий Коминтерна, мы заявили:

— Давайте спасать то, что осталось от германской революции.

Мы отобрали лучших людей, прошедших нашу подготовку, людей из отрядов боевиков, и включили их в систему советской военной разведки. На руинах коммунистической революции мы

построили в Германии для Советской России великолепную разведывательную службу, которой могла бы позавидовать любая страна.

Пережив потрясение от поражения в Германии, Москва стала искать новые сферы завоеваний. Уже глубокой осенью 1924 года положение в Германии стабилизировалось. Коминтерн еще почти шесть лет не мог одержать ни одной победы для оправдания огромных денежных трат и человеческих жертв. Тысячи коминтерновцев паразитировали за счет Советской власти. Положение Зиновьева в партии становилось зыбким. Добиться ощутимой победы в любой точке земного шара и любой ценой было просто необходимо.

С запада с Советской Россией граничила Эстония, крохотное государство, явно находившееся тогда в тисках кризиса. Зиновьев вместе с Исполкомом Коминтерна приняли решение отбросить в сторону все марксистские теории. Призвав к себе начальника Разведуправления Красной Армии Берзина, Зиновьев сказал ему примерно следующее:

— Эстония переживает революционный кризис. Мы не станем действовать так, как это было в Германии. Нам нужны новые методы — никаких стачек, никакой агитации. Все, что нам нужно, — это несколько крепко сколоченных групп, руководимых горсткой командиров Красной Армии, и в два-три дня мы станем хозяевами Эстонии. /109/

Берзин был человеком, который привык подчиняться приказам. Через несколько дней была создана группа командиров человек в шестьдесят, главным образом выходцев из Прибалтики, во главе с Жибуром, героем гражданской войны. Им было приказано проникнуть в Эстонию, используя различные пути; одни прибыли туда из Финляндии и Латвии, другие тайно перешли границу. В Эстонии их ожидали рассыпанные по всей стране группы общей численностью около сотни человек. К концу ноября все приготовления закончились.

Утром 1 декабря 1924 года вспыхнула «революция» в намеченных стратегических точках Ревеля, столицы страны. В стране сохранялось полное спокойствие. Рабочие, как всегда, направлялись на работу на свои фабрики. Шла своим чередом деловая жизнь, и через 4 часа «революция» была полностью подавлена. Около ста пятидесяти коммунистов были убиты на месте. Сотни других, никак не связанных с этим делом, попали в тюрьму. Красные командиры быстро вернулись в Россию заранее запланированными путями. Жибур вновь сел за свой рабочий стол в управлении Генерального штаба, а историю с эстонской революцией постарались как можно быстрее замять.

В Болгарии Коминтерну удалось некоторое время продержаться, пока у власти был Стамболийский, лидер Крестьянской партии. Стамболийский был дружески настроен по отношению к Москве. Остатки белой армии генерала Врангеля, которую большевики вытеснили из Крыма, осели на территории Болгарии, и Советское правительство мечтало устранить эту угрозу. С согласия Стамболийского из России была заслана для этой цели группа секретных агентов. Они пользовались разными методами, начиная с публикаций в прессе и кончая убийствами. В какой-то степени им удалось деморализовать эту потенциально опасную для Советского Союза армию.

Несмотря на дружеские отношения между Стамболийским и Москвой, Коминтерн дал указание Болгарской компартии оставаться нейтральной, когда Цанков устроил военный переворот, свергший правительство Стамболийского.

Болгарские коммунистические лидеры лелеяли надежду, что в результате смертельной схватки между реакционными военными элементами и Стамболийским вся власть окажется в их руках. /110/ Стамболийский был сброшен и убит. Цанков установил военную диктатуру. Тысячи невинных людей пошли на виселицы, а компартия ушла в подполье.

Прошло два года, и коммунисты решили, что настало время устроить путч. Заговор был составлен в Москве руководителями Болгарской компартии с помощью руководства Красной Армии. Одним из этих болгарских лидеров был Георгий Димитров. Коммунисты разузнали, что 16 апреля 1925 года высокопоставленные члены правительства будут присутствовать на богослужении в софийском кафедральном соборе. ЦК Компартии решил воспользоваться случаем для восстания. Во время службы в соборе была взорвана бомба. Погибло около 150 человек. Но премьер-министр Цанков и его министры не пострадали. Все непосредственные участники покушения были казнены. Сам Димитров продолжал работать по заданиям Коминтерна в Москве. Его вскоре назначили представителем Коминтерна в Германии. В конце 1932 года его вызвали в Москву, и знающие люди поговаривали, что его карьере пришел конец. Он не успел подчиниться приказу, так как был арестован в связи со знаменитым делом о поджоге рейхстага. Благодаря смелому и умному поведению на нацистском суде, когда ему удалось возложить вину на самих нацистов, коммунисты признали в нем героя.

Этот случай — один из самых курьезных в истории Коминтерна, когда устроитель взрыва в Софии стал впоследствии представителем Коминтерна, официальным защитником

«демократии», мира и представителем Народного фронта.

Москва выискала научное оправдание своих неудач в Венгрии, Польше, Германии, Эстонии и Болгарии. Целые тома тезисов, резолюций и докладов составляли основу этих доказательств. Ни в одном из них, однако, не было и намека на то, что большевизм и его русские лидеры несут ответственность за эти неудачи. Миф о непогрешимости руководства Коминтерна поддерживался с истинно религиозным упорством. Чем очевидней становился факт провала, тем грандиозней росли планы на будущее, изощренней становилась структура Коминтерна.

Хотя Коммунистический Интернационал не выполнил ни в одной стране своей первоначальной задачи — установление диктатуры коммунистов, — он превратился, особенно после того как прибег к такой уловке, как создание /111/ Народного фронта, в одну из самых влиятельных политических сил в мире.

Общая структура Коминтерна не представляет собой тайны. Но никому почти не известно, как устроен его аппарат и каковы его связи с ОГПУ и советской военной разведкой.

Главный штаб Коминтерна, тщательно охраняемый агентами ОГПУ в гражданском, расположен напротив Кремля. Граждане, входящие по делу в его здание, независимо от ранга немедленно попадают под строжайшее наблюдение. Если Эрл Браудер, генеральный секретарь Компартии США, захочет попасть на прием к Димитрову, он должен получить пропуск в комендатуре слева от входа в здание, где его документы тщательно исследуют. Прежде чем он покинет здание, его пропуск будет внимательно изучен вторично. На нем должна стоять подпись Димитрова с точным указанием времени, когда беседа окончилась. За каждую лишнюю минуту пребывания в здании требуется отчет. Случайные беседы в коридорах строго запрещались, и нередко высокие чиновники Коминтерна получали строгий нагоняй за нарушение правил. Такая система позволяла ОГПУ составлять подробные формуляры, свидетельствующие о связях русских и иностранных коммунистов, которые в нужный момент пускались в дело.

Ядро Коминтерна — это никому не известный отдел международной связи (ОМС). Пока не начались чистки, ОМС возглавлял старый большевик Пятницкий, еще при царском режиме прошедший школу распространения нелегальной революционной пропаганды. В начале этого столетия Пятницкий заведовал переправкой ленинской «Искры» из Швейцарии в Россию. Когда был организован Коминтерн, то выбор Ленина на пост руководителя такого важного подразделения пал на

Пятницкого. В этом качестве он стал фактически ведать финансами и кадрами Коминтерна.

Под его руководством была создана сеть постоянных, ему непосредственно подчиненных агентов, служивших связующим звеном между Москвой и номинально автономными коммунистическими партиями в Европе, Азии, Латинской Америке и США. Как представители ОМС, эти резиденты Коминтерна жестко контролировали деятельность руководителей национальных компартий. Ни рядовые члены партии, ни их руководители не знали подлинного имени представителя ОМС, который подчинялся /112/ только Москве и лично в дискуссиях не участвовал.

В последние годы ОГПУ постепенно прибрало к рукам некоторые функции ОМС, особенно функцию выслеживать и докладывать о тех, кто не согласен со Сталиным.

Самым щепетильным делом, выполняемым агентами ОМС, остается обязанность распределения денег для финансирования компартий, оплата их дорогостоящей пропаганды и их фальшивых фронтов, таких, как, например, Лига в защиту демократии, МОПР, «Друзья Советского Союза» и целый сонм других якобы независимых организаций, которые стали особо необходимы, когда Москва принялась создавать Народный фронт.

На протяжении многих лет, когда перспектива революций казалась многообещающей, большая часть денег Коминтерна поступала в Германию и Центральную Европу. По мере того как он все в большей степени становился придатком Советского правительства и революционные задачи уступали политике сталинизации общественного мнения и захвата ключевых позиций в демократических правительствах, коминтерновский бюджет для Франции, Англии и США вырос до огромных размеров.

Ни одна компартия в мире не способна была покрыть и малой толики своих расходов. Москва считала своим долгом оплачивать в среднем 90–95 % расходов коммунистических партий. Эти выплаты производились за счет советского бюджета через ОМС, суммы которых определяло сталинское Политбюро.

Агент ОМС имел преимущественное право судить о целесообразности новых расходов компартии. В Соединенных Штатах, например, если компартия желает открыть новую газету, требуется консультация с агентом ОМС. Он рассматривает предложение и, если оно заслуживает внимания, связывается с руководством ОМС в Москве. Последнее в важных случаях передает дело на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б). Мелкие вопросы агент ОМС решает, конечно, самостоятельно.

Один из самых излюбленных способов пересылки денег и инструкций из Москвы за рубеж — дипломатическая почта, не подлежащая досмотру. По этой причине представитель ОМС состоит на службе в постпредстве Советского Союза в какой-нибудь номинальной должности. Из Москвы он получает пакеты с правительственной /113/ печатью, пачки денег, а также секретные инструкции по их распределению. Он лично передает деньги руководителю компартии, с которым поддерживает прямой контакт. Однажды по чьей-то небрежности американские и французские банкноты были посланы за рубеж с печатью советского Госбанка.

В первые годы существования Коминтерна передача средств на нужды компартии осуществлялась еще более примитивно. Вспоминается, что обычной процедурой было указание Политбюро ОГПУ доставить в адрес Коминтерна мешок с конфискованными бриллиантами и золотом для отправки за границу. С тех пор разработаны более тонкие методы. Удобной ширмой служат советские торговые корпорации, такие, как Аркос в Лондоне и Амторг в Соединенных Штатах, и ведущие с ними дела частные фирмы. Частые смещения руководителей в компариях представляют специфическую проблему для ОМС в том, что касается денежных операций. Когда Москва сменила руководство Компартии Германии после провала революции 1923 года, Миров-Абрамов, агент ОМС в Германии, так же как Пятницкий в Москве, провел много беспокойных часов, размышляя о том, кому теперь доверить коминтерновские деньги. Они облегченно вздохнули, только узнав, что в новом руководстве остается Вильгельм Пик, а ему и Пятницкий, и Абрамов доверяли больше всего.

Мирова-Абрамова я знал много лет. Он был представителем ОМС в Германии с 1921 по 1930 год. Официально он работал в отделе печати советского постпредства в Берлине. На самом же деле он ведал распределением денежных средств и следил за тем, чтобы инструкции Коминтерна, предназначенные для Германии и большей части Центральной Европы, доходили по назначению. В самый разгар активизации деятельности Коминтерна в Германии Миров-Абрамов набрал себе штат из 25 человек — помощников и курьеров. Позже он был отозван в Москву и назначен помощником Пятницкого. Когда старый большевистский состав руководства Коминтерна был уничтожен Сталиным, Мирова-Абрамова, так же как и Пятницкого, убрали из Коминтерна. Благодаря его исключительно тесным контактам с подпольем в Германии он был переведен в Управление советской военной разведки, где и служил до 1937 года. Он погиб в период великой

чистки. Абсурдным было заявление Ягоды на процессе в следующем году, где он выступал свидетелем, /114/ что он посылал крупные денежные суммы Троцкому через Мирова-Абрамова.

Финансы Коминтерна и его Иностранный отдел — это лишь небольшая часть забот, лежащих на ОМС. ОМС еще и центральная нервная система Коминтерна. Люди, посылаемые Москвой в качестве политкомиссаров в компартии зарубежных стран, устанавливают все свои контакты через ОМС, который снабжает их паспортами, «надежными адресами» и вообще действует как связующее звено между руководством в Москве и этими политическими агентами за рубежом.

Известным комиссаром Коминтерна в Соединенных Штатах еще несколько лет назад был венгерский коммунист Погани, известный в США под именем Джон Пеппер. Его основной миссией там было устранение лидеров Компартии США Ловстона и Гитлова, после того как они получили вотум доверия огромного большинства членов партии. Погани-Пеппер выполнил данный ему приказ и поставил во главе компартии новое руководство. Сам Пеппер в 1936 году был арестован и расстрелян.

Паспортное бюро ОМС в отличие от ОГПУ не занимается непосредственным изготовлением паспортов. Оно добывает подлинные документы где только возможно и только слегка подгоняет их под определенные требования, меняет фотографии, подделывает другие нужные данные.

Практически все дела, связанные с изготовлением и подделкой паспортов и других документов, поручались только русским. Условия жизни в довоенной царской России дали им исключительную практику в этом искусстве. Сложные паспортные правила, получившие распространение в большинстве стран Европы после 1918 года, не застали большевиков врасплох. В кабинетах ОГПУ и IV отделе армии были такие умельцы, которые могли подделывать консульские подписи и государственные печати, совершенно неотличимые от подлинных.

Отдел международных связей выполняет еще одну очень важную функцию. Он координирует деятельность Коминтерна, связанную с обучением и пропагандой в международном масштабе. В его ведении находятся школы, расположенные в Москве и ее окрестностях, для тщательно отобранного состава слушателей, которые изучают все аспекты гражданской войны, начиная с пропаганды и кончая умением обращаться с пулеметом. /115/ Эти школы ведут свое начало со времен Октябрьской революции, когда для немецких и австрийских военнопленных были организованы краткие курсы с той

перспективой, что эти «кадры» используют свои знания на баррикадах Берлина и Вены. Позднее курсы превратились в постоянные учебные заведения. Способные слушатели проходили военную подготовку в Управлении разведки Генштаба Красной Армии.

В 1926 году в Москве был основан университет для западноевропейских и американских коммунистов. Это так называемая Ленинская школа существует на средства ОМС, предоставляющего также и жилье своим слушателям. Директор школы — жена Емельяна Ярославского, главы советской «Лиги безбожников». Теперешние слушатели — главным образом британские, французские и американские коммунисты — ведут обособленный образ жизни и минимально общаются как с русскими, так и с иностранцами, проживающими в Советском Союзе. Выпускники школы обязаны возвратиться в свои страны для работы в пользу Коминтерна в профсоюзах, правительственных учреждениях и других некоммунистических органах. От них требуется строгое соблюдение секретности, ибо их ценность для Москвы полностью утрачивается, если вдруг обнаружится, что они проходили обучение методам гражданской войны в Управлении военной разведки Красной Армии.

Существуют еще одни курсы для избранного круга коммунистов, прошедших тщательную проверку, расположенные в Кунцево под Москвой. Здесь их обучают технике разведслужбы, работе с радиопередатчиками, подделке паспортов и т. д.

Когда Коминтерн обратил свои взоры на Китай, он решил организовать университет народов Востока, так называемый Университет Сунь Ятсена во главе с Карлом Радеком. Москва была охвачена энтузиазмом в ожидании революции в Китае. Сыновья генералов и высоких чинов китайского правительства были приглашены в качестве слушателей этого специального учебного заведения. Среди них был сын Чан Кайши. Гоминьдан — китайская националистическая партия — работала с Коминтерном рука об руку, и Москва предвкушала большую победу на этом фронте.

В Гоминьдан был послан политический советник Бородин и военный советник Гален (Блюхер), командовавший впоследствии Красной Армией на Дальнем Востоке /116/ вплоть до его ареста и казни в 1938 году. Коммунисты наводнили Гоминьдан, многие из них вошли в его ЦК, внедрились в военную академию в Вампу. Когда Чан Кайши полностью насладился плодами советской поддержки, он сделал крутой поворот и согнал коммунистов со всех ключевых постов. Однако Сталин не пошел на полный разрыв с Чан Кайши в надежде перехитрить его в будущем.

В то время я проживал в гостинице, известной до революции под названием «Княжий двор». На одном этаже со мной жил генерал Фенг. Несмотря на крутой поворот в отношениях с Советским Союзом, коминтерновцы продолжали верить в грядущую победу в Китае. Фенг прибыл в Москву, пытаясь с помощью маневрирования вести переговоры с целью заключить альянс против Чан Кайши. Советское руководство придавало его визиту большое значение, его приглашали на собрания и встречи, приветствуя как лидера китайских трудящихся. Фенг играл свою роль превосходно, обещая в своих пламенных речах бороться за победу ленинизма в Китае.

Почти ежедневно я наблюдал, как у двери его номера, охраняемого сотрудниками ОГПУ, появлялись все новые и новые ящики с книгами и брошюрами. Я несколько раз беседовал с ним, объясняясь то по-русски, то по-английски. Он был типичный китайский вояка, которому ничто в мире не было так чуждо, как ленинизм, которым его постоянно пичкали. Он не оправдал возложенных на него надежд, как, впрочем, не оправдали их и многие другие. Так ни разу и не открыв ни одного ящика с книгами, он возвратился в Китай, забыв про свои обещания «бороться за ленинизм».

В декабре 1927 года, после того как Чан Кайши перестрелял и обезглавил тысячи коммунистов в Шанхае, Коминтерн направил в Китай Хайнца Неймана, одного из бывших вождей Компартии Германии, чтобы тот возглавил восстание в Кантоне. Восставшие продержались два с половиной дня, что стоило жизни почти шести тысячам человек. Китайские лидеры восстания были казнены, а Хайнц Нейман сбежал в Москву.

Централизованный пропагандистский аппарат Коминтерна действует совершенно независимо от обширных пропагандистских механизмов компартий за рубежом, издающих свои газеты, журналы, брошюры, которые обходятся ежегодно в миллионы долларов. Он находится в ведении Бюро агитации и пропаганды, но финансируется /117/ и фактически руководится Отделом международных связей. Он публикует международный пресс-бюллетень (IPC) на английском, французском и немецком языках, предназначенный главным образом для редакторов сотен коммунистических изданий за рубежом. Нацисты последовали этому примеру и стали издавать свой бюллетень «Уорлд сервис» в Эрфурте, распространяемый между профашистскими и антисемитскими изданиями во всем мире.

Для Москвы самое страшное, хотя и случающееся не так часто, когда официальные органы компартий путают поступающие к ним сигналы и занимают противоречивые

позиции. Когда был подписан пакт Берлин — Москва, то за 10 дней до начала нынешней войны в Европе официальные органы печати компартий работали на редкость синхронно. Лондонская «Дейли уоркер», парижская «Юманите» и «Дейли уоркер» в США одновременно и идентичным языком приветствовали этот сигнал ко всеобщей войне как великий вклад в дело мира.

Коминтерн издает также во всех ведущих странах мира журнал под названием «Коммунистический Интернационал», помещающий на своих страницах решения Коминтерна, а также статьи видных русских и зарубежных коммунистических деятелей.

Эти важнейшие органы печати служат двойной цели. Они не только обеспечивают единство взглядов всех компартий Европы и Америки, но, что за последние годы стало наиболее важным, являются и частью механизма, гарантирующего организованную поддержку любым решениям, которые выносит в Москве Сталин. В период великой чистки Кремлю было необходимо продемонстрировать советскому народу, что все прокоммунистические писатели Западной Европы и Амёрики целиком и полностью поддерживают его кампанию уничтожения героев Октябрьской революции.

За границей слабо сознают, как жизненно необходимо было для Сталина в 1936, 1937 и 1938 годах получить возможность заявить, что английские, американские, французские, немецкие, польские, болгарские и китайские коммунисты единодушно поддерживают ликвидацию «троцкистско-фашистских предателей», в числе которых были даже Зиновьев и Бухарин — два первых шефа Коминтерна.

Еще до того как Коминтерн официально начал осуществлять свою тактику создания Народного фронта, /118/ ОМС стал работать над созданием новой, более совершенной формы пропаганды. Москва сочла, что старая лозунговая форма более не соответствует целям пропаганды. В лице Вилли Мюнценберга, некогда видного деятеля Германской компартии и депутата рейхстага, ОМС нашел человека, сумевшего организовать новое издание под эгидой Народного фронта. ОМС снабдил Мюнценберга деньгами для открытия издательского дела. Он стал выпускать яркие иллюстрированные газеты и журналы, якобы не имеющие прямого отношения к Советскому Союзу, но сочувствующие ему. Впоследствии Мюнценберг занялся и кинобизнесом, основав концерн, известный под названием «Прометей». Дело было очень умело организовано и вскоре распространилось на Скандинавию. С приходом Гитлера к власти Мюнценберг перевел его в Париж и Прагу.

Когда во время чистки очередь дошла до Мюнценберга, он оказался не так-то прост. Он отклонил приглашение «посетить» Москву. Председатель Коминтерна Димитров писал ему письма с заверениями в том, что он крайне нужен здесь, в Москве, что ему хотят дать новое поручение. Мюнценберг не клюнул ни на одно из этих заверений. Тогда ОГПУ направило к нему своего агента Белецкого с целью убедить его, что ему нечего бояться.

— Кто решает вашу судьбу, — спорил с ним Белецкий, — Димитров или ОГПУ? А я знаю, что Ежов на вашей стороне.

Мюнценберг не пошел в западню и все лето и осень 1937 года укрывался в надежном месте, опасаясь более сильных методов убеждения. Он передал дела чешскому коммунисту Шмералю. Германская компартия исключила его из своих рядов как «врага народа». Мюнценберг и сейчас проживает в Париже. Но он никогда не выступал открыто против Сталина.

После VII конгресса Коминтерна, состоявшегося в 1935 году, издания Мюнценберга стали образцом для подражания во всей Европе и США. В Париже Коминтерн стал издавать даже вечернюю газету. Но за последние три-четыре года все больше и больше денег уходило на открытие новых «независимых» газет и организаций Народного фронта в США. Поскольку Москва постоянно действовала под прикрытием создания системы коллективной безопасности и антигитлеризма, американское общественное мнение стало подлинным рупором для /119/ пропагандистских кампаний Москвы. Ее заботили теперь не поиски новых «кадров» среди американских трудящихся, а задача убедить правительство Нового Курса, влиятельные деловые круги, профсоюзных боссов и журналистов, что Россия идет во главе сил «мира и демократии».

Кампания по созданию Народного фронта достигла своего апогея, а режим в Советском Союзе приближался к тоталитарному, и чистка становилась определяющим фактором советского образа жизни. Больше, чем когда-либо, становилось ясным, что Коминтерн по своей сущности пособник ОГПУ.

У Коминтерна была своя собственная Контрольная комиссия, построенная по образцу Комитета партийного контроля, в задачи которой входило следить за политическими настроениями своих членов. По мере того как власть Сталина приобретала все более единоличный характер и обострялась фракционная борьба в партии, международный шпионаж становился основной деятельностью этого органа. Комитет партийного контроля выбрасывал из партии всех, кто не был уверен в правоте Сталина. Контрольная комиссия Коминтерна следовала этому примеру в международном масштабе.

Надо сказать, что Контрольная комиссия не была, однако, самым жестоким инструментом сталинской инквизиции. В помощь ей был создан один инструмент — орган под невинным названием Отдел кадров. Это теперь рука ОГПУ в Коминтерне. Долгие годы его возглавлял Краевский, польский коммунист, давний друг Дзержинского, много лет проработавший как агент Коминтерна в Латинской Америке. Краевский внедрял своих агентов во все компартии и довел систему межпартийного шпионажа до современного уровня высочайшей эффективности.

Раз в десять дней начальник Отдела кадров встречается с начальником соответствующего отдела ОГПУ и вручает ему материал, собранный его агентами. ОГПУ использует эти данные по своему разумению. Сейчас этот полицейский орган в Коминтерне делает все, чтобы добраться до истоков малейшего намека на оппозицию к Сталину. Особенно бдительно он следит за любой нитью, ведущей от зарубежных коммунистов к потенциальной оппозиции внутри партии большевиков.

Один из самых неприглядных видов деятельности этого отдела состоит в том, чтобы всеми силами заманить в /120/ Москву деятелей зарубежных компартий, подозреваемых в нелояльности к Сталину. Какой-нибудь член компартии, считающий, что он находится в прекрасных отношениях с Коминтерном, получает известие от Исполкома, что его ждут в Москве. Польщенный вниманием к своей особе, он спешит в столицу Коминтерна. По прибытии в Москву его хватают в ОГПУ, и он навсегда исчезает из виду. Часто подобные пропажи приписывают Отделу кадров, который нередко получает не столько ложную, сколько злонамеренную «информацию» о том, что тот или иной коммунист идет не в ногу со сталинской линией. Возможно, никогда не удастся установить, сколько зарубежных коммунистов заманили и уничтожили таким образом.

Москва пользуется также и более утонченными методами сношения с лидерами зарубежных компартий, попавшими в немилость. Прежде чем убрать со сцены какого-нибудь политического деятеля, престиж которого в среде его единомышленников достаточно высок, его репутацию стараются подорвать. Его компрометируют в глазах коммунистов в его собственной стране. Когда это сделано, то с ним немедленно расправляются.

Процесс компрометации хорошо известен. Первым делом его убирают со своего поста в своей собственной стране. Прибыв в Москву по вызову, он должен выбрать между послушанием и немедленным исключением. Ему нельзя отказаться и в то же

время остаться в рядах партии. Но если он занимает очень видное положение, то не так-то легко сделать его простым подручным. В кабинетах Коминтерна он узнает, что ему поручена важная миссия в Китае, на Ближнем Востоке или в Латинской Америке. Это означает начало его ухода со сцены. Оторванный от своей партии, в незнакомой ему среде, он мало что может сделать и возвращается в Москву, чтобы предстать пред укоризненным взором коминтерновского шефа.

— Ну что ж, товарищ, — говорит шеф, — чем ты можешь оправдать шесть месяцев своего пребывания в Бразилии и израсходованные шесть тысяч фунтов стерлингов?

Никакие отговорки не принимаются в расчет. Известный аргумент и бесспорный факт, приводимый в оправдание, что рабочий класс Бразилии еще не достиг достаточного уровня политической зрелости для усвоения пролетарского учения, не производит никакого впечатления. /121/ Узнав об этом, его товарищи по партии дома, если они еще не окончательно забыли его, смотрят на него иными глазами. Вот ведь, Коминтерн послал его в Бразилию, а он не оправдал доверия.

Следующий шаг логично вытекает из сказанного выше.

Ему теперь предоставлено место в одном из тысяч советских учреждений. Он становится советским служащим, получающим зарплату от властей, и его политическая карьера окончена. С этого момента, если у него есть характер, главной его задачей становится как можно скорей выбраться из Советского Союза, добраться до родины н оборвать все связи с Советской Россией и с Коминтерном. Это не всегда и не всем удается. Один из самых трагических случаев такого рода произошел с моим другом Станиславом Губерманном, братом всемирно известного скрипача. Стах Губер, как называли его в нашем кругу, вступил в польское революционное движение во время первой мировой войны. Наряду с Мюнценбергом он считался одним из основателей польского комсомола. Он проявил себя как бесстрашный партиец-подпольщик и вскоре стал одним из руководителей компартии. В Польше он отсидел не один срок в тюрьме, испытав на себе жестокие побои полицейских.

Когда Коминтерн решил сменить состав Центрального Комитета Польской компартии, Губер был вызван в Москву. Вскоре ему дали работу в одном из вновь созданных учреждений, связанных с железными дорогами. Губер ничего не смыслил в этом деле. Он тщетно пытался настаивать на своем возвращении в Польшу на прежнюю работу. Его стали перебрасывать с места на место, давая ему возможность изучить различные аспекты советской бюрократии, но в Польшу, к своим товарищам он так и

не вернулся.

Когда в Доме союзов праздновалась 15-я годовщина комсомола, Губер все еще работал в Москве в каком-то учреждении. В президиуме восседали новые важные лица советского режима. Произносились пламенные речи о величии задач комсомола в Советском Союзе и во всем мире. На заднем ряду в зале сидел Стах Губер — один из основателей комсомола. Гуляя в перерыве по коридору, он встретил своего старого товарища, тоже давно отверженного всеми. Они были рады встрече, и старый друг пригласил Губера к себе на квартиру. Они провели за бутылкой почти всю ночь, вспоминая о прошлом. /122/ Несколько дней спустя Стаха вызвали в Контрольную комиссию Коминтерна.

— Признаете ли вы, что в прошлую среду провели вечер на квартире у товарища N?

Губер ответил утвердительно на это «обвинение». Его тотчас же исключили из партии, выгнали с работы, и он оказался без крыши над головой. Я приютил его тогда у себя.

Я был почти уверен тогда, что Стах покончит с собой. Ему помог один из руководителей Коминтерна, Мануильский. Контрольную комиссию удалось убедить пересмотреть свое решение. Губер был восстановлен в партии, получив строгий выговор с занесением в учетную карточку. Ему удалось получить работу на железной дороге в городе Великие Луки. Губер понимал свое шаткое положение и работал не покладая рук в надежде, что смоет этим пятно со своей партийной репутации.

Он так хорошо трудился, что в 1936-м его наградили поездкой в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции. Самолет, на котором летел Губер, разбился, и Стах погиб. Через несколько месяцев один из его друзей сказал:

— Повезло Стаху, что он погиб в авиакатастрофе!

Действительно, как ему повезло! В Великолукской области местный партийный секретарь наградил его за хорошую работу, а для ОГПУ он был всего лишь старым большевиком, исключенным из партии и восстановленным с испытательным сроком. В самый разгар чистки ОГПУ бросилось на поиски Стаха Губера.

Не всегда дело имело трагический конец. Лидер австрийской компартии Томанн был назначен воспитателем в общежитие моряков в Ленинграде. Он уговорился, чтобы ему послали телеграмму с известием о том, что его мать умирает. На этот раз Москву удалось провести. Прибыв в Вену, Томанн заявил о своем разрыве с Коминтерном.

Община иностранных коммунистов в Москве, проживающих главным образом в гостинице «Люкс» как постоянные

представители своих партий, вела образ жизни, резко отличающийся от образа жизни советских граждан. Компартии, конечно, не посылали в Москву на постоянное жительство своих высших руководителей. Такие, как Поллит, Браудер и Торез, приезжали в Москву, только когда их вызывали на съезды и совещания. Но каждая партия имела в Москве своего постоянного консула, /123/ который отличался от дипломатического только тем, что получал зарплату не от тех, кто его послал. Хотя Политбюро и в особенности сам Сталин смотрят на зарубежных товарищей с презрением, они ведут или вели до недавнего времени в Москве весьма светский образ жизни.

Во время голода, сопровождавшего насильственную коллективизацию 1932–1933 годов, когда средний советский служащий вынужден был довольствоваться сушеной рыбой и хлебом, был создан кооператив для обслуживания иностранцев, где они по низким ценам покупали все, что ни за какие деньги нельзя было достать. Гостиница «Люкс» стала символом социальной несправедливости, и всякий москвич, будучи спрошен, кому хорошо живется в Москве, скажет: «Дипломатам и иностранцам в «Люксе».

Для ОГПУ вся эта разношерстная публика, живущая в «Люксе» за государственный счет, всегда была объектом для подозрений. Этот картонный мирок «пролетарской революции» вечно бурлит интригами, ссорами, взаимными обвинениями в недостаточной верности Сталину. Через своих осведомителей ОГПУ заносит себе на заметку эти обвинения и контробвинения.

В период чистки начались облавы и аресты иностранных коммунистов в Советском Союзе. Коминтерновские консулы получили, наконец, важную работу. Они стали агентами ОГПУ и занялись очернительством своих соотечественников, спасая собственное положение, а порой и голову только тем, что выдавали их ОГПУ.

Как ни печально, но именно в это время, когда Коминтерн превратился в креатуру Сталина и ОГПУ, Советский Союз пользуется наивысшим престижем в демократических странах. Создание Народного фронта в качестве троянского коня, провозглашенное Димитровым на VII конгрессе Коминтерна в 1935 году, принесло новые веяния. Отбросив большевистские лозунги, которые за последние два десятилетия не смогли завоевать популярность ни в одной стране за рубежом, Москва превратилась в еще один оплот цивилизации, демократии и антигитлеровской коалиции. Уже когда великая чистка шла полным ходом, терроризируя все слои общества, Сталин даровал своим гражданам «самую демократическую конституцию» в мире,

которая хотя и существовала только на бумаге и открыто гарантировала всевластие партии, построенной по фашистскому образцу, однако рассматривалась /124/ либералами за рубежом если не как великое достижение, то во всяком случае как «значительное устремление».

Народный фронт действовал практически только в пяти странах — в Англии, США, Франции, Испании и Чехословакии. Во всех странах с фашистским или полуфашистским режимами Коминтерн сдал свои позиции, даже не пытаясь сопротивляться. Численность так называемых компартий в подполье в Германии и Италии, как я это имел возможность наблюдать, возглавляя службу военной разведки в Западной Европе, была ничтожной. Они были полны фашистскими провокаторами, и единственной их функцией было посылать своих людей на смерть. Идеи коммунизма в этих странах давно обанкротились, и если новая революционная волна когда-нибудь захлестнет Германию в результате гитлеровских войн, то можно быть уверенным, что возглавлять ее будет уже не Москва.

В прогрессивных странах Скандинавии со стабильными демократическими правительствами лозунги Народного фронта не нашли никакого отклика, так же как и революционные лозунги прошлых лет.

С другой стороны, в Англии, хотя в среде трудящихся и нашлось немного сторонников нового курса Москвы, ее антифашистские лозунги привлекли массу студентов, писателей и профсоюзных лидеров. Во время войны в Испании и в дни подписания мюнхенского договора отпрыски британских аристократических семей вступали в интербригаду (коминтерновскую армию в Испании), шли на службу в советскую разведку. В разгар чистки один из членов ЦК Компартии Великобритании сказал моему коллеге:

— Зачем Сталину расстреливать своих людей? Я знаю вашу преданность Советскому Союзу, но я уверен, что, как только вы вернетесь в Москву, вас тут же расстреляют.

Такие настроения возникали и гасли. А казни продолжались. Ужасы войны в Испании обнаруживали общую картину тоталитаризма. Однако Сталин продолжал привлекать к себе сочувствующих как великий союзник демократической антигитлеровской коалиции.

Во Франции Народный фронт так тесно связан с франко-советским альянсом, что он чуть ли не полностью охватил всю правительственную структуру. Правда, были и такие люди, как Леон Блюм, которые пытались /125/ не допустить, чтобы военная ситуация влияла на внутреннюю политику, но в большинстве

случаев такие попытки ничем не кончались. Значительная часть французской публики, начиная с генерала Гамелена и депутата консерваторов Де Кериллиса и кончая профсоюзным лидером Жуо, так носились с идеей, что безопасность Франции связана с Москвой, что Народный фронт прочно вошел во французскую жизнь. Коминтерн действовал через свои пряничные организации. Многие газеты, клубы книголюбов, издательства, театры, кинокомпании стали проводниками политики сталинского антигитлеровского фронта.

Еще отчетливее сказывалось влияние Сталина в Чехословакии. Многие ответственные члены пражского правительства расценивали Советский Союз как бдительного защитника ее независимости. Идея панславизма больше, чем когда-либо, сыграла здесь на руку кремлевским вождям. Чехословаки настолько уверовали в то, что великий славянский брат защитит их от нацистской Германии, что они дали себя втянуть в одну из самых трагических интриг в современной истории. О том, как Сталин использовал чехословацкое правительство в своих целях, рассказано в моем предисловии.

Роль Компартии США, как таковой, никогда не была серьезной, и на нее Москва смотрела с величайшим презрением. За все долгие годы своей деятельности, вплоть до 1935 года, она не добилась никаких успехов. Профсоюзное движение не отзывалось на ее лозунги, а основная масса американцев вряд ли подозревала о ее существовании. Но даже в те годы американская партия была для нас важна прежде всего тем, что она более чем какая-либо другая компартия была связана с нашим ОГПУ и разведслужбой. Когда началась модернизация Красной Армии, члены Компартии США служили в качестве наших агентов на авиастроительных, автомобильных и военных заводах.

Несколько лет назад, будучи в Москве, я сказал руководителю нашей военной разведки в США, что, по моему мнению, он зашел слишком далеко, вербуя такое количество американских партийных активистов для разведывательной работы. Его ответ был типичным:

— Что тут плохого? Им хорошо платят за это. Революции им никогда не совершить. Так пусть хоть отрабатывают свои деньги.

Призвав под знамя демократии тысячи новобранцев, /126/ шпионская сеть компартии на службе ОГПУ выросла до небывалых размеров и проникла в недоступные дотоле сферы. Тщательно скрывая свою принадлежность к партии, коммунисты заняли сотни ключевых должностей. Москва получила возможность влиять на должностные лица, которым не пришло бы в голову близко подойти к агенту ОГПУ или Коминтерна.

Более впечатляющим, пожалуй, чем его успехи в шпионаже и в политике оказания давления, было проникновение Коминтерна в профсоюзное движение, издательства и газеты при помощи такого маневра, как замена коминтерновского лозунга антигитлеровским.

Коминтерновцы всегда считали компартии всего мира и их руководство в Москве образцом преданности. Такие видные деятели, как член Комиссии по военным делам германского рейхстага Киппенбергер, член британской палаты общин Галлахер, член Комиссии по иностранным делам Габриель Пери, заявляли только о своей приверженности Коминтерну. Когда же Коминтерн превратился в инструмент личной власти Сталина, они свою приверженность перенесли на Сталина.

Эпоху Народного фронта завершил оглушительный взрыв, случившийся 23 августа 1939 года. Занавес, прикрывающий фарс Народного фронта, упал в тот момент, когда Молотов в присутствии улыбающегося Сталина поставил свою подпись вслед за нацистским министром иностранных дел фон Риббентропом под пактом Берлин — Москва. Сталин предоставил Гитлеру «карт бланш», и через десять дней мир был охвачен войной. В Берлин была послана советская военная миссия для выработки деталей широкого сотрудничества между двумя самыми авторитарными и всеобъемлющими тираническими диктатурами во всем мире.

Для Сталина коалиция между этими двумя диктатурами была вершиной, к которой он стремился многие годы. Безнадежно увязнув в последствиях своих экономических и политических просчетов, ему оставалось только надеяться на сотрудничество с Гитлером, чтобы остаться у власти.

Отношение Сталина к Коммунистическому Интернационалу и его зарубежным функционерам всегда было циничным. Еще в 1927 году на заседании Политбюро он сказал:

— Кто такие эти люди из Коминтерна? Это — нахлебники, живущие за наш счет. И через девяносто лет они не смогут сделать ни одной революции.

Излюбленное словечко, которое Сталин применял к Коминтерну, было «лавочка». Однако он старательно оберегал свою «лавочку», ибо она хорошо служила как целям его внутренней политики, так и его внешнеполитическим маневрам. После ОГПУ это было его самое нужное личное оружие.

Хотя Сталин нанес Коминтерну смертельный удар, заключив пакт с Гитлером, он сделает все, чтобы сохранить костяк партийных машин в демократических странах. Они будут продолжать до конца играть роль креатуры его тоталитарного деспотизма.

Возникли, однако, новые обстоятельства: 23 августа 1939 года всему миру стало ясно, что тот, кто служит Сталину, служит и Гитлеру.

III. Рука Сталина в Испании

Обстоятельства советской интервенции в Испании остаются тайной в истории испанской гражданской войны. Мир знает, что советская интервенция имела место, но больше об этом ему ничего не известно. Не известно, почему Сталин предпринял интервенцию, каким образом он проводил там свои операции, кто были люди, тайно действовавшие для него, как он хотел выйти из этой истории и как она в действительности закончилась.

Я остался единственным выжившим за границей прямым участником организации советской интервенции в Испании и лишь я в состоянии теперь свободно описать весь драматический ход этих событий. В качестве главы советских служб военной разведки в Западной Европе я был в курсе всех закулисных обстоятельств каждого шага Кремля в испанских делах. Еще до этого я занимал посты, позволявшие мне следить вблизи за сталинской внешней политикой, органической частью которой стала испанская авантюра.

С момента прихода Гитлера к власти в 1933 году сталинская внешняя политика носила лихорадочный характер. Сталина преследовал страх изоляции. Его попытки договориться с Гитлером встречали то поощрение, то отпор. В моменты безнадежности, когда успеха не ожидалось, он готов был возобновить старый царский пакт с Францией, но это ему не удавалось. Попытки договориться с Англией оказывались еще менее успешными. В 1935 году Энтони Иден и премьер Лаваль нанесли официальные визиты в Москву, а народный комиссар /128/ иностранных дел Литвинов посетил Вашингтон, добился признания и затем играл первую роль в Женеве. Он приобрел там мировую популярность, но ничего сверх популярности он добиться не смог. Лондон не давал определенных обязательств. Договор с Францией не был надежной опорой. В этой обстановке, после начала путча Франко, Сталин обратил взоры на Испанию. Он торопился медленно, как поступал всегда. Были у него и период выжидания, и период осторожных проб. Ему надо было прежде всего убедиться в том, что Франко не ждала быстрая и легкая победа. Когда он убедился в этом, он предпринял интервенцию в Испании.

Замысел его состоял в том, чтобы втянуть Испанию в сферу интересов Кремля, об этом знали все мы, кто им служил. Кое-кто за рубежом полагал, что действия Сталина в этой стране были

продиктованы заботами о мировой революции. Это совершенно неверно. Задачи мировой революции уже давно перестали реально занимать Сталина. Перед ним стояли исключительно задачи внешней политики Советской России.

Три страны приняли прямое участие в гражданской войне в Испании — Германия, Италия и Советский Союз. Участие первых двух было явным, обе они официально признавали действия своих экспедиционных сил в Испании, не скрывали, а скорее преувеличивали свои военные успехи. Но Сталин, в отличие от Муссолини, играл в Испании в закрытую. Вместо того чтобы хвастаться своим вмешательством, он осторожно преуменьшал всякий шум о нем и поначалу вовсе скрывал все, что этого касалось. Советское вмешательство могло бы стать в определенные моменты решающим, если бы Сталин рискнул действовать на стороне законного правительства, как Муссолини рисковал действовать на стороне Франко. Но Сталин не хотел ничем рисковать. Прежде чем начинать что-либо, он постарался убедиться, что в Испанском банке хранится достаточно золота, чтобы с лихвой окупить стоимость любого советского вооружения. Он старался все время действовать так, чтобы не втянуть советскую сторону в большую войну. Свою интервенцию он готов был проводить только под девизом: «Не переступать за линию досягаемости артиллерийского огня!» Это оставалось главным нашим девизом на весь период событий в Испании.

19 июля 1936 года, в день начала мятежа Франко, я находился в моем офисе в Гааге, в Голландии, где проживал /129/ с женой и ребенком под видом антиквара из Австрии. Такое положение позволяло мне иметь легальную резиденцию, получать денежные переводы, которые мне направляли из-за границы, и часто переезжать из одной страны Европы в другую.

До этого времени я отдавал все мои силы нашей сети секретной службы в нацистской Германии. Усилия Сталина прийти к соглашению с Гитлером долгое время не приносили успеха, и Кремль был крайне озабочен германо-японским пактом, заключение которого обсуждалось тогда в Берлине. Я тщательно следил за ходом этих переговоров.

При первом громе пушек за Пиренеями я послал в Андэ на франко-испанской границе моего агента, а другого — в Лиссабон, чтобы создать секретную службу на территории Франко. Это были рутинные меры, никаких инструкций из Москвы я не получал, и у моих агентов не имелось тогда никаких контактов с мадридским правительством. Как глава разведывательной службы в Европе, я просто собирал общую информацию для передачи ее в Кремль. Наши агенты в Берлине, Риме, Гамбурге, Генуе, Бремене, Неаполе

регулярно сообщали о помощи, получаемой Франко из Италии и Германии. Всю эту информацию в Москве встречали молчанием. Никаких секретных указаний относительно Испании по-прежнему не поступало. Публично Советское правительство тоже никак не высказывалось.

Коминтерн, разумеется, поднял великий шум, но никто из нас, практических работников, не принимал этого всерьез. Упомянутое учреждение, давно прозванное «лавочкой», было отселено теперь в тихий пригород Москвы и превратилось из огненного факела, разжигавшего мировую революцию, в простой придаток сталинской внешней политики, иногда полезный как средство косвенного действия, иногда составлявший досадную помеху.

Его большой заслугой в международной политике было проведение тактики так называемого Народного фронта. Она означала, что во всех демократических странах послушные приказам коммунисты откажутся во имя «демократии» от своей оппозиции властям и сомкнут ряды с другими политическими партиями. Техника состояла в том, чтобы с помощью всякого рода «попутчиков» и просто одураченных людей ставить у власти правительства, дружественно настроенные к Советскому Союзу. Не раз это шло на пользу Кремлю, оказывало /130/ ему поддержку. Во Франции Народный фронт поднял на пьедестал фигуру умеренного социалиста Леона Блюма, В прочем, с наступлением кризиса в Испании, под крики Коминтерна в защиту республики и его истошные призывы к борьбе с Франко, сам премьер Блюм при поддержке Лондона предпочел объявить политику невмешательства в Испании.

В самой же Испании призывы Коминтерна встречали меньший отклик — численность коммунистов была там минимальной (3 тысячи членов компартии на все про все), испанские профсоюзы и все крупные революционные группировки (синдикалисты, анархисты, партия марксистского единства, партия социалистов) упорно стояли на антикоммунистических позициях. Испанская республика после пяти лет своего существования отказывалась признать Советское правительство и не имела дипломатических отношений с Москвой.

Тем не менее, Коминтерн проводил массовые митинги и сборы средств по всему миру в пользу Испанской республики. Из Советского Союза посылались бойцами в Испанию десятки иностранных коммунистов, объявленных вне закона в своих странах и проживавших в качестве эмигрантов в России. Сталин был рад от них избавиться.

Немногие ветераны Коминтерна, еще преданные всей душой

идеалам мировой революции, черпали в борьбе в Испании новую надежду. Старые революционеры и вправду надеялись, что испанская гражданская война заново подожжет энтузиазм в мире. Но их энтузиазм не производил на свет ни боеприпасов, ни танков, ни самолетов, ничего из того, чем фашистские державы снабжали Франко. Реальная функция Коминтерна в тот конкретный момент сводилась к тому, чтобы потопить громким шумом коробившие слух отзвуки леденящего молчания, исходившего от Сталина.

Немногие ветераны Коминтерна, еще преданные всей душой идеалам мировой революции, черпали в борьбе в Испании новую надежду. Старые революционеры и вправду надеялись, что испанская гражданская война заново подожжет энтузиазм в мире. Но их энтузиазм не производил на свет ни боеприпасов, ни танков, ни самолетов, ничего из того, чем фашистские державы снабжали Франко. Реальная функция Коминтерна в тот конкретный момент сводилась к тому, чтобы потопить громким шумом коробившие слух отзвуки леденящего молчания, исходившего от Сталина.

Известия об итало-германской помощи генералу Франко и отчаянных призывах испанских революционных лидеров, казалось, не проникали через стены Кремля. Гражданская война в Испании разгорелась в большой пожар, но Сталин не трогался с места, не реагировал на поток панических новостей, проходивших через мои руки в Гааге. Правительство в Мадриде располагало золотым запасом Испанского банка в сумме 140 миллионов фунтов стерлингов, но его попытки произвести закупки оружия у Виккерса в Англии, Шкоды в Чехословакии /131/ или у немецких пушечных королей встречали противодействие проводников политики невмешательства. Тем временем ни одного слова не поступало от советских властей.

Только в конце августа, когда хорошо организованные силы Франко повели успешное наступление на Мадрид, три высокопоставленных представителя Испанской республики были наконец приняты в России. Они прибыли для закупок военного оборудования и предложили в обмен большие суммы испанского золота. Но и теперь их не допустили в Москву, а держали инкогнито в Одессе. Чтобы замаскировать эту операцию, Сталин опубликовал 28 августа через Комиссариат внешней торговли специальный указ, запрещающий «экспорт, реэкспорт и транзит в Испанию любых видов оружия, боеприпасов, самолетов и военных кораблей». Попутчики Коминтерна и иже с ними, втайне приходившие в отчаяние от отказа Сталина помочь Испанской республике, теперь решили, что он оказался вынужденным

подчиниться политике невмешательства Леона Блюма. На самом деле Сталин готовил коварный способ действий в пользу республиканцев. Пока их официальные представители ждали ответа в Одессе, он собрал экстренное заседание Политбюро и предложил свой план осторожной интервенции в Испании — под прикрытием объявленного им нейтралитета.

Сталин считал, что старая Испания кончилась, а новая не может быть предоставлена сама себе. Она должна примкнуть или к итало-германскому лагерю, или к лагерю его оппонентов. По его убеждению, ни Франция, ни Великобритания не согласятся с тем, чтобы Испания, от которой зависит вход в Средиземноморье, оказалась под контролем Рима и Берлина. Дружественная Испания была жизненно необходима Парижу и Лондону. Сталин пришел к мнению, что, не прибегая к открытому вмешательству, одним лишь использованием позиции своей страны как источника вооружений, он сможет создать в Испании режим, контролируемый Россией. Тем самым он сможет внушить уважение французам и англичанам, добиться от них предложения о союзе и тогда либо пойти на такой союз, либо превратить его в предмет торга, дабы достичь своей постоянной заветной цели — договоренности с Германией.

Таковы были главные мысли Сталина по поводу вмешательства в Испании. Но его заставляла действовать также необходимость какого-то ответа иностранным /132/ друзьям Советского Союза, которым предстояло стать свидетелями великой чистки и расстрелов их товарищей — большевиков. Западный мир не сознает, насколько ненадежным в тот момент было положение Сталина у власти и насколько важным для его выживания как диктатора было оправдание его кровавых акций зарубежными коммунистами и известными приверженцами идеалистических взглядов. Их поддержка была ему жизненно важна. Он рисковал ее лишиться, если бы не сумел оказать никакой помощи Испанской республике, не принял бы никаких мер против устрашающего эффекта великой чистки и процессов над «предателями».

Привлекала, кроме того, груда испанского золота (140 миллионов фунтов), которую правительство готово было потратить на военное снаряжение. Какая часть этого золота могла отправиться в Россию в оплату военных поставок в условиях, когда Советский Союз официально должен был придерживаться политики строгого невмешательства, — этот вопрос требовал безотлагательного решения.

Политбюро, конечно, приняло план Сталина. Оно строго предупредило своих комиссаров, что советская помощь Испании

должна быть неофициальной, оказываться тайно, так, чтобы устранить всякую возможность втягивания страны в войну. Итоговый наказ Политбюро, отданный всем, повязанным ответственностью в этом деле, гласил (как я уже указывал): «Подальше от артиллерийского огня!»

Два дня спустя специальный курьер, прилетевший самолетом в Голландию, привез мне инструкции из Москвы: «Немедленно распространите вашу сферу действий на район испанской гражданской войны. Мобилизуйте всю агентуру и ее возможности для создания системы приобретения и транспортировки оружия в Испанию. Специальный агент послан в Париж для помощи вам в этой работе. Он будет докладывать вам и действовать под вашим руководством».

Меня обрадовало, что Сталин наконец решил серьезно заняться Испанией. Процесс Каменева и Зиновьева произвел губительное впечатление в просоветских кругах, к тому же в этих кругах возникало множество самых каверзных вопросов в связи с линией невмешательства, якобы проводимой Москвой в испанских делах.

Меня обрадовало, что Сталин наконец решил серьезно заняться Испанией. Процесс Каменева и Зиновьева произвел губительное впечатление в просоветских кругах, к тому же в этих кругах возникало множество самых каверзных вопросов в связи с линией невмешательства, якобы проводимой Москвой в испанских делах.

В тот момент Сталин приказал Ягоде, тогда еще шефу ОГПУ, создать в Испании отделение своего ведомства — /133/ советской тайной полиции. Мог ли всесильный Ягода знать, что через пять дней после этого важнейшего поручения он будет снят со своего поста, а через несколько месяцев помещен в одну из камер Лубянки, которыми он так долго заведовал? Его жизни пришел конец под огнем одной из его собственных команд расстрельщиков 14 марта 1938 года, после того как он «признался» в участии в заговоре в целях отравления своего преемника Ежова, а заодно и своего старого друга, знаменитого писателя Максима Горького.

Но пока, повинуясь Сталину, Ягода 14 сентября 1936 года созвал чрезвычайное совещание в своем московском штабе на Лубянке. Среди участников были Фриновский, командующий войсками ОГПУ, позже народный комиссар военно-морского флота (его карьера внезапно оборвалась в 1939 году, когда он «исчез»), А. Слуцкий, начальник Иностранного отдела ОГПУ, генерал Урицкий из Генштаба Красной Армии. От Слуцкого, которого я часто встречал в Париже и в других местах, я узнал,

что один из ветеранов его службы был послан с задачей организации ОГПУ на территории законного правительства Испании. Им был некто Никольский, он же Швед, он же Лёва, он же Орлов.

Совещание на Лубянке приняло решение подчинить советской тайной полиции всю деятельность Коминтерна в Испании. Решено было, в частности, «координировать» всю работу Испанской компартии с работой ОГПУ в этой стране. Другим решением совещания было подчинение деятельности всех добровольцев, прибывающих в Испанию из разных стран, тайному полицейскому контролю того же ОГПУ. Осуществление этой задачи было возложено на уже существующую структуру, общую для всех компартий мира: в центральном комитете каждой из них всегда был один представитель, работающий по тайному поручению ОГПУ. Через этих представителей и должна быть взята под контроль деятельность добровольцев в Испании.

Во многих странах, в том числе в Великобритании, формирование добровольческих сил для борьбы за Испанскую республику выглядело как благородное предприятие для спасения демократии и дела социализма. Молодежь со всего мира собиралась для того, чтобы бороться в Испании за эти идеалы. Но республиканская Испания, боровшаяся против Франко, была далеко не едина в своих политических устремлениях. Ее ряды состояли /134/ из различных фракций — демократов, анархистов, синдикалистов, социалистов. Коммунисты составляли незначительное меньшинство. Успех Сталина в установлении контроля над Испанией зависел от его способности преодолеть мощную антикоммунистическую оппозицию в республиканском лагере. Необходимо было взять под постоянное наблюдение идеалистов из числа иностранных добровольцев, помешать им смыкаться с элементами, выступавшими против сталинской политики и амбиций.

Главный вопрос — организация поставок оружия в Испанию — был решен совещанием на Лубянке. Там было условлено, что поставки эти будут производиться одновременно из России и из-за границы. Заграничная часть этого дела была поручена мне. Что касается отечественной части предприятия, то она находилась в руках самого Ягоды. Эта часть предполагала даже еще большие трудности, чем мои, поскольку безусловно требовалось чтобы не просачивались никакие сведения об участии Советского правительства в торговле оружием.

Ягода пригласил капитана Уланского из ОГПУ и поручил ему организацию «частных фирм» дельцов по продаже оружия. Уланский был исключительно умелый специалист в области

тайных операций. Ранее он выполнял по поручению ОГПУ весьма деликатную работу по сопровождению и охране Идена и Лаваля во время их официальных визитов в СССР.

— Вы найдете в Одессе трех испанцев, давно прохлаждающихся в этом городе, — сказал Ягода Уланскому. — Они приехали, чтобы неофициально приобрести у нас оружие. Создайте для работы с ними частную нейтральную фирму и действуйте.

Поскольку ни один человек в Советской России не имеет права купить у правительства даже револьвер и государство там — единственный производитель оружия, идея частной фирмы, торгующей оружием в России, показалась бы советским гражданам абсурдной. Но фарс этот был подстроен для зарубежного употребления. Попросту говоря, задача капитана Уланского заключалась в том, чтобы создать и заставить действовать банду контрабандистов оружия с таким расчетом, чтобы ее следы не были обнаружены иностранными шпионами.

— Если вам это удастся, — сказал ему Ягода, — можете возвращаться с дырочкой на гимнастерке для ордена Красного Знамени. /135/

Капитану Уланскому были даны инструкции торговать только за деньги, а испанцам надо было обзавестись своими судами для перевозок оружия, как только оно будет поступать в распоряжение «частной фирмы» из арсеналов Красной Армии. Он явился в Одессу, успев запастись всеми необходимыми правительственными мандатами, обязательными для исполнения всеми — от местного шефа тайной полиции до председателя областного Совета.

Генерал Урицкий был, как мною уже указано, представителем военной разведки Красной Армии на совещании на Лубянке. В функции его департамента входило все, что касалось технической военной стороны предприятия — определение видов и количества оружия, выдаваемого из арсеналов страны, численности и состава военных экспертов, пилотов, офицеров артиллерийских и танковых войск, посылаемых в Испанию. В военных вопросах эти люди оставались под контролем Генерального штаба Красной Армии; во всех других отношениях они зависели от тайной полиции и находились под ее контролем.

Таким образом, сталинская интервенция в Испании стартовала. Я включился в нее как во фронтовую работу. Задачи мои, действительно, носили почти воинский характер. Я приказал моим агентам в Лондоне, Стокгольме и Швейцарии прибыть на встречу со мной в Париж для совещания со специальным агентом, назначенным Москвой. Этот агент — Зимин — был экспертом по

вооружениям и состоял в Военном отделе ОГПУ. Совещание состоялось в глубокой тайне в Париже 21 сентября. Зимин привез категорические инструкции на тот счет, чтобы торговля оружием ни в коем случае не связывалась с действиями Советского правительства. Все грузы должны отправляться «частным» образом фирмами, созданными для этой цели. Деятельность таких внешне независимых предприятий, учреждаемых как бы вне сети наших ранее существующих «деловых» точек специально для экспорта и импорта оружия, была для нас новым делом, но давно практиковавшейся системой в Европе.

Успех зависел от умения правильно выбрать людей. Такие люди в нашем распоряжении были. Многие из них входили в общества при различных коммунистических центрах за рубежом, например в общества дружбы с Советским Союзом или многочисленные комитеты защиты мира и демократии. И ОГПУ, и военная разведка рассматривали /136/ некоторых членов этих обществ как военный резерв гражданских помощников советской оборонительной системы. Таким образом, мы имели возможность выбора из числа людей, уже испытанных на неофициальной работе в пользу Советского Союза. Некоторые из них оказались корыстными душами или карьеристами, но большинство состояло из искренних, преданных идее людей. Среди них были скромные, надежные личности, люди с нужными контактами, способные играть свою роль, не выдавая себя. Мы снабжали их капиталом, нанимали для них офисы, гарантировали доходы, и люди находились…

За десять дней возникла сеть импортно-экспортных фирм в Париже, Лондоне, Копенгагене, Амстердаме, Цюрихе, Варшаве, Праге, Брюсселе и некоторых других городах Европы. В каждой из фирм молчаливо действовал агент ОГПУ, добывая фонды, контролируя сделки. В случае неудачи он отвечал за предприятие жизнью.

Такие фирмы обеспечивали рынки Европы и Америки в том, что касалось поставок военных материалов. Но передо мной встала во весь рост проблема их перевозок. Транспортные суда можно было находить за довольно высокую плату в портах Скандинавских стран. Трудность состояла в получении лицензий на доставку грузов в Испанию. Первоначально мы намеревались направлять их во Францию для последующей доставки в порты, контролируемые законным испанским правительством, однако французское министерство иностранных дел отказалось выдавать соответствующие судовые бумаги. Оставался только один способ — получать консульские разрешения неевропейских правительств, удостоверяющие, что оружие предназначается для

импорта в их страны. У меня оказалась возможность раздобывать практически неограниченное количество разрешений от некоторых латиноамериканских консульств. Время от времени удавалось получать разрешения от восточноевропейских и азиатских стран. На основе таких разрешений нам удавалось оформлять судовые документы, с которыми суда отправлялись не в порты Южной Америки или Китая, а в порты законного испанского правительства.

Мы произвели большие закупки у заводов Шкода в Чехословакии, у многих французских фирм, у фирм Польши и Голландии. Торговля оружием имеет такие особенности, что нам удавалось закупать партии даже в нацистской Германии. Агента от наших голландских /137/ фирм я послал в Гамбург, где он установил, что на продажу поступила партия слегка устаревших винтовок и пулеметов. Директора немецкой фирмы интересовали только цена, банковские поручительства и легальная форма документов на отгрузку.

Не все закупленное тогда военное снаряжение было первоклассным. Оружие в наши дни быстро устаревает. Но мы ставили себе целью поставлять правительству Кабальеро винтовки, способные стрелять, и поставлять их безотлагательно. Положение в Мадриде становилось все более серьезным.

К середине октября партии оружия начали поступать республиканской Испании. Советская помощь шла двумя потоками. Моя организация пользовалась исключительно иностранными судами, главным образом скандинавских портов приписки. «Частная фирма» капитана Уланского в Одессе использовала испанские суда, но их оказалось недостаточно. Сталинское требование абсолютной секретности во избежание втягивания в войну не позволяло Москве идти на использование судов, плавающих под советским флагом. Сталин стал особенно неумолим с тех пор, как подлодки и траулеры начали атаковать и задерживать г рузовые суда, идущие к берегам Испании.

Но капитан Уланский проявлял величайшую изобретательность. Он потребовал от Мюллера, шефа паспортного отдела ОГПУ, снабжать его поддельными судовыми документами. Ведомство Мюллера, опираясь на безграничные ресурсы государства, довело искусство подделки этих бумаг до небывалого совершенства. Через несколько месяцев в Москве я поддразнивал Мюллера по случаю его награждения орденом Красной Звезды.

— А что ты думаешь! — вскричал он. — Это ведь совершенно новая сфера работы — подделка судовых документов! Не думай, что это так просто! Приходилось работать днями и ночами!

С такими фальшивыми документами советские суда загружали вооружение и покидали Одессу под новыми именами и чужими флагами, проходили через Босфор, где немецкая и итальянская агентура вела пристальное наблюдение, достигали затем портов, находящихся под контролем законных испанских властей, разгружались там, меняли вновь свои имена на русские и под своим флагом возвращались в Одессу. /138/ Мадрид отчаянно просил о продаже самолетов, Москва откликнулась, и ко мне поступил приказ. В тот момент Франко наступал на столицу, немецкие и итальянские авиационные эскадрильи господствовали в воздухе. В Мадрид прибывали наши летчики и механики, но республиканских самолетов было мало и качество их негодное. Передо мной встала задача — найти в Европе возможность немедленно купить сколько-то бомбардировщиков и истребителей. Никакая частная фирма не в состоянии поставить по срочному заказу более или менее значительное число самолетов. На это способны только правительства. При быстрых успехах авиации можно было предполагать, что найдется дружественное правительство, которое согласится продать часть своих воздушных сил, дабы модернизировать другую. Я решил вступить в контакт по этому вопросу с одним из восточноевропейских правительств, которое располагало 50 боевыми самолетами устаревшей конструкции французского производства.

Для обсуждения такого вопроса требовался, очевидно, совершенно необычный агент. Такой человек у меня был — потомок аристократической фамилии, человек голубой крови, с прекрасными связями и наилучшими банковскими рекомендациями. И он, и его жена были верными друзьями Советского Союза и горячими приверженцами законного испанского правительства. Он уже оказал мне кое-какие услуги, и я мог на него положиться. Я пригласил его в Голландию и обрисовал обстановку. На следующий день он вылетел в восточноевропейскую столицу. Вечером он позвонил моему агенту в Париже, а тот связался со мною в Гааге и сообщил, что назавтра тот в определенном месте и в условленное время сможет говорить по телефону напрямую со мной. Когда он дозвонился до меня, мой аристократ на специально кодированном языке рассказал о печальном исходе своих переговоров.

Оказалось, ему удалось быть представленным военному министру страны. Он вручил министру визитную карточку одного из крупнейших мировых банков и сразу приступил к существу своей миссии:

— Я прибыл для покупки у вашего правительства партии

военных самолетов. Хотел бы узнать, согласно ли ваше превосходительство продать их мне. Мы готовы купить по меньшей мере пятьдесят штук по цене, угодной вашему превосходительству. /139/

Министр вскочил из-за своего стола, бледный, еще раз рассмотрел визитную карточку посетителя и его рекомендательное письмо.

Затем обратился к моему посланцу со словами:

— Прошу вас немедленно покинуть мой кабинет! Мой человек готов был уйти, но не захотел признать свою неудачу, не сделав еще одной попытки.

— Извините, ваше превосходительство, — сказал он, — разрешите добавить слово. Здесь все открыто, нет ничего подозрительного в моей миссии. Речь идет о помощи правительству Испании. Я прибыл сюда как представитель тех групп в моей стране, которые считают необходимым защитить Испанскую республику во имя интересов гуманности. Мы уверены, что ваша страна не хочет допустить в Средиземное море фашистские державы, не хочет позволить Италии господствовать в этом регионе.

— Я министр обороны, а не торговец, — был холодный ответ. — Прощайте, сэр!

— Дело кажется безнадежным, совершенно безнадежным, — проговорил мой посланец в телефон.

— Оставьте это дело и больше им не занимайтесь, — ответил я. — Я встречу вас в аэропорту.

— Не теперь, — ответил он, — я еще не готов отказаться от моей задачи. Через три дня я узнал, что он возвращается самолетом в Гаагу. Он вышел из кабины с перевязанной бинтами головой, совершенно изможденный. Я упрятал его поскорее в мою машину, а он прохрипел, что самолеты все-таки им куплены, числом 50.

— Через день после того как я звонил вам по телефону, — рассказал он, — ко мне в отель явился джентльмен с визитной карточкой главного банка той страны, где я находился. Он не сослался на мою беседу с военным министром, а прямо заявил, что, как он понимает, я хотел бы купить военные самолеты. Если я готов к сделке, переговоры могут состояться в его офисе.

Мой посланец купил у правительства его 50 самолетов по цене 4 тысячи фунтов стерлингов за штуку при условии оплаты после соответствующего инспектирования.

Мой посланец купил у правительства его 50 самолетов по цене 4 тысячи фунтов стерлингов за штуку при условии оплаты после соответствующего инспектирования.

Когда зашла речь о грузоотправителе, был предложен выбор между латиноамериканской страной или Китаем. Контрагент предпочел Китай. В ответ ему было сказано: /140/

— Заверяю вас от имени китайского правительства, что документы будут в полнейшем порядке!

— А где это вас угораздило? — спросил я, указав на забинтованный лоб.

— Всего-навсего здоровый удар по лбу, когда я влезал в этот проклятый самолет, — услышал я в ответ смех пострадавшего.

Немедленно были приняты меры для инспектирования и оценки самолетов. Я отправился в Париж и привлек в качестве эксперта французского авиационного специалиста и двух инженеров ему в помощники. Они полетели в восточноевропейскую столицу и вернулись с благоприятным докладом. Я отдал приказ о срочной разборке и упаковке самолетов.

По всему миру раздался вопль гнева и негодования по поводу беспощадной бомбардировки фашистами беззащитного Мадрида. Моя организация совершила чудеса в целях скорейшей транспортировки пятидесяти истребителей и бомбардировщиков. В середине октября они были погружены на норвежское судно.

Но в этот момент поступил категорический приказ Москвы не допустить разгрузки судна в Барселоне. Ни под каким видом не разрешалась перевозка самолетов через территорию Каталонии, которая имела собственное правительство, напоминавшее правительство суверенного государства. В правительстве Каталонии господствовали революционные силы антисталинской направленности. Им не доверяла Москва, хотя в тот момент они держали отчаянную оборону одного из жизненно важных участков фронта законного правительства.

Я получил приказ направить транспорт в порт Аликанте, но он был блокирован франкистскими кораблями. Капитан взял курс на Аликанте, но вынужден был повернуть назад, чтобы спасти судно и груз. Взять курс на Барселону ему запретил мой агент, находившийся на борту. Так груз моих самолетов болтался туда-сюда по Средиземному морю: Франко заказал ему путь в Аликанте, Сталин — в Барселону, а законное правительство Испании испытывало в военных действиях жесточайший недостаток авиации. В конце концов мой агент смог направить транспорт в Марсель.

Я получил приказ направить транспорт в порт Аликанте, но он был блокирован франкистскими кораблями. Капитан взял курс на Аликанте, но вынужден был повернуть назад, чтобы спасти судно и груз. Взять курс на Барселону ему запретил мой агент,

находившийся на борту. Так груз моих самолетов болтался туда-сюда по Средиземному морю: Франко заказал ему путь в Аликанте, Сталин — в Барселону, а законное правительство Испании испытывало в военных действиях жесточайший недостаток авиации. В конце концов мой агент смог направить транспорт в Марсель.

Эти невероятные события были частью яростной, но молчаливой борьбы Сталина за полный контроль над законными властями Испании, борьбы, которая протекала за кулисами открытого театра военных действий. Сталин /141/ должен был превратить Испанию в пешку в своей силовой игре, должен был задушить всякую оппозицию в Испанской республике. Острие оппозиции представляла собой Каталония. Между тем Сталин был намерен оказывать помощь материалами и людскими ресурсами только тем группам в Испании, которые проявляли готовность безоговорочно подчиняться его руководству. Он решительно исключал, чтобы каталонцы наложили руку на наши самолеты, которые позволили бы им добиться военных успехов, повысить свой престиж и политический вес в рядах республиканских сил.

Как раз в эти дни, когда Сталин препятствовал доставке военной помощи в Барселону, было опубликовано его первое открытое обращение к лидеру Испанской компартии Хосе Диасу. В этом обращении от 16 октября говорилось: «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая всю помощь, на которую они способны, революционным массам Испании». «Борьба в Испании, — продолжал Сталин, — не частное дело испанцев. Это общее дело всего передового, прогрессивного человечества». Обращение это было, очевидно, адресовано Коминтерну и сторонникам Советского Союза в мире.

После множества препятствий норвежский транспорт наконец прорвался через франкистскую блокаду и выгрузил самолеты в Аликанте. Одновременно другие военные материалы, включая танки и артиллерию, прибыли из Советского Союза. Вся Испания увидела, что ощутимая помощь законному правительству поступает теперь из России. Республиканцы, социалисты, анархисты, синдикалисты предлагали только теории и идеи, коммунисты же присылали пушки и самолеты для борьбы против Франко. Престиж Советов возрастал, торжествующие коммунисты позаботились об этом.

28 октября Кабальеро в качестве военного министра издал прокламацию, призывавшую к победе. В ней говорилось: «Теперь мы получили наконец в свои руки мощное оружие — танки и сильную авиацию». Открывая широко двери страны посланцам

Сталина, Кабальеро ничего не знал об истинной природе сил, приходящих на помощь Испанской республике. Он не понимал, что эта помощь повлечет за собой его падение.

Прибытие военного снаряжения в Испанию совпадало с прибытием в Мадрид международных добровольческих сил. С британских островов, из Соединенных Штатов, Канады, Латинской Америки, Южной Африки, /142/ с Балкан, даже из нацистской Германии и Италии, из Австралии и с Филиппин добровольцы прибывали, воодушевленные перспективой борьбы за дело законного правительства. Формировалась знаменитая Интернациональная бригада. Теперь, когда Сталин брал в свои руки контроль над Испанией, начиная снабжать ее оружием, стало неотложно необходимым придать организованные формы этому потоку новых крестоносцев, подчинить их своему руководству, прочно включить в ряды просталинских сил. Правительство Народного фронта во главе с Кабальеро представляло собою ненадежную коалицию антагонистических сил. Небольшая, прочная, строго дисциплинированная группа коммунистов, которой отныне командовало ОГПУ, поддерживала правительство Кабальеро; не контролировала его. Тем важнее было для Москвы захватить контроль над Интернациональной бригадой.

Ядро бригады составляли от 500 до 600 иностранных эмигрантов, проживавших в России. Ни одного русского среди них не было. И позднее, когда численность бригады возросла почти до 15 тысяч бойцов, русским не разрешалось в ней участвовать. Непроницаемая стена была нарочно создана между этим формированием и частями Красной Армии, посланными в Испанию.

Во всех зарубежных странах, в том числе в Великобритании, члены Интернациональной бригады рекрутировались местной компартией и помогавшими ей организациями. Некоторые независимые социалистические группы пытались создавать свои колонны, но абсолютное большинство рекрутов предлагалось коммунистами и происходило из среды «попутчиков», которые часто не имели никакого понятия о том контроле на расстоянии, который осуществляли над ними коммунисты.

Когда доброволец предлагал свою кандидатуру, его направляли в тайное бюро записи, где он заполнял анкету, и ему предлагали ждать вызова. За кулисами ОГПУ осуществляло проверку политической ориентации кандидатов. Если кандидатура оказывалась приемлемой, её вызывали и подвергали допросу. Допрашивал агент ОГПУ, редко русский, и часто даже не член компартии, по считавшийся вполне благонадежным и

преданным коммунистическим вожакам. После такой политической проверки, которая, особенно в англосаксонских странах, носила свободный, неформальный характер, рекрут подвергался медицинскому осмотру столь же надежным /143/ врачом, заведомо известным своей преданностью коммунизму. Если он выдерживал эту проверку, то получал проездные средства и адрес, но которому должен был явиться в одной из европейских стран.

В странах Европы была создана сеть таких контрольных пунктов, где кандидаты проходили новый круг проверок с участием особо ответственных, достойных доверия иностранных коммунистов или представителей прокоммунистических организаций. Среди них всегда были уполномоченные ОГПУ. Контроль этого учреждения над добровольцами продолжался и когда они попадали в Испанию и были признаны достойными жертвовать своими жизнями ради того, что они считали делом спасения республики. В их ряды засылались информаторы для выискивания шпионов, устранения людей, чьи политические взгляды не были строго правоверными, для наблюдения за чтением и разговорами добровольцев. Практически все политические комиссары интернациональной бригады, а позднее и большей части республиканской армии были стойкими коммунистами.

У добровольцев, как только они прибывали в Испанию, отбирали их паспорта. И редко бывало, что эти паспорта им возвращали. Даже когда кого-либо увольняли, ему говорили, что его паспорт потерян. Только из Соединенных Штатов собралось около 2 тысяч добровольцев, а каждый подлинный американский паспорт высоко ценился в ОГПУ в Москве. Почти каждая дипломатическая почта, прибывавшая на Лубянку из Испании, включал связку паспортов членов Интернациональной бригады.

Не раз, когда я бывал в Москве весной 1937 года, мне попадалась на глаза почта в помещениях Международного управления ОГПУ. Однажды я увидел связку сотни присланных паспортов, половина из них были американскими. Они принадлежали погибшим борцам. Паспорта убитых, после нескольких недель изучения семейного положения их прежних владельцев, легко приспосабливались для нужд их новых владельцев — агентов ОГПУ.

Пока армия Коминтерна — Интернациональная бригада — приобретала все больший вес и известность на первом плане событий, чисто русские части Красной Армии тихо прибывали и занимали свои позиции позади линии испанского фронта. Советский военный персонал в Испании никогда не превышал

численности 2 тысячи человек. Только летчики и танкисты несли активную службу. /144/

Большинство же русских выполняли техническую службу — штабистов, военных инструкторов, инженеров, специалистов военно-промышленного дела, химической войны, авиамехаников, радиооператоров, артиллерийских механиков. Все представители Красной Армии селились отдельно от испанского гражданского населения, не имели допуска в местные политические круги, никаких контактов с общественностью. Они находились под неусыпным надзором ОГПУ якобы для того, чтобы держать пребывание русских в тайне, а также во избежание всякого риска заражения рядов Красной Армии еретическими политическими настроениями.

Эта специальная экспедиционная сила состояла в прямом подчинении генерала Яна Берзина — одного из двух советских начальников, поставленных Сталиным во главе его интервенции в Испании, Другим был Артур Сташевский, официально занимавший пост советского торгового представителя в Барселоне. Это были тайные люди Москвы за кулисами испанского театра военных действий: в их руках были сосредоточены все нити контроля над республиканским правительством в Испании, в то время как об их миссии ничего не было известно вовне, и она была окружена совершенной тайной.

Генерал Берзин 15 лет был шефом военной разведки Красной Армии. Выходец из Латвии, он с 16 лет участвовал в партизанских революционных отрядах, боровшихся против царской власти, был ранен, взят в плен и приговорен к смертной казни в 1906 году. По причине его юного возраста царские власти сохранили ему жизнь, заменив смертный приговор каторгой в Сибири. Он бежал из ссылки и стал революционером-подпольщиком к тому времени, когда пала царская власть. Во времена Троцкого Берзин вступил на службу в Красную Армию и достиг видных должностей в ее командовании. Крепко сложенный, рано поседевший, немногословный, Берзин стал избранником Сталина на должность организатора и руководителя вооруженных сил законного республиканского правительства.

Главным сталинским политкомиссаром в Испании был Сташевский, коммунист польского происхождения, коренастый, невысокого роста, походивший на бизнесмена. Номинально он был торгпредом, но прежде также служил в Красной Армии. В свое время он ушел с военной службы, чтобы посвятить себя реорганизации в России меховой промышленности и торговле в период, когда /145/ эта отрасль находилась в полном развале. Его успехи в этой сфере были исключительными. Он сумел

восстановить русскую торговлю мехами на всех мировых рынках. Сталин отдал в его руки манипуляцию всеми приводными ремнями политической и финансовой жизни республиканской Испании.

Берзин и Сташевский работали за сценой. На авансцене борьбы за дело законных властей находилась Интернациональная бригада. Иностранным корреспондентам на внутри испанском фронте главным человеком представлялся Эмиль Клебер, командир Интернациональной бригады. Миллионы читателей знали Клебера как самую драматическую фигуру героической обороны Мадрида.

В отчетах и интервью Клебер выглядел сильным человеком, призванным играть выдающуюся роль в испанской и мировой истории. Его физический облик, высокий рост, резкие черты лица, шапка седых волос, необычная для его 40-летнего возраста, — все эти черты служили созданию его легенды. Он представлялся миру неким «солдатом удачи», выходцем из Австрии, натурализовавшимся в Канаде. Согласно этой версии он, австрийский пленный в революционной России, якобы встал на сторону белых в борьбе против большевиков, но в конце концов, переменив свои взгляды, перешел на сторону коммунистов.

Вся эта картина была нарисована в главном штабе ОГПУ в Москве, где Клеберу был выдан его фальшивый канадский паспорт. Свою роль он играл под диктовку ОГПУ, его интервью сочинялись мистификаторами из кремлевских спецслужб.

Я был знаком с Клебером много лет — с его женой, его детьми и братом. Настоящее имя его было Штерн. Он родился на Буковине — некогда в Австрии, ныне в Румынии. В мировую войну он был австрийским офицером, был взят царскими войсками в плен и сослан в лагерь военнопленных в Красноярск. После революции вступил в большевистскую партию и всю гражданскую войну боролся в рядах Красной Армии. В 1924 году окончил советскую военную академию (позднее носившую имя Фрунзе), работал какое-то время на Разведывательное управление Генерального штаба, в 1927 году был назначен в военный отдел Коминтерна, в котором работал инструктором военных училищ. В Китае выполнил ряд секретных военных миссий Коминтерна. /146/

Клебер никогда не бывал в Канаде, никогда не переходил в лагерь белых. Эти измышления были пущены в ход, чтобы затушевать его карьеру офицера Красной Армии и сделать правдоподобнее его роль как командира Интернациональной бригады. На самом деле, вопреки драматическим обстоятельствам его деятельности в Испании, он не имел

реальной силы в функционировании советской машины в этой стране, хотя в ноябре 1936 года и был назначен главнокомандующим испанскими правительственными войсками в северном секторе мадридского фронта.

В первых числах ноября я прилетел через Марсель в Барселону. Служебная машина доставила меня в загородный отель, где располагался советский штаб в Барселоне. Посторонним не разрешалось там останавливаться. Там я встретил Сташевского и его ближайшее окружение. Там жил и работал наш военно-разведывательный штаб в Каталонии, во главе которого стоял генерал Акулов.

Мой приезд в Барселону был связан с необходимостью передачи агентуры, которой я располагал на вражеской территории, под контроль штабных офицеров нашей армии, участвовавших в операциях, тайно руководимых генералом Берзиным. Я считал, что информация, поступавшая ко мне из зон противника, была полезнее в Мадриде и Барселоне, чем в Москве. Наша разведка на стороне врага была отлично организована генералом Акуловым и действовала весьма эффективно. Наши радиооператоры работали без перерывов и ежедневно снабжали нас жизненно важными данными с помощью передвижных передатчиков.

Естественно, мой первый вопрос был о перспективе военной победы. В ответе было заявлено: «Путаница и беспорядок здесь невероятные. Единственное утешение, что у них, на другой стороне, путаницы и беспорядка еще больше». Генерал Берзин неутомимо работал над тем, чтобы сформировать подлинную армию из недисциплинированных, некоординированных в своих действиях вооруженных отрядов. Он настаивал перед Кабальеро на введении воинского призыва. Берзин собрал группу советских офицеров и старался сделать ее становым хребтом командования республиканских сил. Он взял на себя ведущую роль в организации обороны Мадрида в течение отчаянно трудных дней ноября и декабря. Но сам Берзин был настолько закамуфлирован, что его присутствие /147/ в Испании и сама его личность были известны не более чем полудюжине высших представителей республиканских властей.

Берзин настаивал на назначении главнокомандующего вооруженными силами, но республиканское правительство, находившееся во власти соперничающих партий и фракций, не склонно было утверждать такой пост. Берзин нашел подходящего кандидата в лице генерала Хосе Миахи, хорошего солдата, не питавшего политических амбиций. За несколько недель ноября 1936 года Берзин все же добился назначения Миахи, который

сохранил пост главнокомандующего до конца гражданской войны.

Тем временем Артур Сташевский прилагал все усилия к тому, чтобы сосредоточить в руках советских представителей все бразды контроля над финансами республики. Ему нравились Испания и испанцы. Он был увлечен своей деятельностью, ему казалось, что он переживает заново опыт своей работы в революционной России двадцать лет назад. В лице Хуана Негрина, министра финансов мадридского кабинета, он нашел добровольного сотрудника в осуществлении своих финансовых планов. Мадриду было практически невозможно легально покупать оружие на мировых рынках этого товара. Республика депонировала часть своего золотого запаса в парижские банки, надеясь импортировать военное снаряжение из Франции. Но здесь возникла непреодолимая трудность: французские банки отказались выдавать золото по той причине, что Франко угрожал в случае победы предъявить им иск. Но иски такого рода не смущали далеко отстоящий от Испании Кремль, в случае если золото окажется в его руках. Сташевский предложил отвезти испанское золото в Россию и поставить Мадриду в обмен оружие и снаряжение. Через Негрина он добился заключения этой сделки с правительством Кабальеро.

Каким-то образом слухи о сделке проникли за границу. В зарубежной печати раздались обвинения в том, что из-за Кабальеро часть золотого запаса страны досталась в заклад Советам. 3 декабря, когда транспортировка золота налаживалась, Москва официально опровергла, что подобная сделка заключена, подобно тому как она постоянно опровергала советское вмешательство в Испании. В нашей среде Сташевского тогда в шутку называли «богатейшим человеком в мире» за то, что ему удалось взять в руки контроль над испанской казной. /148/

Из моих бесед со Сташевским в Барселоне в ноябре со всей ясностью выступало, какие ближайшие шаги в Испании предпримет Сталин. Сташевский не делал секрета из того, что главой мадридского правительства скоро будет Хуан Негрин. Хотя Кабальеро еще повсеместно считался фаворитом Кремля, Сташевский уже остановил выбор его преемника на Негрине.

Кабальеро был по существу чистой воды радикал, идеалист-революционер. К тому же он не одобрял действий ОГПУ, которые под руководством Орлова начинали сводиться в Испании, как и в России, к беспощадной чистке диссидентов, независимых и антисталинистов. Компартия клеймила их всех без разбора именем «троцкистов».

Что касается Хуана Негрина, то он принадлежал по всем

своим свойствам к породе политиков-бюрократов. Хотя и профессор, он был деловым человеком и выглядел типичным бизнесменом. Вообще он представлял собою вполне подходящего для Сталина человека. Подобно генералу Миахе, он хорошо выглядел бы в Париже, Лондоне или Женеве. Он способен был произвести хорошее впечатление на внешний мир, продемонстрировав перед ним «солидный» и «добропорядочный» характер дела, который отстаивала Испанская республика. Женат он был на русской и к тому же, как человек практичный во всех отношениях, приветствовал чистку испанского общества от «смутьянов», «паникеров», «неконтролируемых» элементов, чья бы рука ни проводила эту чистку, пусть даже чужая рука Сталина.

Негрин, несомненно, видел единственное спасение страны в тесном сотрудничестве с Советским Союзом. Ему было ясно, что активная помощь могла поступить только с этой стороны. Он готов был идти со Сталиным как угодно далеко, жертвуя всеми другими соображениями ради получения его помощи.

Об этом говорилось во время моего пребывания в Барселоне, за шесть месяцев до падения кабинета Кабальеро. Столько времени потребовалось для осуществления этой перемены, но в конце концов она не обошлась без заговора, подстроенного ОГПУ в Барселоне. Здесь находился официальный советский посол Марсель Розенберг, но он только произносил речи и появлялся на публике, Кремль же никакого значения ему не придавал. Работу в пользу сталинских планов молчаливо и эффективно проводил Сташевский, /149/

Начальник Иностранного отдела ОГПУ Слуцкий побывал в Барселоне вскоре после моего отъезда с целью инспектирования тайных полицейских служб, созданных в Испании по русскому образцу. Это был момент разгула активности ОГПУ на всей территории, контролируемой законным испанским правительством, но центром сосредоточения его усилий стала Каталония, где группы независимых были наиболее сильны и где были даже настоящие троцкисты со своим партийным штабом.

— У них имеются неплохие данные, — говорил мне Слуцкий, когда он через несколько недель вернулся в Париж, — но не хватает опыта. Мы не позволим превратить Испанию в площадку для сбора всяких антисоветских элементов, слетающихся туда со всего света. По сути дела, теперь ведь это наша Испания, часть советского фронта. Мы должны его укрепить. Кто знает, сколько там шпионов среди этих добровольцев? А анархисты и троцкисты, даже если они борцы-антифашисты, они все же наши враги. Это контрреволюционеры, и мы должны их выкорчевывать.

ОГПУ поработало блестяще. Уже в декабре 1936 года террор

свирепствовал в Мадриде, Барселоне и Валенсии, были созданы специальные тюрьмы ОГПУ, его агенты убивали и похищали людей, вся эта сеть функционировала совершенно независимо от законного правительства. Его министерство юстиции не имело никакой власти над ОГПУ, превратившимся в государство в государстве. Перед его могуществом трепетали высшие представители правительства Кабальеро. Советский Союз, казалось, захватил в свои руки такую власть над законным испанским режимом, как если бы эта страна находилась в полном советском владении.

Ларго Кабальеро опубликовал 16 декабря свой известный вызов Франко: «Мадрид не падет! Теперь мы обладаем необходимыми средствами борьбы в виде оружия и военного снаряжения». А на следующий день рупор Сталина в Москве, газета «Правда», провозгласила, что чистка в Каталонии «будет проводиться с той же энергией, с какой она проводится в Советском Союзе».

Героическая защита Мадрида достигла драматической точки. Авиационные эскадрильи Франко уничтожали город с воздуха, его войска достигли пригородов. Но у законного правительства теперь были бомбардировщики и пилоты, танки и артиллерия. Советская военная помощь подоспела вовремя для спасения Мадрида. Гене- /150/ рал Берзин с его штабом втайне руководил с опротивлением, которое официально велось под командованием генерала Миахи, тогда как коминтерновский генерал Клебер был символом его героики. Подвиги Интернациональной бригады и помощь оружием, поступавшая из Советского Союза, содействовали росту рядов Испанской компартии; в январе 1937 года в ней числилось более 200 тысяч членов. Спасение Мадрида высоко подняло советский престиж.

В то же время это событие обозначило окончание первой фазы вмешательства Сталина в гражданскую войну. Началась новая фаза — мрачная работа всерьез по сталинизации Испании. Возложена она была на ОГПУ, Коминтерн был оттеснен на задний план. 4 февраля 1937 года Клебер был снят с поста командующего Интернациональной бригадой. Официально сообщалось, что коминтерновский генерал отправлен в Малагу для организации местной республиканской обороны. Больше о нем никто никогда ничего не услышал.

Позднее, через несколько недель, уже будучи в Москве, я узнал, что исчезновение Клебера связано с чисткой в Красной Армии, массовыми арестами среди ее офицерского состава. Многие из товарищей Клебера пали как «заговорщики» под пулями сталинских экзекуционных взводов. Случайно я встретил

в те дни брата Клебера, отозванного в апреле из-за границы. Несколько дней спустя он был арестован ОГПУ.

Исчезновение Клебера, знаменитого генерала-коминтерновца, в пучине великой чистки означало, что он принадлежал к числу тех, кто больше не был нужен Сталину и кто знал слишком много. Сталин считал, что Коминтерн в Испании свою задачу выполнил. Берзин и Сташевский прочно удерживали в своих руках правительство республиканцев. Исчезновение Клебера не вызвало никаких возражений тех, кто так долго прославлял его в различных странах мира. Его искусственная слава умерла вместе с ним. К его товарищу генералу Лукачу судьба отнеслась благосклоннее. Это был венгерский писатель-коммунист, подлинное его имя — Мате Залка. Расправа его миновала, он погиб смертью храбрых на испанском фронте.

Успешная оборона Мадрида позволила ОГПУ еще шире распространить свою власть в Испании. Произведены были тысячи арестов, в том числе многих интербригадовцев, боровшихся с оружием в руках против Франко. /151/

Всякая критика способов действий, малейший нелестный отзыв о сталинской диктатуре в России, случайное общение с людьми еретических воззрений — все это объявлялось предательством. ОГПУ применяло отработанные в Москве методы вынужденных признаний и массовых расстрелов.

Число антисталинистов из числа сторонников законного правительства, уничтоженных в Испании, мне неизвестно. Я мог бы перечислить десятки индивидуальных судеб людей, убитых в Испании, похищенных нашими агентами и насильственно отправленных в Россию. Один из наиболее скандальных случаев — судьба Андреса Нина, лидера революционной партии Марксистского единства (ПОУМ), в прошлом троцкиста, а ранее — одного из главарей Коминтерна. Вместе с группой своих сторонников он «исчез» из тюрьмы, где их держало в заключении ОГПУ. Их тела были найдены только после прибытия в Испанию комиссии членов английского парламента для расследования обстоятельств этой расправы. Другой громкий случай произошел с молодым Смилли, сыном известного английского лейбористского лидера Роберта Смилли. Молодой человек был убит в Испании в тюрьме, находившейся под контролем ОГПУ. Трагична также судьба Марка Рейна, сына эмигрантского русского социалистического лидера Абрамовича (см. следующую главу).

Работа ОГПУ в Испании создала пропасть между участниками антифашистского движения. Кабальеро и его сторонники начали догадываться, что они не понимали, что делали, когда заключали

союз с коммунистами в рамках единого фронта. Премьер Кабальеро не в состоянии был дольше терпеть советский террор, истреблявший его партию и ударявший по ее политическим союзникам. С его благословения автономное правительство Каталонии отчаянно противилось чисткам, проводимым ОГПУ. В стране назревал внутренний кризис. Из Москвы, где решались внутренние испанские дела, я наблюдал за тем, как этот кризис развивался и достиг своей высшей точки.

В марте 1937 года мне довелось познакомиться с конфиденциальным докладом Берзина наркому обороны Ворошилову. Доклад был также адресован Ежову, преемнику Ягоды на посту шефа ОГПУ (позднее также ликвидированному). Такие доклады предназначались для Сталина, но адресовались обычно вышестоящим начальникам /152/ их авторов. После оптимистической оценки общего положения в стране и похвал по адресу генерала Миахи Берзин переходил к сообщениям о недовольстве и протестах в руководящих испанских кругах в связи с деятельностью ОГПУ. Констатировалось, что агентура ОГПУ компрометирует Советскую власть в глазах испанцев своим произвольным вмешательством и шпионажем в правительственных кругах. В заключение Берзин предлагал немедленно отозвать Орлова.

— Берзин абсолютно прав, — комментировал Слуцкий в беседе со мной после того, как я прочел доклад.

Абрам Слуцкий, начальник Иностранного отдела ОГПУ, считал, что его люди ведут себя в Испании, как если бы они находились в колонии, и обращаются даже с лидерами, как колонизаторы с туземцами. На мой вопрос, как же поступят с Орловым, он сказал, что это зависит от Ежова.

Между тем сам Ежов, главный мастер великой чистки, смотрел на Испанию как на советскую провинцию. С другой стороны, единомышленников Берзина в Красной Армии повсеместно хватали по всему Советскому Союзу, и жизнь самого Берзина не была в большей безопасности, чем жизнь других высших офицеров. Многие его товарищи находились уже в сетях ОГПУ, поэтому любой его доклад мог вызвать только подозрительность в Кремле.

В апреле пришла очередь Сташевского прибыть в Москву для личного доклада Сталину. Хотя и закоренелый сталинист, твердый партийный ортодокс, Сташевский также понимал, что поведение ОГПУ на территории законного правительства Испании было ошибкой. Подобно генералу Берзину, он осуждал методы колониального рукоприкладства, применяемые русскими в Испании. Сташевский без всякого снисхождения относился к

«троцкистам» в Советском Союзе и одобрял методы расправы с ними, применяемые ОГПУ, но он считал, что это учреждение должно щадить существующие в Испании традиционные политические партии, осторожно старался склонить Сталина к мысли о необходимости изменить курс ОГПУ в этой стране. Хозяин сделал вид, что он соглашается с ним, и Сташевский вернулся из Кремля окрыленный.

Затем у него была беседа с маршалом Тухачевским, внимание которого он обратил на грубое поведение советских военных представителей в Испании. Об этом разговоре /153/ стало известно в узком кругу, и он породил немало толков. Маршал был вполне согласен с необходимостью призвать к порядку тех, кто вел себя в Испании как в покоренной стране, но при этом было ясно, что позиции Тухачевского пошатнулись и у него уже недоставало авторитета, чтобы принудить людей к повиновению.

Беседуя со мной, Сташевский высказывал надежду на скорое падение Кабальеро и возвышение Негрина, давно выбранного им в качестве кандидата в премьеры. «Тяжелая борьба ждет нас в Испании», — не раз предупреждал он меня.

Это было очевидно для всякого, кто был в курсе политических планов Сталина и догадывался относительно его ближайших ходов. Сталин добился успеха в превращении Испании в придаток Кремля и был готов к новому рывку вперед. Избежав риска участия в военном конфликте, он уверился в том, что и другие его цели оказались в пределах досягаемости. Машина ОГПУ работала в Испании полным ходом. Единственным препятствием на пути оставалась Каталония, одна из главных опор Кабальеро. Чтобы добиться полного контроля, Сталину оставалось подчинить своей власти Каталонию и сместить Кабальеро.

Это стало мне ясно из одного доклада некоего русского анархиста, лидера политической группы, действовавшей в Париже, но который в действительности был тайным агентом ОГПУ. Будучи послан в Барселону, он как единомышленник вошел в доверие анархо-синдикалистских кругов в местном правительстве. Миссия его была чисто провокаторской: подстрекать каталонцев на действия, которые потребовали бы вмешательства армии якобы для подавления беспорядков позади линии фронта,

Все это вытекало из 30-страничного доклада, составленного по образцу всех наших секретных документов. Такие доклады передавались на тончайших роликах фотопленки. В центральном офисе ОГПУ в Москве была установлена самая современная американская аппаратура для обработки этих фильмов. Каждая

страница доклада представляла собой многократно увеличенный кадр фильма. В докладе агента излагалось содержание бесед, которые он вел со своими единомышленниками из разных политических партий, чьим доверием он заручился, перечислялись меры, которые он принял, чтобы подтолкнуть собеседников на рискованные действия, дающие в /154/ руки ОГПУ повод для того, чтобы их уничтожить. В заключение он предупреждал, что в ближайшее время в Барселоне надо ожидать выступления.

Другой доклад, с которым я смог ознакомиться, исходил от лидера Испанской компартии Хосе Диаса. Он был адресован председателю Коминтерна Димитрову, который, давно уже зная, кто его хозяин, тотчас же отослал его в ОГПУ. Диас называл Кабальеро мечтателем и фразером, органически неспособным стать верным союзником сталинитов. Негрина он хвалил. В докладе описывалась работа, которую коммунисты проводили среди социалистов и анархо-синдикалистов, чтобы подорвать их ряды изнутри.

Из обоих докладов следовало, что ОГПУ плело заговор, чтобы сломить «неподконтрольные» элементы в Каталонии, установить над ними безраздельную власть Сталина. И действительно, сенсационные сообщения вскоре поступили из Барселоны. Заголовки гласили: «Восстание анархистов в Барселоне!» Сообщалось о заговоре в каталонской столице, о боях за телефонную станцию, уличных столкновениях, баррикадах, расстрелах. День Первого мая в Барселоне вошел в историю как день братоубийственной войны среди антифашистов, в то время как на них наступали войска Франко. Согласно официальной версии, каталонские революционеры предательски пытались захватить власть, когда все силы требовались для отпора фашистам. Другая версия барселонской трагедии, изложенная в прессе, сводилась к тому, что некие «экстремистские элементы сомкнулись с левым крылом анархистов, чтобы вызвать беспорядки в интересах врагов республики».

Дело заключалось в том, что среди рабочих Каталонии господствовали антисталинские настроения. Сталин знал, что размежевание неотвратимо, но знал также, что оппозиционеры разделены и могут быть сломлены быстрыми, смелыми акциями. ОГПУ раздувало пламя борьбы, натравливая друг на друга различные политические фракции. В пятидневном кровопролитии, ознаменовавшемся пятьюстами убитых, более чем тысячью раненых, Каталония стала пробой сил, в которой решался вопрос: быть или не быть правительству Кабальеро. Испанские коммунисты во главе с Диасом потребовали

подавления всех антисталинских группировок, установления контроля ОГПУ над газетами, радиостанциями и всеми помещениями для собраний. Ларго Кабальеро отказался принять /155/ эти требования и вынужден был уйти в отставку 15 мая. Хуан Негрин стал новым премьером, как и было предложено заранее Сташевским. Его кабинет приветствовали как «кабинет Победы», и он оставался у власти до провала всей обороны законного правительства в марте 1939 года.

Большое количество испанского золота было доставлено при Негрине в Советский Союз. По указанию Сталина разгрузка прибывавших партий доверялась только офицерам тайной полиции, по личному выбору Ежова, во избежание распространения малейших сведений об этих операциях. Однажды я заметил в печати список высших представителей ОГПУ, награжденных орденом Красного Знамени. Среди них были известные мне имена. Я спросил у Слуцкого, в чем состояла заслуга награжденных. Он объяснил, что это список руководителей специального отряда численностью 30 человек, который был послан в Одессу для разгрузки ящиков с золотом: офицеры ОГПУ использовались на этой работе в качестве докеров. Операции по разгрузке золота из Испании проводились в величайшей тайне — это было первым случаем, когда я услышал о них. Один мой сотрудник, оказавшийся участником упомянутой экспедиции в Одессу, описывал мне потом сцены, которые там увидел: вся территория, примыкающая к пирсу, была очищена от людей и окружена цепью специальных отрядов. Через все освобожденное пространство, от пристани до железнодорожного пути, высшие чины ОГПУ изо дня в день переносили на спине ящики с золотом, сами грузили их в товарные вагоны, которые отправлялись в Москву под вооруженной охраной. Я пытался узнать, каково количество доставленного золота. Мой помощник не мог назвать какой-либо цифры. Мы переходили с ним через Красную площадь в Москве. Указав на пустое пространство вокруг нас, он сказал:

— Если бы все ящики с золотом, которые мы выгрузили в Одессе, положить плотно друг к другу на мостовой Красной площади, они заняли бы ее полностью, из конца в конец.

Так он наглядно представлял себе объем доставленного золота.

Вскоре после падения правительства Кабальеро я беседовал со Слуцким в его московском кабинете. Раздался телефонный звонок. Я понял, что звонили из специального отдела. Хотели узнать через Слуцкого, выехала /156/ ли из Союза дочь Сташевского. Будучи другом последнего, Слуцкий явно проявил

беспокойство — такой вопрос ничего доброго для Сташевского не сулил. По другому аппарату Слуцкий вызвал паспортный отдел и узнал, что дочь Сташевского пересекла границу, о чем с облегчением сообщил вопрошавшему.

Расскажу о последних страницах жизни этого человека и его семьи. Из Москвы он вернулся к месту своей работы в Барселоне. Жена его Регина находилась в Париже, где работала в советском павильоне Всемирной выставки. Там же работала их 19-летняя дочь — отец позаботился о том, чтобы она оставалась с матерью. Через месяц после своего приезда в Париж, вскоре после упомянутого телефонного запроса, насторожившего и меня, и Слуцкого, дочери Сташевского было предложено отвезти в Москву ряд экспонатов выставки. Ничего не подозревая, она уехала в июне и исчезла навсегда. Тем временем ее отец был отозван из Испании, а я в июле вновь оказался в Париже. По телефону я справлялся у его жены, видала ли она его проездом. Оказалось, что он проехал через Париж в невероятной спешке, провел в городе несколько часов между поездами и вместе с генералом Берзиным выехал в Москву. Жена Сташевского была крайне встревожена, не зная ничего о муже и дочери. В июне Сталин уничтожил почти все высшее командование Красной Армии во главе с маршалом Тухачевским. Эти события доводили до крайности настороженность в правящих кругах Советской России.

В течение многих дней и ночей Сташевская пыталась дозвониться до своей московской квартиры. Телефонистка неизменно сообщала: «Аппарат не отвечает!» Наконец разговор состоялся. Из квартиры сказали, что Сташевского в Москве не видели и ничего не знают о дочери, она там не появлялась. Прошло две недели без новостей, но однажды жена Сташевского получила короткую записку мужа: он просил все бросить и скорее возвращаться в Москву. После своего разговора с домом жена поняла, что записка эта из тюрьмы. Она тут же сложилась и уехала в Советский Союз к тем, кто был ей дороже всего на свете. Больше ничего мы о ней и ее семье не услышали.

Исчез также и генерал Берзин. Расстрел высших командиров Красной Армии стал приговором и ему. Подобно Сташевскому, он был тесно связан с жертвами этой сталинской расправы с самого начала революции, в течение /157/ целого двадцатилетия. Против этого обстоятельства не имели никакого веса ни его заслуги в Испании, ни его многолетняя верность Сталину. Он принадлежит к тому огромному числу исчезнувших советских лидеров, о судьбе которых можно только догадываться и которая никогда уже не станет нам известна в ее фактических

подробностях.

В то же время, летом 1937-го, когда Сталин, казалось, окончательно достиг своих целей в далекой Испании, Япония атаковала Китай. Угроза Советскому Союзу с Дальнего Востока стала реальностью. Японцы заняли Пекин, бомбардировали Шанхай, наступали на Нанкин. Правительство Чан Кайши примирилось с Москвой и просило о советской помощи. Фашистские державы на Западе становились все агрессивнее, усиливали свою помощь Франко. Военная ситуация в Испанской республике резко ухудшалась. Если бы Сталин хотел воспользоваться своими успехами в Испании, он должен был бы оказать ей теперь максимум помощи в борьбе против Франко и его союзников. Но более, чем когда-либо, он остерегался рисковать большой войной. Эта его позиция становилась все очевиднее с тех пор, как Япония вторглась в Китай и угрожала сибирским границам СССР.

Роль Сталина в Испании приближалась к позорному концу. Он предпринял вмешательство в надежде на то, что с помощью зависимой Испании легко проложит наконец путь из Москвы через Париж и Лондон в Германию. Но маневр этот не имел успеха. Ему не хватило подлинной смелости. Он храбро боролся с независимостью испанского народа, но слабо — против Франко. Ему удавались кровавые интриги, но не удавались военные операции.

Париж и Лондон занимали все более дружественную позицию по отношению к Франко. Постепенно в течение 1938 года Сталин убрал свою руку из Испании. Все, что он получил ценой своей авантюры, была оставшаяся в его руках груда испанского золота.

IV. Как Сталин подделывал доллары

Первый пятилетний план осуществлялся с 1928 по 1932 год. Все это время широко велись закупки оборудования за рубежом для нужд индустриализации России. Одним из следствий этого курса была острая нехватка у Москвы иностранной валюты. /158/

Как раз в эти годы земной шар оказался опутан густой сетью фальшивых 100-долларовых банкнот федеральной резервной системы Соединенных Штатов. Они начали проникать, а затем хлынули потоком в казначейство США через Шанхай и Сан-

Франциско, Хьюстон и Нью-Йорк, Монреаль и Гавану, через Варшаву, Женеву, Бухарест, Берлин, Вену, Софию, Белград.

Пустил в обращение по всему миру примерно сто миллионов фальшивых долларов не кто иной, как Сталин.

Факт этот интересен не только сам по себе, но и потому, что иллюстрирует весь примитивизм умственных обыкновений нашего грузина — его неведение современных мировых условий, его готовность всякий раз в момент кризиса прибегать к методам прямой уголовщины. В большевистской партии Сталин впервые выделился как организатор «экспроприаций» — другими словами, ограблений банков для пополнения партийной кассы. Борис Суварин в своей книге «Жизнь Сталина» описывает такую экспроприацию в Тифлисе, организованную и руководимую Сталиным, хотя и без его личного участия; тогда на улице было взорвано восемь бомб, пятьдесят человек ранено, трое убито, а 341 тысяча рублей (34 тысячи фунтов стерлингов) пополнили кассу партии. Неудивительно, что во время другого кризиса, когда возникла нужда в наличных деньгах, Сталин пришел к простой идее раздобыть их из казначейства США.

А нужда была действительно велика. Запасы иностранной валюты у Советов были совершенно недостаточны даже для самых важных учреждений страны. Зарубежные службы ОГПУ и советской военной разведки были в критическом финансовом положении в момент, когда им надлежало заботиться о своей экспансии. Поиски «валюты» — золота и других драгоценных металлов — стали первейшей задачей Советского правительства. В ОГПУ учредили специальный валютный отдел и применили все мыслимые и немыслимые методы — от обмана до террора, — чтобы выкачивать из населения ценности и иностранную валюту. Эта кампания достигла апогея в так называемой «долларовой парилке» — систематическом вымогательстве у советских граждан переводов и вспомоществований, поступавших от родственников в Америке. Многие жертвы этих операций держались в тюрьмах и подвергались пыткам до тех пор пока из-за границы не поступали суммы выкупа. /159/

Все это стало достоянием довольно широкой гласности, но свой еще более коварный замысел присвоения чужих денег Сталин держал в строгом секрете. До настоящего времени источник упомянутых 100-долларовых фальшивых банкнот остается, по существу, тайной для американских и европейских спецслужб. Правда, подозрения существовали и даже высказывались на тот счет, что фальшивомонетчики действовали в Советской России. Но никто авторитетно не смог доказать, что преступные акции совершены Советским правительством.

Дело заключалось в том, что Сталин сам организовал сеть фабрикации долларов и сам руководил ею, что печатные устройства были упрятаны в глубочайших недрах ОГПУ, а распространителями фальшивок были специальные советские агенты.

Купюры печатались на специальной бумаге, привезенной из США, и были подделаны таким великолепным образом, что даже американские банковские эксперты принимали их за подлинные в течение многих лет после их первого заявления. Авторы подделки были настолько уверены в качестве своей работы, что предлагали в большом количестве купюры собственного изготовления при расчетах с ведущими финансовыми учреждениями Америки.

Сталинские агенты работали совместно с преступным подпольным миром, например, в Берлине — с шайкой американских рэкетиров, действовавших в Восточной Европе, в Чикаго — с известными там гангстерами. Это установлено бесспорно многими полицейскими расследованиями, что же касается самих агентов-распространителей, они действовали по чисто политическим мотивам, бескорыстно. Они хотели помочь Советскому Союзу.

В федеральной тюрьме в Льюисбурге, в Пенсильвании, содержится заключенный, отбывающий 15-летний приговор за обман чикагских банков на сумму 25500 долларов путем всучения им фальшивых 100-долларовых банкнот. Заключенный — д-р Валентайн Грегори Бартен, нью-йоркский врач, разоблаченный как видный коммунист. Д-р Бартен принял свой приговор стоически, не сообщив ничего о начальниках в Москве, чьим верным орудием он был. Поэтому суд над ним в 1934 году, несмотря на самое тщательное следствие американской секретной службы, не привел к прояснению тайны фальшивых долларов.

В Берлине, за несколько лет до ареста д-ра Бартена, /160/ Советским правительством окольным путем была куплена частная банковская фирма «Сасс и Мартини», специально для операций обмена крупных партий фальшивых банкнот. Провал этого банка и бегство его учредителя обернулись международным скандалом, но полицейское расследование не смогло пойти дальше доказательства связей с преступным подпольем. Замешанный в этом деле наш агент, человек хорошо мне известный, осуществлял свое опасное предприятие исключительно в духе бескорыстного, беззаветного служения интересам Советского Союза. Хотя он и не был пойман полицией, вся его жизнь была этим делом окончательно погублена. Первую информацию о сталинской операции с подделкой денег я получил 23 января

1930 года, по пути из Вены в Рим. Выйдя на промежуточной станции купить газеты, я увидел сенсационный заголовок через всю полосу «Берлинер тагеблатт»: «Кто подделывает доллары?»

Газетная статья начиналась следующими словами: «Сообщение о распространении фальшивых банкнот составляло сегодня предмет толков в банкирских кругах и на фондовой бирже. Пока ни фальшивомонетчики, ни их оборудование не обнаружены. Но следствием установлено, что некто Франц Фишер, проживающий по адресу Нойе Винтерфельдштрассе, 3, пытался сбыть поддельные банкноты в Берлине. Он вернулся из России в марте 1929 года».

Имя Франца Фишера остановило мое внимание. «Черт возьми, — сказал я себе, — это должно быть наше дело». Продолжение газетных отчетов подтвердило мои худшие догадки. Сообщалось, что группа американских учредителей, специализирующаяся на канадских горнопромышленных акциях, приобрела осенью 1929 года в Берлине частную банковскую фирму «Сасс и Мартини», основанную в 1846 году. Учредители скоро вышли из дела и уступили его некоему Зиммонсу, а он, в свою очередь, продал его Паулю Роту, в прошлом коммунистическому члену муниципального совета Берлина. Рот был известен мне как негласный сотрудник советского посольства в Германии.

Франца Фишера газеты называли «крупным» вкладчиком этого банка. Фишера я знал с 1920 года, работал вместе с ним в 1923 году, помогая ему в организации военного отдела Германской компартии. Я знал, что он в течение многих лет состоял в советской военной разведке и подчинялся в работе Альфреду — одному из наших /161/

ведущих представителей за границей. Я знал также, что Альфред с 1927 года находился большую часть времени в Соединенных Штатах.

Был я вдобавок связан с Фишером лично, хорошо знал его мать и глубоко уважал ее как ветерана революции и видную деятельницу коммунистического движения в Германии (примеч. — не путать с Рут Фишер. Авт.). Именно в ее доме в дни мировой войны родился «Союз Спартака» во главе с Карлом Либкнехтом. Франц вырос в социальной атмосфере революционного воодушевления. Хотя я позднее и потерял с ним прямой контакт, я был уверен, что он оставался непреклонным идеалистом. Подделка денег из корыстных соображений была для него немыслима. Участие в авантюре банка «Сасс и Мартини» он был способен принять лишь по политическому приказу свыше. Короче говоря, я не сомневался, что, если замешан Фишер,

значит, замешана Москва.

Более того, я узнал по газетным сообщениям характерный советский способ действий. Приобретение старой банковской фирмы некоей сомнительной «канадско-американской» группой, которая затем тут же уступает кому-то, кто, оказывается, действует в интересах Пауля Рута, — все это служило своего рода прикрытием действий наших секретных служб. Старый берлинский банк был куплен с очевидной целью внушить доверие к партиям фальшивых денег, которые предполагалось сплавить.

В «Тагеблатт» сообщалось, что 10 декабря 1929 года Франц Фишер обменял в банке «Сасс и Мартини» 100-долларовые купюры на сумму 19 000, которая тут же была депонирована в «Дойче банк», а этот последний отправил часть ее в Нью-Йорк, в «Нэшнл Сити банк». Поскольку все банкноты были старого образца и большеформатного типа, более не выпускаемого в Америке, они привлекли к себе внимание, как только оказались в распоряжении нью-йоркского Федерального резервного банка. С помощью микроскопического исследования группе экспертов удалось установить, что вся партия банкнот была поддельной. 23 декабря Нью-Йорк известил об этом Берлин. При этом германские банки и власти были уведомлены о том, что подделка была наилучшего качества среди когда-либо обнаруженных.

Берлинская полиция под руководством комиссара фон Либерманна немедленно накрыла банк «Сасс и Мартини» и легко обнаружила его подставной характер, Все /162/ его операции с фальшивыми банкнотами вели к Францу Фишеру, но сам Фишер исчез.

О связях Фишера с Москвой было известно. Не составляло тайны от властей, что в 1925–1927 годах он служил в автомобильной секции советской торговой миссии в Берлине и некогда слыл любителем автогоночного спорта. Полиция пришла к выводу, что он играл в этой афере роль «укрывателя краденого». Ответственный германский чиновник заявлял:

«Банда, должно быть, располагает где-то крупной печатной мастерской с немалым штатом экспертов, иначе они не могли бы достичь такого совершенства в массовом выпуске. Они выпустили так много подделок, что у них должны быть связи с крупной бумажной фабрикой и ее подкупленными служащими. Доходы их, конечно, огромны».

Предположение берлинской полиции заключалось, судя по газетам, в том, что сеть фальшивомонетчиков действовала в Польше или на Балканах. Меня смущало, что власти так долго не обращали своих взоров на Москву. Я опасался серьезных последствий для всех нас, покупал всевозможные газеты и изучал

каждую заметку о подделке долларов. Больше всего меня занимала мысль, как обезопасить нашу сеть военной разведки. Не замешаны ли некоторые из наших агентов в этом грязном деле?

Помимо прочего, я беспокоился за Франца Фишера. Хотя его начальник Альфред числился шефом наших военно-разведывательных операций в Соединенных Штатах, я не питал никакого доверия к суждениям этого человека.

Чем больше я читал о полицейском налете на банк «Сасс и Мартини», тем яснее весь замысел аферы представлялся мне чистейшей глупостью. Правительство Соединенных Штатов, несомненно, думал я, сумеет проследить нити, ведущие к первоисточнику, а именно к Москве. Чем больше я размышлял, тем удивительнее казалось, что в современном мире международных обменов великое государство способно пойти на подобные действия. Я сознавал, что необходимо что-то сделать, что-то сказать, чтобы положить этой затее конец.

По счастью, в Риме я повстречал личного доверенного эмиссара Сталина, генерала Тер (Таирова), совершавшего в тот момент инспекционную поездку по нашим спецслужбам за рубежом. Уроженец Кавказа, как и Сталин, Таиров позднее стал советским посланником во /163/ Внешней Монголии, то есть сталинским вице-королем в этой стране (примеч. — по недавнему сообщению «Нью-Йорк таймс», его имя значилось среди арестованных. Авт.).

Таиров впервые возник на моем горизонте в 1928 году в Париже, где он подвизался в качестве представителя советской нефтяной компании. В действительности его миссия состояла в том, чтобы вникать в дело всецело и исключительно для Сталина. Из моей встречи с Таировым я впервые узнал о строго личном, совершенно персональном характере сталинского правления.

Как офицер военной разведки, я был приучен служить начальству, как член партии — повиноваться Центральному Комитету. Таиров подходил к делам по-иному. Он работал в отделе, далеком от моего, но заявлял в развязной манере, что может оказать мне любую помощь, какую я только пожелаю.

— Если вам требуется помощь, например, от посольства или от кого-либо другого, скажите мне, и я черкну словечко Хозяину.

Его разговор был пересыпан замечаниями вроде: «Я получил это от Сталина», «Сталин мне сказал».

Я склонен был считать его хвастуном и задал вопрос моему шефу — генералу Берзину, можно ли Таирову верить. Берзин прислал мне ответ, где давалось понять, что его утверждения о своей близости к Сталину — не измышления. Дело в том, что он входил в группу, работавшую под руководством Сталина во время

гражданской войны, а позднее, в 1932 году, был направлен Сталиным в военное ведомство с заданием вскрывать почту наркома обороны Ворошилова и других командиров.

На этот раз, встретив Таирова в Тиволи под Римом, я сразу заговорил о фальшивых долларах.

— Это грязное дело развернулось сейчас в Берлине, — сказал я. — Я обеспокоен тем, что оно превращается в международный скандал и повредит нашим разведывательным организациям и скомпрометирует наше правительство.

— Ничего! — ответил Таиров, пожав плечами и вложив в это непередаваемое русское слово все свое отношение к упомянутому делу: «Ах, какое это имеет значение!»

— Не удивляйтесь, если вы все поплатитесь за это головой, — ответил я. — Все это так не пройдет. Кто бы ни затеял эту историю, она увлечет в пропасть всех нас. /164/

— Не тревожьтесь на этот счет, — заверил Таиров. — Хозяин в этом деле с нами. Неужели вы думаете, что ребята из Четвертого управления пошли бы на это без прямого слова Сталина!

Я замялся на мгновение. Очевидно, что генерал Берзин не рискнул бы на такое предприятие без санкции Сталина. Все же я вернулся к этой теме.

— Помимо политических соображений, — продолжал я, — само предприятие в финансовом отношении абсурдно. Подумайте только: много ли фальшивых купюр можно обменять на мировых рынках? Во сколько обойдется печатное оборудование, как велики окажутся расходы на их обращение? Обмен в современном мире совершается преимущественно в формах банковского кредитования. Наличные деньги много сделать не смогут. Кто бы ни задумал такое дело — это, по моему мнению, варвар.

— Вот для этого мы и купили банк в Берлине, — заметил Таиров.

— И чего вы добились с его помощью? Вы заплатили за него живые деньги, а какие суммы сумел бы пустить этот банк в оборот, даже если бы смог продлить свое существование? Понимают ли ваши люди в Москве, в каком мире мы живем? Способны ли они оценить затраты и возможные доходы, взвесить наперед предстоящий риск? И что теперь им делать? Ведь мы построили с величайшим риском и дорогой ценой целую разведывательную сеть, а теперь ваша затея рискует ее погубить!

Таиров признался, что он не знает, что делать с последствиями авантюры банка «Сасс и Мартини», но все же попытался защитить план фабрикации долларов ссылками на острую нехватку валюты для нужд пятилетнего плана.

Я перечислил все трудности, которые мы, агенты секретной службы, испытываем по вине наших неумелых бюрократов-финансистов, когда нам приходится реализовать здесь наличные деньги, присылаемые из Москвы. Курьеры привозят то целые пачки 500-долларовых банкнот, другой раз поступают единые чеки на десятки тысяч долларов. Бывает, что на банкнотах проставлены штампы советского Государственного банка. Риск, связанный с обменом подобной наличности, сам по себе достаточно велик. А теперь Москва снабжает нас поддельными денежными знаками! Разве это не равнозначно смертному приговору нашему делу? Таиров был смущен моими аргументами и в чем-то начал соглашаться. /165/

— Возможно, вы и правы в том, что касается Европы, — уступил он. — Но необходимо понять, что это дело предпринято прежде всего для Китая. Через него мы сбываем миллионы таких долларов, и там они нам нужны.

Я замолчал, потому что ничего не знал об условиях операций в Китае, и мы оставили этот разговор до нашей следующей встречи в новом римском порту близ Рима — Остии. Там я, на этот раз с большим успехом, попытался убедить его, что на всем этом деле надо поставить точку, тем более что дело о «Сасс и Мартини» получало все более громкие отголоски во всех концах света.

Берлинская банковская ассоциация опубликовала предупреждение относительно фальшивых американских банковских билетов 100-долларового достоинства с овальным портретом Бенджамина Франклина. В сообщении указывалось на множество мелких расхождений между подлинными и поддельными билетами, что могло помочь быстрейшему определению последних.

Берлинская полиция объявила, что «эти (100-долларовые) купюры подделаны с таким умением, что иностранные банки не могут их обнаруживать» и в специальном радиосообщении предупреждала, что «миллионы таких фальшивых долларов находятся в обращении в Америке и Европе».

Выпущенный в Женеве бюллетень от 23 января сообщал: «Представители казначейства США предупреждают федеральный полицейский департамент в Берне, что в Швейцарии обращаются фальшивые 100-долларовые банкноты. Эти банкноты очень умело подделаны».

На следующий день пришло сообщение из Берлина: «До настоящего времени обнаружено поддельных 100-долларовых купюр на сумму около 40 тысяч. Полиция объявила награду за поимку Фишера».

Сообщение «Ассошиэйтед Пресс» из Гаваны от 26 января гласило: «Полиция раскрыла действующую здесь международную банду фальшивомонетчиков. Полагают, что ею запущено в обращение за последнюю неделю от 75 до 100 тысяч поддельных долларов в билетах федеральной резервной системы США 100-долларового достоинства. Проверка американских банков показала, что в каждом из них находятся банкноты такого рода. В гаванском отделении «Нэшнл Сити банк» их оказалось четырнадцать и отказано в приеме еще на сумму более 16 тысяч. Все банки привлекли специальных экспертов-контролеров для тщательного изучения купюр крупного /166/ достоинства. Дорогое игорное предприятие — казино «Националь» утверждает, что им получено немало фальшивых купюр».

29 января известный немецкий адвокат д-р Альфонс Зак (тот самый, что потом выступал защитником на знаменитом процессе о поджоге рейхстага) заявил в берлинском суде, что он готов доказать, что поддельные банкноты 100-долларового достоинства изготовлены в Москве в советских печатных предприятиях. Д-р Зак утверждал, по сообщению нью-йоркской «Таймс» от 30 января, что «в ходе недавних китайских беспорядков поддельные фунты и доллары из тех же источников на сумму 2 500 000 распространены в Китае советской агентурой».

6 февраля получено известие из Варшавы об аресте коммунистического лидера, располагавшего большой суммой американских денег. Десять дней спустя оттуда же сообщалось: большая сумма поддельных американских долларов найдена в одном из банков Львова (Лемберга), причем эти банкноты аналогичны тем, которые были ранее обнаружены в немецких банках.

Примерно в то же время берлинская полиция известила о раскрытии в Антверпене действующей там банды фальшивомонетчиков, наводнявшей Европу поддельными американскими банкнотами все того же 100-долларового достоинства, а также фальшивыми 500-долларовыми купюрами, и об аресте трех человек — румына, венгра и чеха.

22 февраля Федеральный резервный банк Нью-Йорка выпустил циркуляр, обращающий внимание клиентов на детальные отличия поддельных купюр, в том числе на то обстоятельство, что черный пробел между единицей и первым нулем в угловой цифре «100» на лицевой стороне несколько шире, чем на подлинном билете.

3 марта большое количество фальшивых купюр обнаружилось в Мехико-Сити. Здесь было также отмечено отличное качество подделки.

7 марта семь распространителей фальшивых денег были арестованы в Тешине на польско-чехословацкой границе.

Пока эти отзвуки прокатывались по миру, Таиров находился в общении с Москвой, и наконец ему был дан приказ поручить мне ликвидацию всего этого дела. Тем временем я вернулся в Вену, где встретил Александровского, шефа нашей военной разведки в Австрии, и нашел его в состоянии крайнего раздражения по поводу /167/ беспокоивших меня обстоятельств. Особенно он был взбешен действиями Альфреда, который притащил Фишера в Вену и теперь ждал, что Александровский раздобудет для беглеца укрытие и бумаги, нужные для тайного переезда из Австрии в Советский Союз. Циркуляры с фотографиями и описаниями примет Франца Фишера были к тому времени уже разосланы и выставлены для обозрения по европейским странам.

— Я сказал Таирову, когда он был здесь, что я не хочу иметь ничего общего с этим делом, — пожаловался мне с горечью Александровский. — За всю эту историю отвечает остолоп Альфред, пусть он ее и расхлебывает.

— А что сказал Таиров? — спросил я.

— Он ответил, что за этим делом стоит сам Хозяин. — Это означало: ему не оставалось ничего иного, как выполнять инструкции.

Как бы там ни было, Александровскому пришлось снабдить Фишера паспортами, позволявшими ему проехать через Румынию и Турцию в Одессу, а оттуда в Москву. Я увидел Фишера в Вене перед самым его отъездом. Шести футов росту, стройный, крепкого сложения, всегда прекрасно одетый, Фишер был раньше известен своей блестящей внешностью. Теперь он завел фальшивые усы, был одет небрежно. Более того, он преобразился, по существу, являя всем своим опустившимся видом истинно жалкую фигуру.

— Я конченый человек, — сказал он мне.

Он знал, что, если окажется в Советской России, уже никогда не сможет оттуда выехать. Он знал также, что Сталин никогда не позволит ему сохранить жизнь, если он останется за границей. Судьба его глубоко меня огорчала. По существу, он работал, не уклоняясь от своего долга, действуя по приказам Советского правительства.

Альфреда я встретил в марте в Вене, в кафе «Кюнстлер», и сразу начал разговор в далеко не лестных выражениях.

— Вы, башки деревянные! — выпалил я. — Вы живете годами в Штатах или в Европе и ровно ничему не научились!

Он попытался защищаться.

— Вы ничего не понимаете, — сказал он. — Это же настоящие

деньги. Они не имеют ничего общего с обычными поддельными дензнаками, они все равно что настоящие. Я достал ту самую бумагу, на которой печатают деньги в США. Вся разница в том, что работа выполнена /168/ на наших печатных станках, а не на станках в Вашингтоне.

Не раз в наших разговорах Альфред ссылался на некоего Ника, американца, видимо, латвийского происхождения, его главного помощника в распространении фальшивых долларов в Соединенных Штатах.

Он был в упоении от своих успехов, и мне пришлось потратить немало времени, чтобы заставить его осознать всю серьезность положения. Провал «Сасс и Мартини» внес осложнение в ход всего дела, объяснял я. Пункт за пунктом я разъяснял ему опасность положения, в которое он вовлек всех нас. Он сидел как человек, которому читают смертный приговор, и наконец взмолился:

— Что же я должен делать?

Я сказал, что ему следует добиться возврата максимального количества фальшивых купюр, агентам должно быть приказано вернуться, ему самому надлежало также отправиться в Москву. Я не был уверен, что Альфред подчинится моему приказу, и потому пригласил Таирова встретиться с нами обоими и подтвердить мои полномочия в этом деле.

От Альфреда я узнал кое-какие подробности истории с подделкой долларов. Она была осуществлена в Москве под прямым контролем Сталина, но Альфред утверждал, что сама идея принадлежала ему. Во всяком случае, его стараниями удалось добыть в США партию специальной бумаги, на которой там печатают деньги.

Фамилия Альфреда была Тильден. Он принадлежал к выходцам из Латвии в нашем управлении, во главе которого стоял генерал Ян Берзин. Это был рослый голубоглазый тип, худощавый, с резкими, но ординарными чертами лица. Я был знаком с ним и его женой Марией — стройной, статной женщиной, которая пользовалась репутацией «снайперши» и рассматривалась всеми знавшими ее в Москве как подлинная глава в своей семье.

Весной 1928 года Альфред явился из Парижа, чтобы заполучить себе одного из лучших наших агентов — Лидию Шталь и перевезти ее с собой в Америку. Я всячески старался воспрепятствовать ее отъезду. Это была умная, привлекательная женщина лет тридцати, в прошлом жена царского офицера, затем вступившая в брак с прибалтийским дворянином бароном Шталем. Лидия начала разведывательную службу во время своей

эмиграции в 1921 году, она была одной из лучших у нас. /169/

Альфред выиграл свое дело и увез Лидию в Америку, где она провела года три, но потом, когда в конце 1932 года в Париже возникло шпионское дело Гордона Свица, Лидия была там арестована, судима и приговорена к пятилетнему тюремному заключению. Мария, жена Альфреда, будучи в Финляндии в качестве советского военного разведчика, также была арестована и сейчас отбывает в финской тюрьме десятилетнее заключение как русская шпионка.

При всем своем неумении сам Альфред никогда не попадал в неприятные дела с полицией. И все же провал акции с выпуском фальшивых долларов неблагоприятно отразился на его карьере. То, что он замешал в дело известных коммунистов, как Франц Фишер или Пауль Рот, стало главным звеном в провале всей затеи, поскольку рисковало скомпрометировать компартии Запада.

У меня заняла несколько недель работа по ликвидации последствий выпуска фальшивых долларов, по отправке их назад в Москву. В мае 1930 года Альфред также вернулся домой, а Фишер тем временем благополучно добрался до Советской России. В середине июня казалось, что буря улеглась, хотя знаменитые 100-долларовые банкноты то и дело продолжали появляться на Балканах. Около 20 июня я прибыл в Москву для доклада генералу Берзину.

Таиров также был в Москве и присутствовал при нашей встрече. Генерал Берзин обнял меня, поблагодарив за то, что я бросился в прорыв, образовавшийся в результате провала аферы «Сасс и Мартини». По ходу беседы я высказал ряд откровенных критических замечаний по поводу всего предприятия.

— Подделка денег — не подходящее занятие для могучего государства, — сказал я. — Оно низводит нас до положения какой-нибудь подпольной преступной клики, не имеющей в своем распоряжении других ресурсов.

Берзин стал мне вновь объяснять, что весь план был разработан для Китая, где крупномасштабные операции такого рода возможны, но что он не подходил для Запада. Я заметил, что, по-моему, он смехотворен, где бы его ни применять.

— А разве Наполеон не печатал британские банкноты? — возразил Берзин, и я узнал в этих его словах голос самого Сталина.

— Сравнение не подходит, — сказал я. — Современные финансовые методы работы совершенно иные. Несколько /170/ миллионов долларов наличностью сегодня ничего сделать не могут, разве что уронить престиж страны, их напечатавшей.

Я ушел после беседы с ощущением, что с фальсификацией банкнот всерьез покончено и что оставшиеся в руках агентуры купюры будут уничтожены. Как показали последующие события в Нью-Йорке и Чикаго, я ошибался.

Альфред позднее был переведен в Минск, поблизости от польской границы. Там он был назначен начальником всех моторизованных сил Белорусского военного округа. Францу Фишеру, сразу по прибытии его в Советский Союз, было присвоено новое имя. Немецкий ветеран-коммунист, он все же не был принят в советскую компартию, что означало серьезную политическую неудачу. Некоторое время спустя его послали прорабом в строительную организацию ОГПУ на Колыме, в Северо-Восточной Сибири, где он оказался много ближе к Северному полюсу и Аляске, чем к ближайшей русской железнодорожной станции. Кое-кто из нас отправлял одно время Францу посылки с теплой одеждой, но он ни разу не откликнулся на наши записки.

Поздней осенью 1931 года генерал Берзин внезапно отправил меня в Вену, где мне пришлось познакомиться с оригинальной американской семейной парой, обосновавшейся в венском отеле «Регина». Общение с ней в течение многих часов светских бесед неожиданно вернуло меня в ближайшие месяцы на старую стезю — к разбирательству с нашими фальшивомонетчиками. Этой парой были Ник Доценберг с его привлекательной молодой женой — тот самый Ник, который работал с Альфредом в Соединенных Штатах. Уроженец Бостона, он считался одним из основателей американской компартии. Когда в США в 1927 году прибыл Альфред, Доценберг ушел в «подполье», то есть перестал работать открыто в рядах партии, а работал тайно как один из наших агентов.

Высокий, массивного сложения, большеголовый, Ник Доценберг выглядел типичным преуспевающим американским бизнесменом. Он работал на нас в Румынии, где возглавлял румыно-американскую экспортную кинокомпанию. В Вене же он пытался раздобыть средства на поездку в Америку для приобретения там дорогостоящего кинооборудования. Между тем положение с валютой в Москве стало еще более критическим, чем прежде. Валюты не хватало настолько, что даже ведущие сотрудники /171/ были связаны по рукам и ногам бюджетным дефицитом. Что же касается Доценберга, то он вдобавок давно привык к более высокому уровню жизни, чем мы, советские граждане.

К тому времени прошло уже два года после провала банка «Сасс и Мартини». Поддельные банкноты перестали появляться на

свет, пресса о них позабыла. Франц Фишер пребывал на арктическом побережье, и плакаты с его фотографиями на железнодорожных станциях разных стран покрывались пылью. Были основания считать, что полицейские службы Америки и Европы прекратили поиски источников подделанных нами долларов. Москва, как я думал, вышла в общем незапятнанной из своих безрассудных авантюр.

Ник Доценберг с женой уехал в начале 1932 года в Берлин, а оттуда в США. В первых числах апреля из Женевы во все европейские банки внезапно поступило предупреждение о новом появлении все тех же 100-долларовых фальшивых билетов. По сообщению берлинской «Бёрзенцайтунг» от 29 апреля, они обнаружились в Вене и Будапеште. Поначалу я не придал этому особого значения, думая, что у кого-то из прежних агентов Альфреда осталось некоторое число таких банкнот, и эти парни ждали минуты, когда их фальшивки смогут быть сбыты с рук, как они думали, без большого риска. Я не связал сразу возвращение Доценберга в США с новым появлением поддельных долларов. В действительности оказалось, что пребывание там этого человека в 1932 году открыло новую главу в печальной истории сталинских финансовых махинаций. Понял я это лишь тогда, когда в январе 1933 года газетные сообщения из Нью-йорка и Чикаго подняли громкий шум, отголоски которого докатились до Москвы, где я в тот момент находился, и даже вызвали некоторое смущение в Кремле.

В результате экспедиции Доценберга в США произошли следующие события.

Вечером во вторник 3 января 1933 года секретная полиция США арестовала в аэропорту Ньюарка некоего «графа фон Бюлова», как только он сошел с самолета, прибывшего из Монреаля. Расследованием была установлена его личность. Мнимого «графа» звали на самом деле Ганс Дехов, и за ним тянулись следы в досье чикагской полиции. Он подозревался в причастности к банде фальшивомонетчиков, действовавшей в Канаде и Мексике. /172/

На следующий день федеральная полиция Нью-Йорка произвела еще один арест. На этот раз задержанный — уже упомянутый нами д-р Валентайн Грегори Бартен, молодой врач, практиковавший, по сведениям «Нью-Йорк таймс», по адресу 133 Ист 58-й стрит. На него пало то же подозрение в касательстве к действиям банды фальсификаторов денег. Арестован он был через 24 часа после «графа» фон Бюлова на основании сведений чикагской полиции о том, что в одном не внушающем доверия банке этого города только что произведен обмен наличных на

сумму 25500 долларов. Упомянутый д-р Бартен, по данным полиции, вернулся накануне поездом из Монреаля. Сам он по специальности кардиолог, занятый в лечебной системе госпиталя Среднего города, в возрасте 34 лет, уроженец России. Все эти подробности сообщала «Нью-Йорк таймс».

Власти США столкнулись в результате двух арестов с одним из самых трудных, запутанных случаев подделки денег во всей истории этих преступлений. Дехов полностью признался федеральным агентам, и его дело было приостановлено в суде вследствие исчерпывающих показаний в пользу правительства. Он признал, что подвизался в военно-промышленном бизнесе, специальностью его было химическое оборудование; д-ра Бартена он встретил летом 1932 года в Нью-Йорке. Сам Дехов поддерживал связи с подпольным миром Чикаго. Однажды Бартен сказал Дехову, что получил от одного своего пациента сто тысяч долларов 100-долларовыми купюрами, но не хочет менять их в Нью-Йорке. Дехов взялся обменять их в Чикаго, отвез туда образец этих купюр и поручил дело нескольким чикагским молодцам. Чикагские рэкетиры, числом восемь человек, участвовавшие в этом предприятии, отдали фальшивые купюры на проверку местным банковским экспертам, которые объявили их подлинными. Здесь вновь на сцене появляется д-р Бартен и вырабатывает соглашение, по которому подпольная группа получает 30 процентов выручки от обмена. Для этого им передается общая сумма 100 тысяч долларов.

Дело было накануне Рождества 1932-го, и обменная операция пошла успешно. Ряд банков (Континентальный банк Иллинойса, Нозерн Траст Компани, Харрис Траст, сберегательные банки) отправили обмененные пачки купюр в Федеральный резервный банк Чикаго. Получение многих связок билетов старого образца возродило старые /173/ подозрения. К проверке банкнот был привлечен Томас Каллаган из спецслужбы США, он обнаружил, что билеты поддельные и во всем схожие с теми, что были перехвачены в Берлине в 1930 году, а в других местах — начиная с 1928 года. Всем чикагским банкам пошло предупреждение, и тут же некий тип был арестован при попытке обменять сто 100-долларовых билетов на десять 1000-долларовых в «Ферст Нэшнл Бэнк оф Чикаго». Его арест дал в руки полиции нить, ведущую к членам подпольного синдиката, негодовавшего на то, что в своем предприятии они оказались обманутыми. Они якобы были уверены, что банковские билеты неподдельные, выдали полиции 40 тысяч долларов, еще оставшихся у них на руках, согласились сотрудничать с федеральными властями и, по сообщениям газет, обещали расправиться с д-ром Бартеном.

Дехов со своей стороны пытался убедить уголовников, что сам он тоже был обманут нью-йоркским врачом, отправился в Нью-Йорк для выяснения отношений с ним, будучи уверен, что легко сможет оправдаться в глазах чикагского преступного мира. Однако он столкнулся с полной переменой позиции Бартена, как только тот узнал от Дехова о положении дел в Чикаго. Дехову он посоветовал немедленно уехать в Европу, но тому это не понравилось, он заявил, что чикагские уголовники требуют компенсации подлинными долларами за доставшиеся им фальшивые. После беседы с д-ром Бартеном к Дехову на углу 90-й улицы и Центрального парка приблизился богатырского роста незнакомец, который заявил без обиняков, чтобы Дехов убирался в Европу, если не хочет быть жестоко избитым. Под влиянием этой встречи Дехов предпочел проявить осторожность и согласился на свидание с Бартеном в Канаде.

Так 1 января Дехов оказался в Монреале и зарегистрировался в отеле «Маунт Ройал», где его встретил Бартен. Для Дехова это свидание было крайне неблагоприятным. Над ним нависали угрозы с трех сторон. Чикагские рэкетиры требовали компенсации за свои убытки. Федеральные агенты шли по следам всех причастных к этому делу. Вдобавок незнакомец, обратившейся к Дехову в Нью-Йорке, теперь появился в Монреале и напомнил, что ему пора отправляться в Европу. Дехов не знал, что таинственный незнакомец, подосланный д-ром Бартеном, был агентом советского ОГПУ. Но он понимал, что что-то готовится, и обещал, что возьмет билет на ближайший /174/ пароход, отплывающий в Европу. Вместо этого он решил положиться на милость федеральных властей и вылетел первым самолетом в Ньюарк, где и был арестован, после чего указал полиции дорогу в контору д-ра Бартена.

Следствию удалось установить, что этот доктор был видным деятелем компартии. 24 февраля 1933 года на страницах «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение под заголовком: «Поток поддельных денег просочился из России». В нем говорилось, что так заявляли федеральные власти после того, как поддельные банкноты 100-долла-рового достоинства были захвачены на днях в Чикаго. Эксперты казначейства сочли их самой совершенной подделкой, когда-либо обнаруженной в США, они были сфабрикованы лет шесть тому назад и проникли в Америку через далекий Китай. В газете факт раскрытия подделки связывался с арестом в январе врача Бартена, который якобы был главным американским звеном в международном заговоре фальсификаторов и при этом являлся или является до сих пор агентом Советского Союза.

С этого момента следствие как бы уперлось в глухую стену. И на следствии и на суде д-р Бартен строго хранил свои тайны. Он не выдал ни Ника Доценберга, ни его статуса в советской военной разведке, ни словом не признал своего участия в руководящей деятельности в американской' коммунистической партии. Правда, федеральным агентам удалось установить ряд имен, которыми пользовался д-р Бартен. Было выяснено, что в Мексике и в других местах он выступал в разное время как Бэрстин, Кун, Джордж Смит, Э. Байл, Франк Бриль и Эдвард Кин.

Вскоре после ареста Бартена Ник Доценберг вернулся из США в Россию: он появился в Москве в конце февраля 1933 года. В то же время Альфред, в свою очередь, неожиданно оказался в Москве и жаловался мне, что с большим трудом находит теперь пропитание для своего товарища по работе в США. Дело в том, что Ник Доценберг попал в такое положение, в каком оказался три года назад Франц Фишер. Вместо размещения в привилегированной гостинице и получения продовольственной карточки, обычно полагавшейся нашим зарубежным агентам, Ник вынужден был сам подыскивать себе жилье и стоять в очереди за продуктами.

Его задерживали в Москве в ожидании прибытия из США Валентина Маркина с докладом о возможных последствиях /175/ дела Бартена. Этот Маркин, занятый устройством собственной карьеры, воспользовался обстоятельствами, чтобы добиться своего назначения шефом всех советских секретных служб в США. Вооруженный полной информацией об историях, заваренных Доценбергом и Бартеном в момент, когда Советы ухаживали за Соединенными Штатами в расчете на их признание, Маркин вернулся домой готовый вести войну против генерала Берзина и его помощников в военной разведке. Через голову своих начальников он поставил вопрос прямо перед Молотовым как Председателем Совнаркома. В докладе о положении в США Маркин критиковал состояние дел в действовавших там службах Берзина. Это был неслыханный акт неподчинения молодого агента-коммуниста, и его обращение к Молотову вызвало немало толков в кругах внутренней службы нашего ведомства. Но Маркину его попытка удалась, он выиграл свое дело, сумел добиться передачи всей организации нашей военной разведки в США под власть шпионской машины ОГПУ, под управление Ягоды. Он заполучил для себя должность шефа всей советской секретной агентуры в США. Такое объединение было первым случаем в истории нашего ведомства.

4 мая 1934 года федеральное жюри в Чикаго вынесло приговор д-ру Бартену по обвинению во владении фальшивыми

банкнотами и их распространении. Главным свидетелем против него был Дехов. Никаких доказательств не было представлено в суде относительно связей Бартена с Москвой, никакого упоминания на суде не было о Нике Доценберге, в протоколах не сохранилось и никакого следа Альфреда Тильдена. Хотя со стороны обвинения было высказано мнение, что Бартен работал на Москву, доказательств этого представлено не было.

Сталин вышел в общем сухим из своих махинаций с подделкой долларов. Д-р Бартен проявил себя как твердый коммунист. Он умел молчать и был приговорен к 15 годам тюрьмы и 5 тысячам долларов штрафа. Свои тайны он хранит до сих пор.

От Альфреда я узнал, что Советское правительство выделило значительную сумму для защиты Бартена и других расходов, связанных с его делом. Что касается Ника Доценберга, то он вскоре исчез с моего горизонта, но позднее я слышал, что он был сметен великой чисткой.

С Францем Фишером я столкнулся случайно в Москве в 1935 году и едва смог его узнать. После четырехлетнего /176/ пребывания в отдаленных краях Сибири ему был разрешен краткий визит в столицу для совета с врачами, приобретения лекарств и других необходимых предметов. Он превратился в туземца полярных краев, женился на высланной туда женщине, которая родила ему ребенка. Весь его облик претерпел глубочайшее роковое превращение.

— Почему вы не искали меня? — спросил я его, пытаясь завязать нити наших прежних взаимоотношений. Он пробормотал что-то невнятное. Память ему, казалось, изменила, присущий ему прежде огонь погас. В его вялой, неопрятной фигуре невозможно было узнать полного жизненной силы бунтаря недавнего прошлого. Больше я его не встречал. Год спустя я узнал о смерти его престарелой матери — героической немецкой революционерки.

V. ОГПУ

Мое знакомство с ОГПУ состоялось в январе 1926 года, когда я оказался в роли «подозреваемого». Я занимал тогда пост начальника военной разведки в Западной Европе III отдела Разведуправления Красной Армии. III отдел собирает сведения, поступающие со всего мира, и составляет секретные доклады и специальные бюллетени для двадцати членов высшего руководства СССР.

В то утро меня вызвал к себе Никонов, возглавлявший III отдел, и сказал мне, чтобы я немедленно отправлялся в спецотдел московского областного ОГПУ.

— Вход через улицу Дзержинского, подъезд № 14,— сказал он. — Вот пропуск.

Он протянул мне кусочек зеленого картона, присланный из ОГПУ. На мой вопрос, зачем меня вызывают, он сказал:

— Честно говоря, не знаю. Но когда они вызывают, нужно идти немедленно.

Вскоре я стоял перед следователем ОГПУ. Он сухо предложил мне сесть, сел сам за свой стол и стал перебирать какие-то бумаги. Десять минут прошло в молчании, после чего он быстро взглянул на меня и спросил:

— Когда вы последний раз дежурили по Третьему отделу?

— Шесть дней назад, — ответил я.

— Тогда скажите, куда девалась печать Третьего отдела? — сказал он с напускным драматизмом. /177/

— Откуда мне знать? — ответил я. — Дежурный на выходе не подписал бы мне пропуск, если бы я не сдал ему ключи и печать.

Следователь вынужден был признать, что, судя по журналу дежурств, я сдал ключ вместе с другими атрибутами власти своему сменщику. Однако дело на этом не кончилось, и он стал мне задавать наводящие вопросы:

— Вы давно состоите в партии, товарищ Кривицкий?

— Вы не имеете права задавать мне подобные вопросы, — сказал я. — Вы знаете, какое положение я занимаю. Пока я не доложу своему начальнику товарищу Берзину, я не имею права подвергать себя дальнейшему допросу. С вашего позволения, я позвоню ему по телефону.

Я набрал номер своего начальника Берзина, объяснил ситуацию и спросил, должен ли я отвечать на вопросы общего характера.

— Ни слова, пока не получите моих указаний. Я позвоню вам через пятнадцать — двадцать минут.

Следователь нетерпеливо ждал, вышагивая по кабинету. Через двадцать минут раздался звонок от Берзина.

— Отвечайте на вопросы, только относящиеся к делу, — сказал он мне.

Я передал трубку следователю, и Берзин повторил свое указание.

— Ну ладно, — сказал следователь недовольным тоном. — Можете идти.

Я вернулся к себе. Менее чем через полчаса ко мне зашел интеллигентный молодой человек в очках, работавший в нашем дальневосточном отделе. Он не был членом партии и был взят в наш отдел только за знание персидского языка.

— Знаете что, Кривицкий, — сказал он мне с явным испугом. — Меня вызывают в ОГПУ.

— Зачем? — спросил я его. — Вы же не несете дежурств.

— Конечно нет, — ответил он. — Мне никогда бы не доверили. Я же не член партии.

Интеллигентный молодой человек отправился в ОГПУ да так и не вернулся обратно.

Через несколько дней пропавшая печать была «найдена». Я уверен, что ее выкрали сотрудники ОГПУ, чтобы состряпать дело вокруг нашего Разведуправления и убедить Политбюро в необходимости распространить на него свою власть. Разведуправление ревниво оберегало /178/ свою независимость и последним попало во власть секретной службы, но это случилось десятью годами позже.

Фабрикация таких дел была любимым занятием ОГПУ. Убедив вначале аппарат большевистской диктатуры, а затем и лично Сталина в том, что их власть держится исключительно на неусыпной бдительности ОГПУ, оно так расширило свое всевластие, что в конце концов превратилось в государство в государстве.

Начав «следствие» по делу, не имеющее ничего общего с раскрытием преступлений, оно вынуждено ради протокола найти жертву любой ценой, и в этом состоит основная жестокость этого учреждения. Этим же объясняется исчезновение нашего знатока персидского языка.

В стране, где первое лицо государства считает всякое проявление инакомыслия прямой угрозой своей власти, секретная полиция совершенно естественно берет власть над самим Хозяином.

История создания ОГПУ восходит к декабрю 1917 года, когда

месяц спустя после Октябрьской революции Ленин направил Дзержинскому проект декрета о создании органа для «борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем». Эта памятная записка ознаменовала собой рождение Чрезвычайной Комиссии, уполномоченной вести борьбу против врагов Советской власти. ЧК превратилась в инструмент террора и массовых репрессий, которые начались после покушения на жизнь Ленина летом 1918 года и убийства Урицкого.

Первый председатель ЧК Феликс Дзержинский был беспощадным борцом за дело революции с репутацией неподкупного революционера. Во время гражданской войны он посылал на смерть бессчетное число людей, будучи твердо уверен, что другого пути защитить Советскую власть от «классовых врагов» нет. О каких бы ужасах, связанных с именем ЧК в первые годы Октябрьской власти, ни говорилось, ни Дзержинским, ни его ближайшими сотрудниками не руководили какие-либо иные мотивы, кроме фанатического рвения быть карающим мечом Революции.

Люди, лояльно настроенные по отношению к Советской власти, не испытывали тогда еще страха перед ЧК.

По мере того как Советская власть становилась все более тоталитарной, большевистская партия все очевиднее становилась жертвой того, что она создала в 1917 году, а советская тайная полиция все больше прибирала все вокруг к рукам, террор превращался в самоцель, и /179/ бесстрашных революционеров сменяли матерые, распущенные и аморальные палачи.

В 1923 году ЧК стала называться ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление). Перемена названия была вызвана желанием избавиться от неприятных ассоциаций. Однако новое название скоро стало внушать куда больший страх.

ОГПУ осталось в том же здании, которое занимала ЧК, на Лубянке, где до революции располагалось страховое общество. Первоначально это здание, выходящее на Лубянскую площадь, было пятиэтажным, но начиная с 1930 года оно стало расширяться, были добавлены еще три этажа из желтого кирпича и пристроено роскошное 11-этажное здание с цоколем из черного мрамора.

Главный вход в ОГПУ все еще осуществляется через старое здание, над дверями которого укреплен барельеф с изображением Карла Маркса. Есть еще и другие входы с прилегающих переулков, так что практически все здания одного квартала принадлежат ОГПУ.

Обычные граждане получают пропуска для входа в здание ОГПУ в Бюро пропусков, находящемся на улице Кузнецкий мост

напротив Наркомата по иностранным делам. В Бюро пропусков всегда толпятся родственники, жены и друзья заключенных в надежде получить разрешение на свидание или передачу. Одного взгляда на эти очереди достаточно, чтобы составить себе впечатление о том, какую политику вела Советская власть в тот или иной период. В первые годы Советской власти в этих очередях стояли жены офицеров или купцов. Затем в них стали преобладать родные арестованных инженеров, профессоров. В 1937 году я видел, как в длинных очередях стоят родные и близкие моих друзей, товарищей и коллег.

В длинных, мрачных коридорах Лубянки — охрана через каждые двадцать шагов. Пропуска проверяются по крайней мере трижды, пока посетитель получит доступ в один из кабинетов ОГПУ.

На том месте, где в старом здании был когда-то внутренний двор, выстроена специальная тюрьма для опасных политических преступников. Многие из них содержатся в одиночных камерах, а сама тюрьма носит название «Изолятор». На окнах камеры установлены не только железные решетки, но и железные жалюзи так, что в нее может проникнуть только тонкий луч света. Узнику камеры не видно ни двора, ни неба. /180/

Когда следователь ОГПУ захочет провести допрос заключенного в своем кабинете, он звонит начальнику тюрьмы, и его ведут в главное здание под стражей через двор, вверх по узкой полутемной лестнице. Есть здесь и лифт, поднимающий заключенных на верхние этажи.

Осенью 1935 года я увидел на Лубянке одного из самых знаменитых ее узников, ближайшего соратника Ленина, первого председателя Коминтерна, который стоял одно время во главе Ленинградского комитета партии и Совета. Когда-то это был дородный мужчина. Теперь по коридору шаркающей походкой, в пижаме шел изможденный человек с потухшим взглядом. Так последний раз я видел человека, бывшего когда-то Григорием Зиновьевым. Его вели на допрос. Несколько месяцев спустя он был расстрелян.

В кабинете каждого следователя самый важный предмет мебели — это диван, поскольку он вынужден порой вести допросы с перерывами круглые сутки. Сам следователь, по сути, такой же узник, как и его подследственный. Ему даны неограниченные права, начиная от пыток и кончая расстрелом на месте. Это одна из особенностей советского судебного процесса: несмотря на многочисленные казни, штатных палачей не существует. Иногда в камеры Лубянки для исполнения смертного приговора, вынесенного коллегией ОГПУ, спускаются сотрудники

и охрана. Иногда это делают сами следователи. Представьте себе для аналогии, как окружной судья Нью-Йорка, получив санкцию на исполнение высшей меры наказания, со всех ног несется в Синг-Синг, чтобы включить рубильник электрического стула.

Самое большое число казней на Лубянке пришлось на 1937 и 1938 годы, когда великая чистка захлестнула всю страну. Еще раньше, в 1934 году, Сталин натравливал ОГПУ на рядовых большевиков. Периодические «очищения» рядов партии, являющиеся функцией Комитета партийного контроля, были переданы в руки тайной полиции. Тогда-то впервые все члены большевистской партии стали объектами индивидуальной полицейской слежки. В марте 1937 года, однако, Сталин решил, что все эти очищения и чистки недостаточны. В 1933–1936 годах он сохранил за собой власть в значительной степени благодаря Ягоде и его секретным сотрудникам, чья беззаветная преданность помогла ему уничтожить старые руководящие кадры большевистской партии и Красной /181/ Армии. Но так как сталинские методы чистки были Ягоде слишком известны, а сам он стал слишком близок к рычагам власти, то Сталин решил сменить палачей, не меняя своей политики. Тот, на кого пал жребий стать преемником Ягоды, был Николай Ежов, которого Сталин за несколько лет до этого «подсадил» в ЦК партии в качестве его секретаря и главы отдела кадров, от которого зависело очень многое. На своем посту Ежов, по сути, занимался деятельностью, параллельной ОГПУ, подчиняясь непосредственно Сталину. Когда он занял кресло Ягоды, он взял с собой сотни две своих надежных «ребят» из числа личного сталинского ОГПУ. В 1937 году лозунгом Сталина было: «Усилить чистку!»

Ежов претворил этот лозунг в кровавую действительность. Первым делом он обвинил сотрудников ОГПУ в недостаточной требовательности по вине разложившегося руководства и сообщил им, что ОГПУ должно усилить чистку, начиная с себя.

18 марта 1937 года Ежов сделал доклад на собрании руководящих работников в клубе ОГПУ. Все заместители Ягоды и все начальники отделов ОГПУ, за исключением одного, уже находились под арестом. Удар теперь должен опуститься на головы высшего начальства. Просторное помещение клуба было до отказа заполнено ветеранами ЧК, из которых многие прослужили в органах почти двадцать лет. Ежов делал доклад в своем новом качестве народного комиссара внутренних дел. Смена названия была новой попыткой избавиться от назойливых ассоциаций. Новоиспеченный комиссар серьезно взялся за дело. Это был его звездный час. Он должен был доказать, что незаменим для Сталина. Ежов решил разоблачить деятельность

Ягоды перед его оставшимися в живых сотрудниками.

Ежов начал с того, что в его задачу не входит доказывать ошибки Ягоды. Если бы Ягода был твердым и честным большевиком, он не потерял бы доверия Сталина. Ошибки Ягоды имеют глубокие корни. Докладчик сделал паузу, и все присутствующие затаили дыхание, чувствуя, что наступает решительный момент. Тут Ежов сделал эффектное признание, что с 1907 года Ягода находился на службе царской охранки. Присутствующие проглотили это сообщение не сморгнув глазом. А ведь в 1907 году Ягоде было десять лет от роду! Но это не все, перешел на крик Ежов. Немцы сразу пронюхали об истинном характере деятельности Ягоды и подсунули его /182/ Дзержинскому для работы в ЧК в первые же дни после революции.

— На протяжении всей жизни Советского государства, — кричал Ежов, — Ягода работал на германскую разведку!

Ежов поведал своим объятым ужасом слушателям, что шпионы Ягоды проникли всюду, заняв все ключевые посты. Да! Даже руководители отделов ОГПУ Молчанов, Горб, Гай, Паукер, Волович — все шпионы!

— Ежов может доказать, — кричал он, — что Ягода и его ставленники — не что иное, как воры, и в этом нет ни малейших сомнений.

— Разве не Ягода назначил Лурье начальником строительного управления ОГПУ? А кто, как не Лурье, был связующим звеном между Ягодой и иностранной разведслужбой? — Это и было его главным доказательством.

— Многие годы, — заявил Ежов, — эти два преступника, Ягода и Лурье, обманывали партию и свою страну. Они строили каналы, прокладывали дороги и возводили здания, стоящие огромных средств, но в отчетах указывали, что затраты на них обходились крайне дешево.

— Но как, спрашиваю я вас, товарищи, как этим мерзавцам удавалось это? Как, спрашивается?

Ежов пристально вглядывался в глаза окаменевших слушателей.

— Очень просто. Бюджет НКВД не контролируется никем. Из этого бюджета, бюджета собственного учреждения, Ягода черпал суммы, нужные ему для сооружения дорогостоящих зданий по крайне «дешевой» цене.

— Зачем Ягоде и Лурье нужно было это строительство? Зачем им нужно было строить дороги? Это они делали в погоне за популярностью, чтобы завоевать себе известность, заработать себе награды! Но может ли предатель быть удовлетворен всем этим?

Почему Ягода так стремился завоевать популярность? Она ему была нужна потому, что на самом деле он преследовал политику Фуше.

Длинная очередь противоречивых обвинений, пущенная Ежовым в публику, ошарашила присутствующих. Ягода служил в охранке десять лет. Потом оказывается, что этот обыкновенный шпион, провокатор и вор захотел еще и соревноваться с пресловутым наполеоновским министром полиции. /183/

— Это очень серьезный вопрос, товарищи, — продолжал Ежов. — Партия была вынуждена все эти годы противостоять росту фашизма среди нас. Это было нелегко. Да, товарищи, я вам должен сказать, и вы крепко это запомните, что даже Феликс Эдмундович Дзержинский ослабил здесь оборону революции.

Ежов перешел к резюме, которое сводилось к следующему: нам нужна чистка, чистка и еще раз чистка. У меня, Ежова, нет сомнений, нет колебаний, нет и слабостей. Если можно было бы задать вопрос покойному Феликсу Дзержинскому, почему мы должны считаться с репутацией даже старейших и наиболее закаленных чекистов?

Старейшие сотрудники органов ОГПУ, ветераны Октябрьской революции, чувствуя, что наступает их очередь пасть жертвой, были бледны и безучастны. Они аплодировали Ежову, как будто все это их не касалось. Они аплодировали, чтобы продемонстрировать свою преданность. Кто знает? Своевременное признание своей вины, возможно, еще спасет их от пули в затылок. Возможно, они еще раз смогут заработать себе право на жизнь предательством своих друзей.

Пока собрание продолжалось, на трибуну взошел Артузов, тот самый обрусевший швейцарец, о котором я говорил ранее, большевик с 1914 года. Артузов знал, что поставлено на карту. Старый чекист заговорил с актерским пылом:

— Товарищи, в труднейшие дни для революции Ленин поставил Феликса Эдмундовича Дзержинского во главе ЧК. В еще более сложное время Сталин поставил своего лучшего ученика Николая Ивановича Ежова во главе НКВД. Товарищи! Мы, большевики, научились быть безжалостными не только к врагам, но и к самим себе. Да, Ягода действительно хотел играть роль Фуше. Он действительно хотел противопоставить ОГПУ нашей партии. Из-за нашей слепоты мы невольно участвовали в этом заговоре.

Голос Артузова креп, становился более уверенным:

— В 1930 году, товарищи, когда партия впервые почувствовала эту тенденцию и, желая положить ей конец, назначила в ОГПУ старого большевика Акулова, что сделали мы,

чтобы помочь Акулову? Мы встретили его в штыки! Ягода всячески старался помешать его работе. А мы, товарищи, не только поддерживали саботаж Ягоды, но пошли еще дальше. Я должен честно признаться, /184/ вся партийная организация ОГПУ была занята саботажем Акулова.

Артузов беспокойно искал взглядом хотя бы малейшего намека на одобрение на скуластом личике Ежова. Он чувствовал: наступил нужный момент для решающего удара, чтобы отвести подозрение от себя.

— Спрашивается, кто был в это время руководителем партийной организации ОГПУ? — Он набрал воздух в легкие и выдохнул: — Слуцкий!

Бросив своего товарища на растерзание, Артузов с триумфом сошел с трибуны.

Слуцкий, бывший в то время начальником Иностранного отдела ОГПУ, встал, чтобы защитить себя от обвинений. Это был тоже старый, опытный большевик. Он тоже знал, что поставлено на карту. Свою речь Слуцкий начал неуверенно, чувствуя, что обстоятельства складываются не в его пользу.

— Артузов попытался представить меня как ближайшего сотрудника Ягоды. Отвечу, товарищи: конечно, я был секретарем партийной организации ОГПУ. Но кто же был членом коллегии ОГПУ — Артузов или я? Спрашивается, можно ли тогда было быть членом коллегии, этого высшего органа ОГПУ, не имея полного доверия Ягоды? Артузов уверяет, что своей «верной службой» Ягоде на посту секретаря парторганизации я заработал себе заграничную командировку, что это я получил в награду за саботаж Акулова. Я использовал эту командировку, как уверяет Артузов, в целях установления контакта между шпионской организацией Ягоды и его хозяевами за рубежом. Но я утверждаю, что моя командировка состоялась по настоянию самого Артузова. В течение многих лет Артузов находился в дружеских отношениях с Ягодой.

А затем Слуцкий нанес свой главный удар:

— Скажите, Артузов, где вы живете? Кто жил напротив вас? Буланов? А разве не он был одним из первых арестованных? А кто жил этажом выше, Артузов? Островский. Он тоже арестован. А под вами кто жил, Артузов? Ягода! А теперь я спрашиваю вас, товарищи, можно ли было в известных обстоятельствах жить в одном доме с Ягодой и не пользоваться его полнейшим доверием?

Сталин и Ежов подумали и решили поверить как Слуцкому, так и Артузову, и в свое время уничтожили обоих. /185/

Таков был характер усиленной, или великой, чистки, которая

началась в марте 1937 года. Аппарат Советской власти стал похож на сумасшедший дом. Дискуссии, подобно описанной выше, проходили в каждом подразделении ОГПУ, в каждой ячейке большевистской партии, на каждом заводе, в войсковой части, в колхозе. Каждый становился предателем, если он не смог обвинить в предательстве кого-то другого. Люди осторожные пытались уйти в тень, стать рядовыми служащими, избежать соприкосновения с властями, сделать так, чтобы их забыли.

Долгие годы преданности партии не значили ничего. Не помогали даже заклинания в верности Сталину. Сам Сталин выдвинул лозунг: «Все поколение должно быть принесено в жертву».

Нас приучили к мысли о том, что старое должно уйти. Но теперь чистка принялась за новое. Той весной мы как-то разговорились со Слуцким о масштабах арестов, проведенных с марта того же года, — их было 35 тысяч, а возможно, и 400 тысяч. Слуцкий говорил с горечью: — Знаешь, мы и вправду старые. Придут за мной, придут за тобой, придут за другими. Мы принадлежим к поколению, которому суждено погибнуть. Сталин ведь сказал, что все дореволюционное и военное поколение должно быть уничтожено как камень, висящий на шее революции. Но сейчас они расстреливают молодых — семнадцати- и восемнадцатилетних ребят и девчат, родившихся при Советской власти, которые не знали ничего другого… И многие из них идут на смерть с криками: «Да здравствует Троцкий!»

Можно было привести массу примеров в доказательство. Лучшим примером этому служит дело самого Ягоды. Среди многих дичайших обвинений, выдвинутых шефу ОГПУ на его процессе в марте 1938 года, самым бессмысленным по своей сути было обвинение в заговоре с целью отравления Сталина, Ежова и членов Политбюро. Многие годы Ягода отвечал за питание кремлевских руководителей, в том числе Сталина и других высокопоставленных лиц правительства. Специальный отдел ОГПУ в непосредственном ведении Ягоды контролировал шаг за шагом снабжение Кремля продуктами питания, начиная со специальных подмосковных хозяйств, где продукция выращивается под неусыпным наблюдением сотрудников Ягоды, и кончая столами кремлевских вождей, которых обслуживают агенты ОГПУ. /186/

Все сельскохозяйственные работы вплоть до сбора урожая, перевозки, изготовления и подачи блюд осуществлялись специальными сотрудниками ОГПУ в непосредственном подчинении у Ягоды. Каждый из сотрудников его специальной секции отвечал перед Ягодой своей головой, а сам Ягода в

течение многих лет нес на своих плечах тяжкий груз этой ответственности. Сталин, не раз обязанный спасением своей жизни его неусыпной бдительности, не ел никакой другой пищи, кроме той, которую подавали ему сотрудники Ягоды.

На процессе было «доказано», что Ягода возглавлял гигантский отравительский заговор, в который он втянул даже старых кремлевских врачей. Но это было еще не все. Было «доказано», что Ягода, так сказать шеф-повар Кремля, не удовлетворенный методами отравления, задумал медленное убийство Ежова, опрыскивая его кабинет ядовитыми веществами. Все эти вопиющие «факты» стали достоянием открытого процесса, и в справедливости многих из них «признался» сам Ягода. Они были опубликованы в прессе. Но на протяжении всего процесса никто в России не осмеливался напомнить о том, что Ягода был хозяином кремлевской кухни.

Разумеется, ему были предъявлены и другие обвинения. Оказывается, вдобавок к незаконному присвоению денег, отпущенных ОГПУ на строительство, он вырывал хлеб изо рта кремлевских вождей, продавая кремлевскую провизию на сторону и присваивая вырученные деньги. Эти деньги он тратил, по данным суда, на устройство оргий.

Как и другие подобные «факты», раскрытые на московских показательных процессах, эта история кражи Ягодой хлеба и мяса со сталинского стола имеет в своем основании крохотную долю правды. В период острой нехватки продуктов Ягода действительно завел практику заказывать несколько больше продуктов, чем это требовалось для Кремля. Излишки распределялись им среди голодавших сотрудников ОГПУ. Несколько лет подряд высшие чиновники ОГПУ неофициально получали продуктовые свертки сверх полагавшейся им нормы. Сотрудники военной разведки недовольно ворчали по этому поводу, и некоторое время милости Ягоды распространялись и на нас, так что и я приобщался к этим крохам с кремлевского стола. Когда были проверены счета, выяснилось, что за Молотовым, например, числилось в десять раз больше сахара, чем он мог при всем желании потребить. /187/

Кроме обвинения в тщательно продуманном заговоре с целью отравления людей, которых он мог бы и без того отправить на тот свет одним мановением руки, а также в продаже кремлевских продуктов, сталинский трибунал учел и тот факт, что эти украденные продукты частично раздавались им якобы в целях завоевания популярности по примеру Фуше.

Я пересказываю эти фантастические, или, вернее, кошмарные, факты не для того, чтобы развлечь читателя. Я подкрепляю

фактами мое утверждение о том, что в ОГПУ в ходе чисток было утрачено само понятие вины. Причины ареста человека не имели ничего общего с предъявленным ему обвинением. Никто не искал их. Никто не спрашивал о них. В правде перестали нуждаться. Когда я говорю, что советский аппарат власти превратился в сумасшедший дом, я вкладываю в это буквальный смысл. Американцы смеются, когда я рассказываю им об этих диких случаях, — и я их понимаю, — но для нас это не повод для смеха. Нет ничего смешного в том, что ваши лучшие друзья и товарищи исчезают в ночи и гибнут. Не забывайте, что и я когда-то жил в этом сумасшедшем доме.

Цена «признаний», добываемых ОГПУ, может быть хорошо проиллюстрирована делом одного австрийского социалиста, поставленного вне закона в своей стране властями Дольфуса (примеч. — Э. Дольфус — федеральный канцлер Австрии. Прим. сост.) и нашедшего убежище в Стране Советов. Его арестовали в Ленинграде в 1935 году. Начальник ленинградского ОГПУ Заковский якобы получил от него признание в том, что он служил в венской полиции. На этом основании он сидел в тюрьме как австрийский шпион. Каким-то образом заключенный сумел послать письмо Калинину, который числился Президентом Советского Союза. Дело передали Слуцкому. Однажды он позвонил мне по этому поводу.

— Вальтер, здесь какое-то шуцбундовское дело, я ничего в нем не понимаю. Помогите мне. Это по вашей части, — сказал он.

— Пришлите мне досье, я постараюсь разобраться.

Бумаги мне вскоре принес посланец Слуцкого. Вначале шел доклад Заковского его московскому начальству. Он сообщал, что от заключенного получено признание. Дело самое обычное. При даче показаний подследственный /188/ не сопротивлялся, но меня одолевали сомнения. Перелистывая бумаги, я натолкнулся на анкету того типа, какую заполняет каждый иностранец, въезжающий в Советский Союз. Там была подробно изложена биография арестованного. Сообщалось, что он вступил в Австрийскую соцпартию накануне мировой войны, служил на фронте, а после войны по указанию своей партии, располагавшей большинством в Вене, поступил на службу в муниципальную полицию. На 90 процентов она состояла из социалистов и входила в Амстердамский Интернационал. Все это значилось в анкете. В ней сообщалось также, что, когда социалисты потеряли власть в Вене, он одновременно с другими офицерами-социалистами был уволен из полиции, а затем командовал батальоном «шуцбунда» — социалистических оборонных отрядов — во время февральских боев 1934 года против фашистского

«хаймвера». Я позвонил Слуцкому и объяснил все это.

— Этот австрийский социалист служил в полиции по указанию своей партии точно так же, как вы поступаете у нас. Я пошлю вам об этом докладную.

Слуцкий поспешил ответить:

— Нет, нет, никаких докладных. Зайдите ко мне в кабинет.

Придя к нему, я объяснил еще раз, что социалист не может считаться шпионом нынешней Австрии, если он был полицейским при власти социалистов.

Слуцкий был согласен.

— Я понял, Заковский заставил его признаться, что он работал полицейским при социалистах! Вот это признание! Но не вздумайте писать докладные! В наши дни никто их не пишет.

Несмотря на шутливый тон своих реплик, Слуцкий ходатайствовал перед Калининым в защиту австрийца.

Заковский действовал в полном соответствии с задачами ОГПУ. «Признания», подобные тем, что он якобы получил, были хлебом насущным, которым жило ОГПУ. Мой австрийский социалист был виноват не более других сотен тысяч людей, которых постигла злая судьба.

Показателен разговор, который был у меня в то время с Кедровым, одним из самых опытных следователей ОГПУ. Я встретил его в нашей столовой, и мы разговорились о генерале Примакове, делом которого он занимался. В 1934 году этот генерал, член высшего командования армии, был арестован и отдан в руки Кедрову. /189/ Последний приступил к обработке своей жертвы с помощью всех тех методов, какие тогда были в ходу. Сам он говорил о них с признаками смущения.

— Но знаете, что случилось, — неожиданно заявил он. — Только он начал раскалываться, и мы знали, что пройдет немного дней или недель — и мы получим его полное признание, как он был вдруг освобожден по требованию Ворошилова!

Из этого эпизода ясно видно, что обвинения против арестованного — даже готового «признаваться во всем» — не имеют никакого отношения к причинам, по которым он содержится в заключении. За рубежами Советского Союза люди спорят о том, верны или не верны обвинения, предъявляемые органами ОГПУ. В этом учреждении вопрос об этом даже не возникает, следствие им нисколько не интересуется.

Генерал Примаков, вырванный из лап ОГПУ накануне «полного признания», служил еще три года своей стране, но 12 июня 1937 года был расстрелян вместе с маршалом Тухачевским и семью другими видными военачальниками по новым, совершенно иным обвинениям.

Только один раз в жизни, в августе 1935 года, мне пришлось допрашивать политического заключенного. Это был Владимир Дедушок, осужденный в 1932 году к десятилетнему сроку заключения в Соловецких лагерях. Арестован он был по скандальному делу нашего главного военного разведчика в Вене, якобы связанного с германской военной разведкой. Дедушок, которого я знал лично, был ни в чем не виноват, но местный наш шеф был в тот момент слишком важной персоной, чтобы его засадить немедленно. Дедушок стал просто козлом отпущения. Это был украинец, пришедший к большевикам в годы гражданской войны. Прослужил он в военной разведке более десяти лет. За время моей работы в этом учреждении я не раз сталкивался с последствиями упомянутого венского дела, отнюдь не ясного. Решив, что Дедушок, быть может, поможет мне прояснить его, я спросил Слуцкого, нельзя ли допросить этого осужденного. Оказалось, что дело это в руках отдела ОГПУ, возглавляет который Михаил Горб. Я связался с ним.

— Вам повезло, — сказал Горб, — этот Дедушок сейчас на пути из Соловков. Его везут в Москву для допросов в связи с заговором командиров кремлевского гарнизона. /190/

Через несколько дней Горб сообщил, что Дедушок — на Лубянке, следователь его Кедров.

Я сговорился с Кедровым о вызове к нему заключенного к 11 часам того же вечера. По моему положению я не имел права допрашивать арестованных. Это было функцией ОГПУ, но в исключительных случаях допускалось свидание с подследственным в присутствии представителя НКВД. Я заранее пришел в кабинет к Кедрову, в комнату № 994 на Лубянке, и объяснил то, что связано с моим делом. Мне нужно было узнать подробнее обстоятельства следствия и вынесения приговора Дедушку.

— Прочтите это, и вы все узнаете, — сказал Кедров, указав на толстое досье.

В нем было несколько сотен страниц — протоколов допросов, письменных показаний, рекомендательных писем, полученных в свое время Дедушком, и т. д. Наконец я добрался до его перекрестного допроса, вел который не Кедров. После ряда вопросов и ответов более или менее формального свойства протокол прерывался и следовало пространное изложение, собственноручно написанное подследственным. Следователь ОГПУ или спешил, или устал, как это часто бывало, и поручил Дедушку самому написать все, что он знает, в присутствии часового. Прочитав его повествование, я понял, что он совершенно невиновен, хотя и подписал свое формальное

признание.

Кедрову я сказал:

— Что за странное дело вся эта писанина. 600 страниц текста, из которых ничего не следует, а в конце: Дедушок признает свою вину, и следователь предлагает коллегии ОГПУ отправить его на Соловки на десять лет. Коллегия, за подписью Агранова, соглашается.

— Я тоже это пробежал, — сказал Кедров, — но не разобрался, в чем дело.

Была уже полночь, когда Кедров позвонил коменданту изолятора и попросил привести Дедушка. Через десять минут он был здесь в сопровождении часового. Высокий, с резкими чертами, прилично одетый, в белой рубашке и чисто выбритый, он показался мне совсем не изменившимся. Только за те три года, что я его не видел, волосы у него совершенно побелели. Он смотрел в упор на Кедрова, потом заметил меня, сидящего на диване.

— Что вы хотите от меня? Зачем привезли из Соловков? — спросил он. /191/

Кедров молчал, Дедушок обратился ко мне:

— Меня затребовал Четвертый отдел?

— Нет, не Четвертый отдел, — ответил Кедров. — Мы привезли вас сюда по другим причинам. У Кривицкого к вам есть вопросы.

Атмосфера стала напряженной. Дедушок переводил взгляд с Кедрова на меня. Он замер, собираясь давать отпор нам обоим. Оба мы затянули паузу. Наконец я нарушил молчание:

— Дедушок, я не знаю вашего дела и не имею полномочий касаться его. Но я занимаюсь делом «Х» — помните, из нашей разведывательной службы. Думаю, что вы могли бы прояснить мне ряд моментов. Если вы вспомните некоторые детали этого дела, вы сможете быть мне полезным. Если нет, я попытаюсь выяснить их другим путем.

— Да, этого дела я не забыл. Попытаюсь ответить на ваши вопросы.

Но я задал ему другой вопрос:

— Как идут ваши дела вообще? Он ответил в стоическом духе:

— Поначалу было очень плохо. Сейчас лучше. Я заведую теперь мукомольней в нашем островном лагере. Регулярно получаю «Правду», иногда книги. Вот так и живу.

Теперь была его очередь поинтересоваться, как идут мои дела.

— Неплохо, — ответил я. — Работаем вовсю, жизнь идет по-

советски.

Так больше часа ушло на беседу о том, о сем. Когда же я заговорил о том, что было поводом для этой встречи, Кедров перебил:

— Знаете, я чертовски устал. Вижу, у вас здесь надолго. Устроим так, чтобы я мог поспать!

Строгие правила требуют, чтобы Кедров присутствовал в продолжение всей беседы. Он один имеет право вызвать заключенного и отправить его назад в камеру. Кедров посоветовал позвонить Горбу и условиться с ним.

Горб не был формалистом.

— Ладно, — согласился он, — сделаем исключение. Я скажу начальнику тюрьмы, что вы подпишете ордер на возвращение заключенного в камеру.

Когда Кедров ушел, Дедушок несколько расслабился. Указывая на свое дело, он спросил безличным тоном, как если бы бумаги касались не его: /192/

— Читали ли вы эту писанину? Я ответил, что читал.

— Ну и что вы об этом думаете? Я мог дать только один ответ:

— Вы же признались, не так ли?

— Да, я признался.

Дедушок попросил достать ему чаю и бутерброд, и я тотчас распорядился. Скоро мы забыли, беседуя, о цели его вызова. Он сказал, что ждал в лагере свидания с женой — награду за его хорошее поведение, но теперь, после вызова в Москву, он вряд ли ее увидит. Он не задержался на этой теме, но обратился с интересом к шкафам, где стояли книги на русском и иностранных языках, взял в руки несколько томов и жадно их разглядывал. Я обещал попросить Кедрова дать ему кое-что почитать. В четыре часа утра мы еще не дошли до цели нашей встречи. Дедушок хорошо понимал и свое и мое положение. Он догадывался, что я могу легко оказаться в его положении, и не захотел представлять себя мучеником. Несколько часов с человеком из внешнего мира — слишком благоприятный случай, чтобы тратить их на жалобы на судьбу.

Я ему обещал, что заявлю властям ОГПУ о том, что мы должны еще раз встретиться через сутки, поскольку допрос не закончен. На рассвете я позвонил начальнику тюрьмы, попросив часового для сопровождения заключенного в камеру. Как водится, начались недоразумения, дежурный комендант сменился. Поднялся шум, и пришлось будить Горба.

На следующий вечер я явился вновь, и Кедров опять оставил нас вдвоем. Я вооружил Дедушка пером и бумагой и попросил

написать обо всем, что ему известно по занимающему меня вопросу. Он справился с этой задачей минут за 20. Мы вновь раздобыли чай с бутербродом и проговорили опять до утра.

— Почему же вы признались? — задал я ему как бы мимоходом, с наигранным равнодушием вопрос под конец беседы, перелистывая какую-то книгу. Дедушок сразу ничего не ответил, меряя комнату шагами, как бы занятый другими мыслями. Потом заговорил отрывочными фразами, которые мало что говорили постороннему, но были понятны всякому, кто проводит всю жизнь в советском аппарате. Дедушок не мог говорить открыто на эту тему, как не мог говорить и я. Тот факт, что я задал свой вопрос, уже ставил меня в рискованное положение, которое /193/ он легко бы мог использовать против меня. При всей осторожности, с какой он высказывался, я смог понять, что с ним произошло. Его не подвергали пытке третьей степени. Ему лишь раз заявил его следователь, что он сможет отделаться десятилетним сроком, если признается в своей вине. Зная хорошо обычаи ОГПУ, он предпочел согласиться на это предложение. Он не был, конечно, замешан в заговоре, в связи с которым его привезли в Москву.

Но он уже не вернулся на свою мукомольню. Он был расстрелян…

Одним из достижений, которым особенно хвасталось ОГ'ПУ, было «перевоспитание» крестьян, инженеров, учителей, рабочих, не питавших энтузиазма к советским порядкам, которых тысячами и миллионами хватали по всей стране и отправляли в трудовые лагеря, где приобщали к благодати коллективизма. Эти противники диктатуры Сталина, крестьяне, привязанные к своим полям, профессора, жадно впитывавшие немарксистские научные концепции, инженеры, несогласные с установками пятилетнего плана, рабочие, сетовавшие на низкую зарплату, — все эти отчаявшиеся люди миллионами переселялись по чужой воле в специально устроенный для них новый, коллективистский мир, где трудились принудительно под надзором ОГПУ и выходили оттуда покорными советскими гражданами.

Совет Труда и Обороны постановил 18 апреля 1931 года, что за 20 месяцев будет построен канал между Белым и Балтийским морями протяженностью 140 миль. Вся ответственность за строительство была возложена на ОГПУ.

Заставив пятьсот тысяч заключенных валить леса, взрывать скалы, перекрывать водные потоки, ОГПУ проложило великий водный путь точно по установленному расписанию. С палубы парохода «Анохин» сам Сталин в сопровождении Ягоды наблюдал за торжественной церемонией открытия.

Когда канал был построен, 12 484 «преступника» из полумиллиона работавших получили амнистию, у 59 526 человек были сокращены сроки наказания. Но ОГПУ вскоре пришло к выводу, что большинство «освобожденных», как и другие строители, настолько полюбили коллективный труд на канале, что их отправили на строительство другого великого проекта — канала Волга — Москва. /194/

В апреле 1937 года я любовался на Красной площади выставленной там огромной фотографией главного строителя каналов в системе ОГПУ Фирина. Хорошо, подумал я про себя, что хотя бы один из больших людей не арестован! Через два дня мне встретился коллега, только что отозванный из-за границы. Первое, что он мне сказал, едва придя в себя от удивления, что я на свободе:

— А вы знаете, Фирину конец.

Я ответил, что это невозможно, ведь его фотография выставлена на главной площади Москвы.

— Говорю вам, что с Фириным покончено. Я был сегодня на работах канала Волга — Москва, но никакого Фирина там не было! — проговорил он.

А вечером мне позвонил друг, работающий в «Известиях». Его редакции было предписано изъять все фотографии и упоминания Фирина — великого каналостроителя ОГПУ…

ОГПУ не ограничивало свои операции только Советской Россией. Вопреки всем усилиям ловких пропагандистов, внешний мир скептически относился к «признаниям» старых большевиков на московских процессах. Сталин и ОГПУ хотели доказать, что качество московских спектаклей было на самом высоком уровне, и старались устроить подобные же постановки в Испании, Чехословакии, Соединенных Штатах.

В октябре 1938 года ОГПУ подготовило суд над лидерами испанской марксистской партии ПОУМ в Барселоне по обвинению в измене, шпионаже и попытках убийства деятелей законного правительства. Москва собиралась доказать процессом над ПОУМ, что радикалы в Испании, враждебные сталинизму, — не кто иные, как «троцкисты» и «фашистские заговорщики». Но Барселона — не Москва. ОГПУ старалось как могло, но, вопреки давлению, подсудимые отказались признать, будто бы они шпионы на службе у Франко.

Впервые до меня сведения о замыслах такого рода процессов за рубежом дошли в мае 1937 года. Дело было в кабинете Слуцкого. У него закончился телефонный разговор с неизвестным мне лицом, и Слуцкий, положив трубку, заметил:

— Сталин и Ежов думают, что я могу производить аресты в

Праге, как в Москве.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Требуется суд над троцкистскими шпионами в Европе. /195/

Это имело бы огромный эффект, если бы удалось его устроить. Пражская полиция должна арестовать Грилевича. Вообще говоря, они готовы сотрудничать, но с чехами нельзя обходиться попросту, как мы обходимся со своими. Здесь, в Москве, достаточно открыть пошире ворота Лубянки и гнать туда столько, сколько надо. Но в Праге остались еще легионеры, которые сражались с нами в 1918-м, и они саботируют наши действия.

Антон Грилевич, в прошлом немецкий коммунистический лидер, член прусского ландтага, позднее перешел к троцкистам и бежал в Чехословакию после прихода Гитлера к власти. Его арест в Праге, которого Слуцкий ожидал, произошел сразу вслед за расстрелом командиров Красной Армии 12 июня 1937 года. Из других источников я узнал о дальнейшем развитии замысла, родившегося в Москве.

В день его ареста чешская полиция предъявила Грилевичу чемодан, оставленный им у его друзей несколько месяцев назад и который он, по его словам, не открывал с октября 1936 года. В чемодане были брошюры, листовки, деловая корреспонденция и другие безобидные материалы, никак не подходившие под категорию предметов, хранение которых вело к нарушению законов Чехословакии, тем более не свидетельствовало о военном шпионаже. Полицейский никаких обвинений такого рода и не предъявлял. Но вечером явился другой полицейский сыщик и завел с Грилевичем разговор о московских процессах, намекая таким образом на то, что составляло предмет его забот. И тут же предъявил Грилевичу три фальшивых паспорта, негативный снимок немецкого военного плана оккупации Судетской области с датой 17 февраля 1937 года и рукописную инструкцию по использованию невидимых чернил. Эти улики, как сыщик пытался уверить Грилевича, были найдены в его чемодане. По настоянию Грилевича была приглашена регулярная полиция, в присутствии которой он засвидетельствовал, что из вещей действительно находилось в чемодане, а что было подброшено. Тем не менее в ту же ночь он был посажен.

Переведенный вскоре в другую тюрьму, он стал предметом внимания авторитетных представителей следственной власти. Они намекнули, что люди из московского ОГПУ интересуются им и располагают «надежными друзьями» в чешской полиции.

В конце концов Грилевича освободили в ноябре, после /196/

того как он пункт за пунктом сумел отвергнуть все обвинения и доказать, что улики, которые пытались использовать против него, были явно подметными. Таким образом, ОГПУ провалилось со своей попыткой доказать, что троцкисты в Чехословакии работали на Гитлера, против правительства в Праге. Если бы эта попытка удалась, она немало помогла бы убедить Запад в том, что и в московских процессах улики чего-то стоили.

У ОГПУ существовал даже план проведения «троцкистско-фашистского» процесса в Нью-Йорке. Но до тех пор пока полная история исчезновения Джульетты Стюарт Пойнтц и подробности дела Робинсона-Рубенса не будут раскрыты до конца, трудно судить, насколько далеко зашла подготовка такого процесса.

Во всяком случае, наверняка установлено, что в конце мая — начале июня 1937 года, как раз во время дела Грилевича в Праге, Джульетта Стюарт Пойнтц, в прошлом видный лидер американской компартии, покинула свой номер в Клубе женской ассоциации по адресу 353 Уэст 57-я улица в Нью-Йорке. Ее гардероб, книги и другие вещи были найдены в том состоянии, которое указывало, что она намеревалась вернуться к себе в тот же день. Но с этого момента о ней ничего больше не удалось узнать. Она исчезла.

Дональд Робинсон, он же Рубенс, был арестован в Москве 2 декабря 1937 года. Его жена, американская гражданка, была арестована вскоре после этого якобы за въезд в Россию по фальшивому паспорту. Робинсон был в течение многих лет офицером советской военной разведки, работал в Соединенных Штатах и в других странах, но также пропал без вести с момента ареста. Его жена вскоре была освобождена из советской тюрьмы и в письме, посланном дочери в США, прозрачно намекала на то, что никогда больше не увидит своего мужа живым. Г-же Рубенс, хотя и американской гражданке, так никогда и не было разрешено выехать из Советского Союза.

Самое ясное свидетельство о серьезной работе Москвы по подготовке шпионского процесса над врагами Сталина в США я почерпнул как-то из замечания Слуцкого, брошенного в беседе со мной через несколько дней после его упоминания о Грилевиче. Разговор зашел о моем прежнем сослуживце по Третьему отделу Валентине Маркине, ставшем потом шефом агентуры ОГПУ в США. (В 1934 году жене Маркина в Москве сообщили, что он /197/ убит гангстерами в ночном клубе Нью-Йорка.) В мае 1937 года Слуцкий, обращаясь ко мне, заметил:

— А вы знаете, оказывается, что ваш друг Валентин Маркин, убитый три года назад в Америке, был троцкистом и начинил троцкистами всю службу ОГПУ в США.

В нашем кругу такого рода замечания никогда не рассматривались, как простая сплетня. Тем более не мог просто сплетничать начальник Иностранного отдела ОГПУ. В свете его же намеков по поводу подготовки Москвой новых процессов замечание о «троцкистах» в американской службе ОГПУ, очевидно, означало, что что-то готовилось именно в США. Слово «троцкисты» употреблялось советскими должностными лицами для обозначения любых оппонентов Сталина, без различия.

Нельзя упускать из виду, что шпионаж в США вели, между прочим, и реальные агенты из числа американцев. Наряду с военным шпионажем они составляли списки антисталинистов, особенно среди радикалов и бывших коммунистов. Поэтому можно считать, что главные элементы для организации показательных процессов типа московских были, в сущности, налицо. Москва, очевидно, полагала, что ей удастся замешать в дело, наряду с настоящими американскими агентами, ни в чем не повинных антисталинистов, поставленных так или иначе в компрометирующую их позицию.

Несмотря на имевшиеся предпосылки, разработанный ОГПУ план представить американских радикалов — противников Сталина как агентуру гитлеровского гестапо потерпел полный провал. Ничего не удалось реализовать ни в США, ни в Советском Союзе, несмотря на весьма вероятное похищение г-жи Пойнтц и таинственный арест Робинсона-Рубенса.

Безуспешной оказалась и попытка ОГПУ связать обоих большевистских лидеров — Рыкова и Бухарина — с русской меньшевистской эмиграцией в Париже. Именно с этой целью ОГПУ похитило в Испании Марка Рейна, сына эмигрировавшего меньшевика Рафаила Абрамовича. Рейн, увезенный из России ребенком, вырос в Берлине и Париже. В отличие от своего отца он симпатизировал коммунизму и Советскому Союзу и отправился в Испанию бороться в рядах сторонников законного правительства за объединение социалистов и коммунистов. Когда Москва узнала, что сын Абрамовича находится на территории, которую она считала своей, было решено, /198/ что его можно использовать в показательном процессе, который доказал бы сговор Бухарина и Рыкова с эмигрантами — врагами советского строя. 9 апреля 1937 года ОГПУ похитило Марка Рейна из отеля «Континенталь» в Барселоне, и больше его никто никогда не видел. Его отец прибыл немедленно в Испанию, где в течение месяца безуспешно искал следы сына. Никто из сторонников законного правительства не смог ему ничем помочь. Но что бы агенты ОГПУ ни сделали с Рейном, им не удалось добиться от него «свидетельств» о каких-либо связях его отца с оппонентами

Сталина в России.

Это была уже вторая неудача ОГПУ с Абрамовичем. Во время одного из ранних показательных процессов 1931 года утверждалось, будто Абрамович тайно ездил в Россию для участия в заговоре с целью свержения Советского правительства. Как только об этом было объявлено, за рубежом появились неопровержимые свидетельства того, что в тот самый момент, когда Абрамович должен был якобы находиться в России, он в действительности участвовал в конгрессе Социалистического интернационала в Амстердаме как один из его главных ораторов. Чтобы окончательно разоблачить ложь, европейская печать даже публиковала фотографии Абрамовича в компании многих известных социалистических и лейбористских лидеров — участников Амстердамского конгресса.

Накануне этой позорной развязки дела с Абрамовичем я беседовал с одним из помощников начальника ОГПУ. В 1931 году мы еще говорили друг с другом открыто и называли вещи своими именами.

— Что за нелепицу вы творите, сбивая с толку самих себя? — спросил я. — Кто поверит, что Абрамович был в Москве?

— Я знаю это не хуже вас, — ответил он. — Но что нам делать? Правительство хочет процесса, значит, мы должны приготовить для него материал.

В самый разгар великой чистки, когда Сталин терроризировал всю Россию, он произнес речь об узах любви, связывающих большевиков с русским народом. Он узнал где-то о греческом мифе об Антее и привел его в доказательство: непобедимость Антея — в его связи с почвой, с народными массами. В том же заключается, по словам Сталина, непобедимость большевистского руководства.

Но сталинская связь с массами держалась на существовании /199/ армии шпионов и осведомителей ОГПУ, специализированных на арестах рядовых граждан за случайные замечания против советского строя. Этот тип полицейского правления был скопирован со всей точностью в нацистской Германии. Разница в том, что к 1937 году Сталин перестал доверять даже своей армии шпионов. Он завел организацию шпионов для шпионажа за шпионами. Он никому не верил и заявлял, что сам станет своим собственным чекистом. Питая подозрения по поводу одного служащего при своей резиденции, он стал следить за ним и пришел к выводу, что этот служащий связан с сетью заговорщиков среди кремлевской охраны, замышлявших убить не только его, но и всех членов Политбюро. Один видный работник ОГПУ, рассказывая мне об этом, не

находил слов, чтобы выразить, какой катастрофой для его ведомства стало неведение об этом заговоре. Тогда и родился афоризм, согласно которому «лучший чекист — это сам Сталин».

Сей никому не ведомый заговор стал предлогом для очередной волны арестов как в Кремле, так и по всей стране. Среди этих волн самые страшные были подняты стараниями Ежова. Ни один палач в истории не сделал столько для своего господина, сколько сделал для Сталина Ежов. Список ежовских жертв включает почти всех из 80 членов советского Военного совета, созданного в 1934 году, большинство членов сталинского Центрального Комитета и его Контрольной комиссии, большинство членов ЦИК, Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Обороны, лидеров Коммунистического Интернационала, всех начальников и заместителей начальников ОГПУ, массы послов и высших дипломатов, руководителей всех союзных и автономных республик Советского Союза, 35 000 человек из офицерского корпуса, почти весь состав редакций «Правды» и «Известий», множество писателей, артистов, музыкантов, режиссеров, большинство руководителей комсомола — цвет поколения, от которого ожидали максимальной лояльности к Сталину.

Результат совершенного Ежовым за тридцать шесть месяцев, в течение которых он возглавлял ОГПУ, был настолько ужасен, что ему пришлось заплатить за содеянное жизнью. Ужасы репрессий достигли такой степени, что Сталину, чтобы спасти самого себя, пришлось казнить своего палача. При всем своем раболепстве и своей преданности Ежов заплатил ту цену, которую обречены платить все в сталинской России, кто поднимается /200/ на вершину власти. 8 декабря 1938 года в кратком коммюнике сообщалось, что Ежов освобожден от поста комиссара внутренних дел и заменен Лаврентием Берия, закавказским соплеменником Сталина. По обыкновению сообщалось, что Ежов якобы стал теперь комиссаром по делам речного флота, но фактически он исчез бесследно и навсегда.

Из всех чисток, предпринятых Сталиным, самой страшной, такой, которая никогда не исчезнет из памяти людей, даже если можно будет забыть все остальные, была чистка детского поколения страны. В начале 1935 года ОГПУ представило Политбюро доклад о преступности среди малолетних. Расстрелы, высылки и голод 1932–1933 годов породили новые массы беспризорных, бездомных сирот, бродящих по городам и селам. ОГПУ заинтересовалось этой трагедией подростков и в своем докладе Сталину обрисовало отчаянное положение этой части населения. Среди подростков расцветала преступность,

распространялись болезни, сексуальные извращения. Особенно шокировали Сталина приводимые в докладе подробности о том, что тысячи подростков, ища спасения от физической гибели, втягивались в сферу влияния религиозных сект. Сталин решил действовать. Как ни странно, ОГПУ до сих пор ставило себе в заслугу заботу о социальной помощи детям и даже сумело «перевоспитать» какую-то весьма малую часть из миллионов беспризорных, наполнявших страну после Октябрьской революции и гражданской войны. Но перед лицом новой волны беспризорных Сталин решил проводить иной курс.

В 1935 году, 8 апреля, в «Известиях» был помещен декрет Советского государства за подписью президента Калинина и премьера Молотова, озаглавленный «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Этим декретом на детей, достигших двенадцатилетнего возраста, в качестве меры наказания за преступления от мелкого воровства до измены распространялась смертная казнь. Вооружившись этим страшным законом, ОГПУ начало устраивать облавы на сотни тысяч подростков и заключать их в концентрационные лагеря и трудовые колонии, а нередко присуждать к расстрелу.

Как раз в то время, когда совершались эти ужасы, Сталин вышел из своей полумонастырской изоляции и стал позировать перед камерами в образе покровителя Детей. Мы впервые увидели его в окружении детей на их /201/ игровых площадках, сопровождающим двенадцатилетнюю девочку на трибуну парада на Красной площади, повязывающим ее шарфик на шею Ворошилову… Подобный камуфляж намеренно применялся в те страшные месяцы, когда ОГПУ истребляло жизни двенадцати-, тринадцати-, четырнадцатилетних детей, официально обвиняемых как «шпионы, предатели, троцкисты, фашисты, агенты Гитлера». Но до февраля 1939 года мир не имел никакого понятия об этой самой бесчеловечной из всех чисток. Как всегда бывает, вдруг наступило время, когда потребовалось найти козлов отпущения за совершенные преступления. Они были найдены в лице третьестепенных чиновников ОГПУ, чья вина состояла в том, что они выполняли полученные приказы. В жертву были отданы местный следователь ОГПУ и несколько его подручных в Ленинск-Кузнецке на Урале. Из показаний, данных в зале судебного заседания этого уральского города, мир узнал, что 10-летние мальчики были доведены пытками до признаний в «контрреволюционных, фашистских и террористских действиях», в которых их обвиняли. Стало известно, что 160 школьников были забиты в камеры вместе с уголовниками, спали там на полу и в течение восьми месяцев подвергались непрерывным ночным

перекрестным допросам. Палачи детей получили по приговорам суда сроки наказания от пяти до десяти лет. Но декрет от 8 апреля 1935 года никогда не был отменен, и число его жертв, подвергнутых пыткам и смертным казням, начиная с 1935 года никогда не будет и не может быть установлено.

Все, что стало известно из данных, открыто признанных самим Советским правительством, сводится к тому, что в городе Ленинск-Кузнецке, этой мелкой точке на карте Союза Советских Социалистических Республик, 160 школьников были обречены ОГПУ на средневековые пытки. А тем временем в газетах распространялись фотографии улыбающегося Сталина в роли любящего покровителя и друга советских детей.

VI. Почему они признавались

Ленин, основатель Советского государства, предупреждал своих последователей против вынесения смертного приговора членам правящей партии большевиков. Он ссылался на печальный пример Французской революции, которая пожрала своих детей. На протяжении 15 лет Советская /202/ власть не нарушала этого ленинского завета. Все большевистские еретики подлежали исключению из партии, тюремному заключению, ссылке, увольнению с работы или лишению средств существования. Однако неписаный закон запрещал вынесение смертного приговора членам партии за политические проступки.

В 1932 году на специальном заседании Политбюро Сталин высказался за вынесение смертного приговора для членов партии большевиков. Заседание было созвано для рассмотрения дела новой оппозиционной группы, сформированной вожаками московской партийной организации, группы Рютина (примеч. — весной 1932 года старые члены партии М.Н. Рютин, В.Н. Каюров, М.С. Иванов и П.А. Галкин создали группу «Союз марксистов-ленинцев», которая выступала против режима личной власти Сталина в партии и государстве. *Прим. сост.*).

К этому времени последствия сталинского рывка к коллективизации в деревне стали приобретать характер национальной катастрофы. Голод охватил наиболее производительные районы страны. Начались восстания крестьян.

Вспыхивало недовольство в армии. Страна была накануне экономической катастрофы. Сталинский партийный аппарат дал трещину. Все чаще поднимали голову и голоса новые большевистские оппозиционные группы, как отражение этого недовольства. Они ратовали за изменение политики и руководства в Кремле.

Группа Рютина попала в руки ОГПУ, и осведомленные круги Москвы были полны слухами об этом деле. Секретарь партийной ячейки Управления военной разведки, в котором я работал, попросил меня присутствовать на секретном заседании, на котором наш шеф, генерал Берзин, должен был делать сообщение по делу Рютина. Секретарь проинформировал меня, что не все члены ячейки приглашены на это заседание, так как дело было сугубо секретным.

Берзин зачитал нам отрывки из тайной программы Рютина, в которой Сталин был назван «величайшим провокатором, разрушителем партии», «могильщиком революции и России». Группа Рютина начала борьбу за свержение Сталина с поста главы партии и правительства.

Это был тот случай, когда Сталин предпринял попытку отказаться от ленинской политики запрещения вынесения смертных приговоров партийцам. Сталин хотел быстро разделаться с Рютиным. Членом Политбюро, нашедшим в себе достаточно мужества не согласиться со /203/ Сталиным в этом решающем вопросе, был не кто иной, как Сергей Киров, секретарь Ленинградской парторганизации, который, как глава бывшей столицы, занимал видное положение. Кирова поддерживали Бухарин и другие, еще пользовавшиеся влиянием. На этот раз Сталин уступил Рютину и его соратникам была сохранена жизнь (примеч. — М.Н. Рютин был расстрелян позднее, в январе 1937 г. *Прим. сост.*).

В течение последующих четырех лет Сталину удавалось удерживать власть. Однако на протяжении этих лет в стране росли недовольство и возмущение. Сбитые с толку и озлобленные кампанией «сплошной коллективизации», крестьяне оказывали сопротивление отрядам ОГПУ с оружием в руках. В этой борьбе были опустошены целые области. Миллионы крестьян выселены со своих мест. Сотни тысяч привлечены к принудительным работам. Шум партийной пропаганды заглушали выстрелы сражающихся групп. Обнищание и голод масс были настолько велики, что их недовольство политикой Сталина дошло до рядовых членов партии. К концу 1933 года Сталин добился проведения чистки партии. В течение двух последующих лет приблизительно миллион большевиков-оппозиционеров был

выброшен из рядов партии. Но это не решило проблемы, так как эти оппозиционеры все же сохраняли большинство и пользовались симпатией масс населения. Им были необходимы лидеры, люди, за которыми были традиция и программа и которые были способны свергнуть Сталина. Такие лидеры могли быть только в среде старой Гвардии большевиков — соратников Ленина, которых Сталин годами истреблял, вынуждал каяться и «признавать свои ошибки» и называть его «непререкаемым лидером». Несмотря на эти покаяния, которые стали столь частыми, что в них перестали верить, вопреки своему желанию, эти старые большевики невольно поддерживали эту новую оппозицию внутри партии, если они фактически и не руководили ею. Положение стало критическим, одних покаяний стало уже недостаточно, Сталин сознавал, что надо искать другие средства. Он должен найти способ не только подорвать авторитет старой гвардии, но и остановить активную жизнь видных членов этой грозной оппозиции.

Как нельзя более кстати оказалась кровавая чистка Гитлера — в ночь на 30 июня 1934 года. На Сталина произвело /204/ большое впечатление то, как Гитлер расправился со своей оппозицией. Он скрупулезно изучал каждое секретное донесение от наших агентов в Германии, связанное с событиями той ночи.

1 декабря 1934 года в Ленинграде при странных обстоятельствах был убит Сергей Киров. В тот же день Сталин обнародовал чрезвычайный указ, внесший изменение в уголовное законодательство. По всем делам, связанным с политическими убийствами, в течение 10 дней военный трибунал должен вынести приговор без защиты и оглашения, исполнение которого следовало немедленно. Указ лишал Председателя Верховного Совета права помилования.

Смерть Кирова, человека, который стоял на пути введения Сталиным смертной казни для членов партии большевиков, теперь открывала путь для грядущей великой чистки. Убийство Кирова стало поворотным пунктом в карьере Сталина и открыло эпоху публичных и тайных процессов над старой гвардией большевиков — эпоху «признаний». Вряд ли в истории какой-либо страны мира найдется пример, когда убийство одного из высших должностных лиц могло привести к такой резне, которая последовала за смертью Кирова.

Тайна, связанная с этим убийством, берет свое начало в октябре 1934 года, когда Леонид Николаев был арестован в Ленинграде охраной Кирова. У арестованного в портфеле был обнаружен дневник и револьвер. Когда Николаев предстал перед заместителем начальника ленинградского ОГПУ Запорожцем, его

освободили. Это необычное происшествие и последовавшее за ним решение побудили Запорожца специально выехать в Москву для доклада Ягоде, возглавлявшему в то время ОГПУ.

1 декабря тот же Николаев выстрелил в Кирова и убил его. В ту же ночь Сталин сам выехал в Ленинград, чтобы принять личное участие в расследовании. Он допросил Николаева и нескольких его товарищей, комсомольцев. Ничего подобного в истории Советского Союза еще не было.

Из Москвы в Ленинград отбыл для проведения расследования начальник ОГПУ Ягода. Сталин, находясь в Ленинграде, держал его на расстоянии. Эта ночь ознаменовала начало открытого разрыва Сталина с Ягодой. Сталин всячески препятствовал тому, чтобы Ягода вел допрос Николаева и его товарищей.

В период пребывания Сталина в Ленинграде Ягода /205/ попал в аварию. Это произошло во время его поездки в автомобиле на одну из окраин Москвы, где он должен был провести допрос нескольких подозреваемых по делу Кирова. Его машину сбил грузовик. Начальник ОГПУ едва спасся от гибели. В кругах ОГПУ в Москве было тогда много разговоров об этом «несчастном случае».

Уже в самом начале расследования выяснилось, что Николаев мог совершить преступление лишь при прямом содействии начальства ленинградского ОГПУ, однако никакого серьезного следствия проведено не было.

В январе 1935 года 12 высших сотрудников ленинградского ОГПУ, включая его начальника Медведя, были арестованы и приговорены к заключению сроком от 2 до 10 лет. Медведь был приговорен к трем годам. Немногим более двух лет спустя я встретил Медведя в Москве, он был на свободе. И он, и его заместитель Запорожец были освобождены Сталиным досрочно.

На последнем из знаменитых «процессов над предателями», инсценированном в марте 1938 года, на котором Ягода фигурировал как один из главных «исповедников», впервые было упомянуто дело о первом аресте Николаева и его непонятном освобождении. Однако прокурор Вышинский прерывал Ягоду каждый раз, когда тот пытался вдаваться в эту тему. «Было совсем не так!» — восклицал Ягода несколько раз, когда Вышинский принимался зачитывать выдержки из его признания.

О роли Сталина в расследовании не было упомянуто ни единым словом. Осталось невыясненным, почему Сталина не удивило странное поведение Медведя и Запорожца, освободивших Николаева после того как он был схвачен, имея при себе револьвер и политический дневник, о чем Сталин должен был быть осведомлен.

Дневник Николаева играл важную роль в деле Кирова. На него неоднократно ссылались в советской прессе, после того как Николаев и 16 его товарищей, все члены комсомола, были казнены. На него ссылались и по разным другим поводам. Однако ни слова из него никогда не было опубликовано. В осведомленных кругах ОГПУ дело Кирова было окутано мрачной тайной. Даже мои близкие друзья на Лубянке избегали этой темы. Однажды я напрямик поставил вопрос перед Слуцким, начальником Иностранного отдела ОГПУ. Я спросил его, были ли, по его мнению, причастны к убийству Кирова руководители ОГПУ Ленинграда. /206/

Он ответил:

— Это дело, как вы понимаете, настолько неясное, что вообще лучше в него не вникать. Держитесь от него подальше.

Дело Кирова было таким же решающим для Сталина, как поджог рейхстага для Гитлера. Попытаться решить загадку «Кто убил Кирова?» труднее, чем ответить на вопрос «Кто поджег рейхстаг?». Кроме Сталина, в живых осталось не более трех-четырех человек, которые могли бы решить загадку убийства Кирова. Один из них — Ежов, который был только что смещен со своего последнего поста и, несомненно, поплатился за свою осведомленность. В конце концов Сталин, возможно, останется единственным из тех, кому были известны все факты по делу Кирова.

Одно не вызывает сомнений: убийство Кирова дало Сталину желанную возможность ввести смертную казнь для членов большевистской партии. Вместо того чтобы расследовать действительные обстоятельства убийства, Сталин превратил смерть Кирова в предлог для ареста наиболее выдающихся лидеров старой гвардии большевиков, начиная с Каменева и Зиновьева, и для вынесения смертных приговоров для членов партии. Теперь он мог начать систематическое уничтожение всех, кто, разделяя с ним идеи Ленина и традиции Октябрьской революции, поднимали знамя, под которое могли идти недовольные и даже воинственно настроенные массы.

Должен сказать, что в это время не только огромная масса крестьян, но и большинство в армии, включая лучших представителей комсостава, большинство комиссаров, 90 % директоров заводов, 90 % партийного аппарата, находились в большей или меньшей степени в оппозиции диктатуре Сталина. Это была уже сила. Следовало перетряхнуть всю структуру Советской власти. Как это сделать? Дискредитировать, запятнать, заклеймить позором и расстрелять старую гвардию большевиков и провести массовые аресты их последователей. Назвать их

«троцкистами, бухаринцами, зиновьевцами, саботажниками, злоумышленниками, диверсантами, немецкими, японскими, британскими агентами» — как угодно, но арестовывать как участников гигантского государственного заговора каждого стоящего в оппозиции сталинскому единовластию, которое его приверженцы именовали «линией партии». Вот что предстояло сделать, и у Сталина был теперь испытанный и проверенный метод достижения /207/ этой цели — метод показательных судов и хорошо отрепетированных покаяний. Таких судов, приводивших в удивление весь мир, было много и раньше, однако прежде большевистские лидеры никогда не участвовали в них в качестве жертв.

Западный мир так до конца и не понял, что советские показательные суды были вовсе не судами, а орудием политической войны. В информированных советских кругах с момента прихода к власти Сталина мало кто не считал показательные процессы с их драматическими признаниями не чем иным, как политическим рычагом, не имеющим ничего общего с отправлением правосудия. Как только политическая власть большевиков сталкивалась с кризисом, они всегда находили «козлов отпущения» для таких процессов. Это имело такое же отношение к правосудию, как к милосердию.

Надо признать, что в Советском правительстве нашлись люди, предостерегавшие Сталина накануне инсценировки показательных процессов над старыми большевиками, что они не только произведут определенное впечатление в стране, но и могут вызвать отчуждение просоветских сил за границей. Кто-то сказал мне, что на это Сталин презрительно ответил: «Европа все проглотит!».

Сталин проводил свою чистку не так, как это сделал Гитлер 30 июня 1934 года. Гитлер стоял перед лицом организованной и бросившей вызов оппозиции, и удар его был молниеносен. У Сталина не было такой оппозиции, он столкнулся с общим глубочайшим недовольством, и его задача заключалась в том, чтобы пресечь действия потенциальных лидеров какого-либо движения, не допустить их к власти. Поэтому Сталин выжидал, продвигаясь к своей цели шаг за шагом.

Сталин не доверял старому ОГПУ. Он не доверял и старому руководству Красной Армии. С помощью Ежова, который освободился от опеки ЦК, Сталин создал свой собственный аппарат ОГПУ, некий высший террористический орган. Когда Ежов наконец получил от Сталина приказ возглавить все охранительные силы страны, он привлек к этому вновь укомплектованный штат. Все старые кадры, возглавлявшие ОГПУ,

за исключением одного человека, были расстреляны Ежовым.

Исключение составлял особый любимец Сталина — Михаил Фриновский, командующий специальными войсками ОГПУ. Это военизированное подразделение, не находящееся в ведении Красной Армии, было той военной /208/ силой, на которую опирался Сталин, действуя против старых большевиков. Он не начинал борьбу против старой гвардии, пока не закончил с помощью Ежова и Фриновского подготовку этих двух необходимых опор своего наступления. После убийства Кирова Сталиным и принятия нового закона о государственной измене был развязан мощный террор, служивший подготовкой к великой чистке большевистской партии. Сотни политических заключенных были осуждены по делу об убийстве Кирова, включая Николаева и его сообщников, которые подверглись тайному судилищу. Тысячи комсомольцев были высланы и отправлены в лагеря.

Террор, учиненный Сталиным после убийства Кирова, не помешал ему вновь и вновь использовать этот предлог для расправы над старой гвардией. Было казнено общим счетом около двухсот человек, обвиненных по делу об убийстве Кирова. Это дело фигурировало в ходе трех показательных «судов по обвинению в государственной измене», первый из которых открылся в августе 1936 года. О том, что эти суды не имели ничего общего с нормальным судопроизводством, говорит тот факт, что на них не были представлены материалы секретного суда над убийцами Кирова.

По этой же причине большевистские лидеры на всех трех «процессах о государственной измене» отказались от права на защиту. Потому и для Сталина не имело значения, что признания часто вступали в противоречия с известными фактами. Например, некоторые из тех, кто сознались в участии в заговоре с целью убийства Кирова, находились *в одиночном заключении на протяжении нескольких лет, предшествовавших убийству*.

Каким образом были получены эти признания? Ничто в такой степени не озадачивало Запад, как этот вопрос. Ошеломленный мир наблюдал, как создатели Советского государства бичевали себя за преступления, которые не могли совершить и которые были очевидной, фантастической ложью. Вопрос, почему они каялись, все еще интригует западный мир. Однако этот факт никогда не был загадкой для тех из нас, кто работал внутри аппарата Сталина.

Хотя факторов, повлиявших на то, что эти люди выступили на суде со своими признаниями, было несколько, главное, что заставило их каяться, была искренняя убежденность, что этим они

оказывают последнюю возможную для них услугу партии и революции. Они принесли в /209/ жертву и свою честь, и свою жизнь ради защиты ненавистного им режима Сталина, потому что он давал им слабую надежду, что светлое будущее, которому они посвятили свою молодость, все же наступит. Сталин продолжал использовать в своем лексиконе магические слова: «социалистический», «пролетарский», «революционный» — и верилось, что каким-то чудом социализм все же может родиться из чрева этой чудовищной и кровавой тирании.

Если кому-либо покажется удивительным, как эти идеалистически настроенные люди, которые противились своему вождю и его политике, могли дойти до такого состояния, то это лишь потому, что никто не представляет себе, до чего может дойти человек, попавший в руки «следователя» ОГПУ.

В мае 1937 года, в разгар великой чистки, мне представилась возможность поговорить с одним из следователей ОГПУ — неким Кедровым, в то время занимавшимся выбиванием признаний. Разговор шел о методах нацистской полиции. Вскоре он перекинулся на судьбу лауреата Нобелевской премии мира, прославленного немецкого пацифиста Карла фон Осецкого, в то время узника гитлеровской тюрьмы, погибшего в 1938 году.

Кедров говорил тоном, не терпящим возражения: «Осецкий мог быть хорошим человеком до ареста, однако, побывав в руках гестапо, он стал их агентом».

Я попытался возразить Кедрову и пробовал объяснить ему величие характера и достоинства человека, о котором шла речь.

Кедров отметал все мои аргументы:

— Вы не знаете, что можно сделать из человека, когда он у вас в кулаке. Здесь мы имеем дело со всякими, даже с самыми бесстрашными. Однако мы ломаем их и делаем из них то, что хотим!

Несмотря на ужасные формы давления, оказываемого ОГПУ на политических противников Сталина, удивление вызывает то, что сознавались немногие. На каждого из 54 заключенных, фигурировавших в трех «делах о государственной измене», было, как минимум, сто человек, расстрелянных без признаний.

Всего Сталиным было уничтожено шесть группировок главных большевистских лидеров. Лишь три из этих группировок можно причислить к разоблачившим себя на показательных процессах. Три другие группы подверглись судилищу на «закрытых процессах» в соответствии /210/ с официальными сообщениями, в которых не было сказано ни слова о предъявленном обвинении или о каких-либо судебных протоколах.

Можно назвать четыре фактора, способствовавших тому, что эти старые большевики дошли до такой степени ужаса и отчаяния, что поддались убеждениям, будто ложные признания — это их долг. И все эти факторы, по-видимому, сказались на каждой жертве по-разному.

Первый по важности фактор — это действующая и ОГПУ машина физических и моральных пыток, противостоять которой у них не было сил. Эта «третья степень» была известна у нас как «конвейерная система» допроса заключенных. Она предусматривала пропускание жертвы через цепочку следователей, начиная с неотесанных новичков и до квалифицированных мастеров искусства исторжения признаний.

Вторым элементом системы фабрикации признаний служило сталинское секретное досье. Там были собраны донесения его личной шпионской сети, касающиеся политической деятельности и личной жизни всех лидеров за многие годы. Это досье превратилось в арсенал порочащих данных, направленных против всех потенциальных противников сталинского правления.

Третьим элементом, участвовавшим в подготовке показательных судов, была разновидность обычного шантажа. Провокаторов, якобы признавшихся в участии в мнимых заговорах, помещали в камеры, где они играли омерзительную роль, впутывая своих наиболее выдающихся «подельников» в эти заговоры. Они играли роль изобличающих «свидетелей» или «соучастников», давая понять главным действующим лицам, намеченным Сталиным, что любая попытка оправдаться безнадежна.

Четвертым, однако не менее важным, элементом в фабрикации признаний были сделки, заключенные между Сталиным и некоторыми особо важными заключенными. На Западе может вызывать удивление тот факт, что между Генеральным прокурором и его заключенными совершаются подобные сделки. Принадлежа к информированным партийным кругам, мы воспринимали такие договоренности как обычное дело, зная, что семьи, друзья и даже менее заметные политические сторонники жертвы будут помилованы, если она сознается и тем самым поможет вовлечь в дело ключевые фигуры и облегчит проведение общей чистки. /211/

В течение ряда лет Сталин сокращал число своих потенциальных соперников, доводя положение до отчаянного путем шпионажа высокого класса, проникавшего в высшие круги ОГПУ и Генеральный штаб Красной Армии. Шпионы Сталина следили за всеми. Так, более чем за 5 лет до арестов и казней высших чинов Красной Армии и до возвышения Гитлера один из

«людей» Сталина неожиданно появился в Наркомате обороны, чтобы возглавить Управление разведки. В его миссию входил прежде всего шпионаж за наркомом по военным и морским делам Ворошиловым. На протяжении нескольких месяцев он ежедневно вскрывал почту Ворошилова, члена Политбюро, и делал подборку материалов для Сталина и для пополнения его личного досье.

Агенты секретного досье Сталина шпионили за бывшими лидерами оппозиции, независимо от того, находились они в тюрьме или на службе, собирая «факты» на всякий случай. Целая разветвленная сеть доносчиков постоянно следила за всей старой гвардией большевиков. Чтобы состряпать дело, было достаточно неосторожного замечания.

Я осознал губительные последствия этой слежки в связи с делом Алексея Рыкова, одной из центральных фигур на третьем показательном процессе в марте 1938 года. Я видел его при обстоятельствах, которые позволяли догадаться о том, какая судьба его вскоре постигнет. Я отдыхал в Кисловодске, в санатории им. Десятилетия Октября, в котором обычно отдыхают высшие партийные и государственные руководители. Там в отдельном коттедже отдыхал и Рыков с женой.

Преемник Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров, Рыков был одним из основателей партии большевиков и одним из тех, кто совершил социалистическую революцию. При Ленине и Троцком Рыков возглавлял ВСНХ. Будучи противником сталинского рывка в коллективизации, он был понижен в должности. Однако когда я познакомился с ним, он еще оставался членом правительства и занимал пост наркома связи. Что более важно, официально он еще числился членом ЦК.

Я часто видел Рыкова на прогулках. Если он не был с женой, то гулял один. Я никогда не встречал рядом с ним кого-нибудь из деятелей партии и правительства. Часто перед ваннами в нашем санатории выстраивалась очередь. Обычно люди помоложе уступали свою очередь более старшим товарищам. Для Рыкова этого никогда /212/ не делалось, хотя номинально он был рангом выше всех отдыхавших в Кисловодске в то время. Все старались держаться от него подальше. В осведомленных кругах партии Рыков был уже политическим покойником.

Наступила годовщина Октября. В тот вечер в зале санатория было организовано празднование. Произносились речи, восхвалявшие Сталина как «отца народов», «гения из гениев рабочих мира». Было много выпивки. К полночи атмосфера стала вполне праздничной.

Вдруг один из товарищей за моим столиком с презрением воскликнул:

— Смотрите, Рыков!

Как всегда небрежно одетый, вошел Рыков, на его красивом лице была вымученная улыбка. Его одежда была поношенной, галстук завязан неровно, волосы растрепаны, большие темные глаза смотрели на веселую толпу как бы сквозь туман. Будто внезапно возникло привидение. Это была тень героического периода революции, тень человека, боровшегося вместе с Лениным и Троцким и одержавшего победу, которая отмечалась в этом зале.

Насмешку моего соседа тут же подхватили другие. Бюрократы громко обменивались издевательскими замечаниями о Рыкове. Никто не предложил ему сесть. Организатор праздника метался от одного столика к другому, не обращая на Рыкова ни малейшего внимания. Через некоторое время несколько стопроцентных сталинистов подошли к нему и начали насмехаться. Одним из них был секретарь парторганизации Донецкого угольного бассейна. Он хвастался Рыкову показателями добычи угля в своем регионе:

— Мы делаем большие дела, мы строим социализм. Долго вы и вам подобные будут продолжать будоражить партию?

Рыков не нашелся что ответить на эту стереотипную фразу, часто произносимую в Кремле. Он сказал что-то уклончивое и попытался переменить тему. Было ясно, что ему хотелось найти какое-то взаимопонимание с собравшимися. Я присоединился к небольшой группе около него. В зале было немало таких, кто хотел бы поговорить с Рыковым, но не отваживался. Их сразу же взяли бы на заметку как оппозиционеров.

Рыкову, прислонившемуся к стене, не предложили ни стула, ни бокала. Он ушел, как и пришел, в одиночестве и продолжал оставаться в тени в течение ряда лет, пока /213/ Сталину не потребовалась его жизнь. Тогда он оказался в центре внимания, сделав «признание», невероятность которого была очевидна.

Весной 1936 года, за пять месяцев до начала «процессов по делу о государственной измене», в осведомленных кругах Москвы уже знали, что готовится большой спектакль. Мы знали, что такой спектакль не пройдет без покаяний. Метод пыток, метод подтасовки фактов с помощью самодельных лжесвидетелей и метод переговоров между Кремлем и жертвами использовались одновременно для получения быстрых результатов.

Я могу говорить о физических пытках лишь настолько, насколько я узнал о них из первых рук. Я знал одного заключенного, которого заставляли стоять на протяжении всех дознаний с различными перерывами на протяжении 55 часов под слепящим светом ламп. Возможно, это была самая простая

разновидность «третьей степени».

У меня была возможность обсудить слухи, ходившие недавно за рубежом, об изощренных, тайно использовавшихся для получения признаний формах пыток с одним из высших чинов ОГПУ.

Отказавшись подтвердить эти слухи как фантастические, он заметил:

— Разве вы не признаетесь, если простоите на одной ноге десять часов подряд?

Этот метод применялся к Бела Куну, главе недолговечной Венгерской Советской республики, который искал политического убежища в России и стал одним из лидеров Коминтерна. Этот всемирно известный революционер был арестован по приказу Сталина в мае 1937 года как «шпион гестапо».

Бела Кун был помещен в Бутырскую тюрьму в Москве, так как на Лубянке не было места. Он находился в камере со 140 другими заключенными, среди которых были такие выдающиеся деятели, как Маклевич, командующий морскими силами Советского Союза. Бела Куна брали на допрос и держали дольше других заключенных. Он должен был выстаивать на ногах по 10–20 часов, пока не падал в обморок. Когда его приводили обратно в камеру, ноги его были настолько опухшими, что он не мог стоять. После каждого допроса состояние его ухудшалось. Охранники обращались с ним с особой жестокостью.

Сама камера была камерой пыток. В ней стояло два ряда нар, один над другим, на которых лежали или спали /214/ заключенные. Было настолько тесно, что невозможно было вытянуть ноги; всем приходилось спать на боку, поджав ноги, прижавшись друг к другу. В противном случае заключенные не смогли бы разместиться. Староста камеры должен был отдавать команды сразу всем заключенным изменить положение, когда кто-либо хотел встать или перевернуться. Места для ходьбы в камере не было.

Бела Кун не сознался. Не сознался и Маклевич. Так же поступил и Кнорин, бывший член ЦК партии, хотя его заставляли непрерывно выстаивать на протяжении 24 часов (примеч. — показания от Бела Куна и В. Кнорина все-таки были получены. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы очной ставки с И.А. Пятницким. Ежовские следователи пытались, по всей вероятности, подготовить судебный процесс по «делу Коминтерна», который, однако, не состоялся. *Прим. сост.*).

Эта форма пытки входила в первую стадию «конвейерной системы» допроса. За это отвечали молодые рядовые следователи, «сотрудники» Ежова.

Они начинали допрос с грубого приказа заключенному после того, как было велено стоять под светом ламп:

— Признайся, что ты шпион!

— Мне не в чем признаваться.

— Но у нас есть доказательства. Признайся, ты, такой-сякой!

За этим следовал поток брани, злобных нападок и угроз. Когда заключенный продолжал упорствовать, следователь ложился на диван и оставлял заключенного стоять часами. Когда следователю нужно было уйти, за заключенным смотрел охранник, который следил, чтобы тот не сел, не прислонился к стене или стулу.

Когда с помощью такого наказания жертву не удавалось сломить, дело передавалось более искусному следователю. Здесь не было игры с заряженным оружием, не было оскорблений, света, физического давления. Совсем наоборот. Делалось все, чтобы заставить заключенного поверить, что первая стадия была ошибкой, неудачным экспериментом. Атмосфера раскованности, неофициальности использовалась для того, чтобы вынудить заключенного сознаться. Допрос Мрачковского был типичным для этой стадии «конвейерной системы третьей степени».

Мрачковский состоял членом партии большевиков с 1905 года. Он был сыном революционера, сосланного царским правительством в Сибирь. Его самого много раз /215/ арестовывала царская полиция. Во время гражданской войны, после победы социалистической революции, Мрачковский создал на Урале отряд добровольцев, известный своими подвигами при разгроме армии Колчака. Он был выдающимся национальным героем в ленинский период.

Пришел июнь 1936 года. Подготовка к первому показательному суду была завершена. Получены признания 14 заключенных. Основные герои — Зиновьев и Каменев — отрепетировали свои роли. Однако в этой группе намеченных жертв были двое, которые не сознались; Мрачковский и его соратник Иван Смирнов, один из основателей партии большевиков, командующий 5-й армией во время гражданской войны.

Сталин не хотел начинать процесс без этих двоих. Они месяцами подвергались допросам; они были приговорены ко всем физическим трехэтапным методам ОГПУ. Однако отказались подписать признания. Начальник ОГПУ неожиданно попросил моего коллегу Слуцкого провести допрос Мрачковского и «сломить» человека, к которому Слуцкий питал глубокое уважение.

Мы оба плакали, когда Слуцкий рассказывал мне о своем

опыте в качестве инквизитора. Я передам рассказ Слуцкого, насколько он запомнился мне.

— Когда я начал допрос, я был чисто выбрит. Когда я закончил его, у меня выросла борода, — рассказывал Слуцкий. — Допрос продолжался 90 часов. Каждые 2 часа раздавался звонок из кабинета Сталина. Его секретарь спрашивал: «Ну как, удалось вам уломать его?»

— Вы хотите сказать, что не покидали кабинет все это время? — спросил я.

— Нет, после первых 10 часов я вышел ненадолго, но мое место занял мой секретарь. В течение 90-часового допроса Мрачковского не оставляли одного ни на минуту. Его сопровождал охранник, даже когда он ходил в уборную.

Когда он в первый раз вошел в мой кабинет, он хромал, давало себя знать ранение ноги, полученное им в гражданскую войну. Я предложил ему стул. Он сел. Я начал допрос словами: «Видите ли, товарищ Мрачковский, я получил приказ допросить вас». Мрачковский ответил: «Мне нечего сказать. Вообще мне не хочется вступать с вами в какие-либо разговоры. Вы и вам подобные хуже любого царского жандарма. Скажите мне, какое право вы имеете допрашивать меня? Где вы были /216/ во время революции? Я что-то не припомню, чтобы когда-либо слышал о вас в дни революционной борьбы». Мрачковский заметил два ордена Красного Знамени на груди у Слуцкого и продолжал:

— Таких я на фронте никогда не встречал, что же до орденов, то вы, должно быть, украли их.

Слуцкий молчал, он дал своему заключенному возможность излить желчь.

Мрачковский продолжал:

— Вы обратились ко мне со словом «товарищ». Только вчера меня допрашивал другой из ваших людей. Он называл меня подлецом и контрреволюционером. А я родился в царской тюрьме. Мои отец и мать умерли в Сибири. Я вступил в партию почти ребенком.

Здесь Мрачковский поднялся и одним быстрым движением распахнул рубаху, обнажив шрамы от ран, полученных в сражениях за Советскую власть.

— Вот мои ордена! — воскликнул он.

Слуцкий продолжал молчать. Он попросил принести чай и предложил заключенному стакан чаю и сигареты. Мрачковский схватил стакан и пепельницу, бросил на пол и закричал:

— Хотите меня купить? Можете передать Сталину, что я ненавижу его. Он — предатель. Они приводили меня к Молотову, который тоже хотел подкупить меня. Я плюнул ему в лицо.

Наконец Слуцкий заговорил:

— Нет, товарищ Мрачковский, я не крал своих орденов Красного Знамени. Я получил их в Красной Армии, на Ташкентском фронте, где сражался под вашим командованием. Я никогда не считал вас подлецом, да и сейчас не считаю. Однако вы находились в оппозиции и боролись против партии? Несомненно. А теперь партия дала мне приказ допросить вас. А что касается ран, посмотрите!

И Слуцкий оголил часть тела, показывая свои боевые шрамы.

— Они тоже с гражданской войны, — добавил он. Мрачковский внимательно слушал, а затем сказал:

— Я не верю вам. Докажите мне.

Слуцкий велел принести свою официальную автобиографию из архива ОГПУ. Дал ее прочесть Мрачковскому. Затем он сказал:

— Я состоял в ревтрибунале после гражданской войны. Позже партия направила меня в ОГПУ. Я лишь /217/ выполняю приказы. Если партия прикажет мне умереть, я пойду на смерть.

Слуцкий сделал это полтора года спустя, когда было объявлено, что он покончил жизнь самоубийством.

— Нет, вы переродились в полицейскую ищейку, в агента охранки, — сказал Мрачковский, затем помедлил и продолжал: — И все же, очевидно, из вас еще не вытравили всю душу.

Впервые Слуцкий почувствовал, что между ним и Мрачковским зародилась искра взаимопонимания. Он начал говорить о внутренней и международной обстановке, о Советском правительстве, об угрозе извне и изнутри, о необходимости спасти партию любой ценой как о единственном пути продолжения революции.

— Я сказал ему, — рассказывал Слуцкий, — что лично я убежден, что он, Мрачковский, не контрреволюционер. Я достал из стола признания заключенных товарищей и показал ему доказательства того, как низко они пали, находясь в оппозиции советской системе.

На протяжении полных трех дней и ночей мы разговаривали и спорили. Все это время Мрачковский ни на минуту не заснул. Мне удалось урвать около 3–4 часов сна за все время, пока мы с ним боролись.

Мрачковский рассказал Слуцкому, что его два раза увозили из тюрьмы к Сталину. В первый раз, когда его привезли в Кремль, он встретил Молотова в приемной Сталина. Тот дал Мрачковскому совет:

— Вы сейчас встретитесь с ним. Будьте с ним откровенны, дорогой Сергей, не скрывайте ничего. Иначе дело кончится расстрелом.

Сталин продержал Мрачковского большую часть ночи, добиваясь от своего узника, чтобы он отрекся от всех оппозиционных взглядов. Сталин говорил, что партия наполнена элементами, угрожающими делу большевизма. Всем партийным руководителям необходимо показать стране, путем признаний, что есть лишь один путь — путь Сталина. Мрачковский не поддался и возвратился в камеру.

Во второй раз, когда Мрачковский был вызван в Кремль, Сталин давал ему различные обещания, если Мрачковский будет придерживаться сталинской линии.

— Если вы будете полностью сотрудничать, — пообещал Сталин, — то я пошлю вас на Урал возглавлять там промышленность. Вы станете директором. Вы еще будете делать большие дела.

Мрачковский вновь отказался принять предложение Сталина. Именно тогда Слуцкому дано было задание сломить его. Дни и ночи проходили в спорах о том, что никто, кроме Сталина, не мог руководить большевистской партией. А Мрачковский твердо верил в однопартийную систему правления. Все же ему пришлось признать, что достаточно сильной партийной группировки, способной изменить партийный аппарат изнутри или сбросить руководство Сталина, не было. Несомненно, в стране наблюдалось глубокое недовольство, однако преодолеть его вне рядов партии означало бы покончить с системой, которой Мрачковский оставался верен.

И следователь, и заключенный согласились, что все большевики должны подчинить свою волю и свои дела воле и идеям партии. Они согласились, что необходимо остаться в партии, даже если Сталин потребует ложных признаний с целью упрочения Советской власти.

— Я довел его до того, что он начал рыдать, — говорил мне Слуцкий. — Я рыдал с ним, когда мы пришли к выводу о том, что все потеряно, что единственное, что можно было сделать, это предпринять отчаянное усилие предупредить тщетную борьбу недовольных «признаниями» лидеров оппозиции.

Мрачковский попросил, чтобы ему разрешили свидание с Иваном Смирновым, его близким соратником. Слуцкий распорядился привести Смирнова из камеры, и встреча двух товарищей прошла в его кабинете. Предоставим Слуцкому описать ее:

— Это была болезненная сцена. Два героя революции обнялись. Они плакали. Мрачковский сказал Смирнову: «Иван Никитич, дадим им то, чего они хотят. Это надо сделать». Смирнов не согласился и ответил: «Мне не в чем признаваться. Я

никогда не боролся против Советской власти. Я никогда не боролся против партии. Я никогда не был террористом и у меня никогда не было намерения убивать кого-либо».

Мрачковский пытался убедить Смирнова, однако тот не сдавался. Все это время они держали друг друга в объятиях и рыдали. Наконец Смирнова увели.

— Мрачковский опять стал неподатливым и раздраженным, — продолжал Слуцкий. — Он стал вновь называть Сталина предателем. Однако к концу четвертого дня он подписал полное признание, сделанное им в ходе разбирательства. Я пошел домой. Целую неделю я не мог работать, чувствовал, что не могу дальше жить. /219/

Остается добавить, что после того как Мрачковский обратился со своим признанием в ОГПУ, Иван Смирнов, последовавший совету своего товарища, был сломлен. Все же Смирнов на первом публичном разбирательстве сделал несколько попыток отречься от своих признаний, однако прокурор всякий раз пресекал эти попытки.

Даже спустя месяцы, а иногда и годы травли и пыток у заключенных все же добывались такие признания, которые можно было получить только путем сделки с самим Сталиным.

Я знаю, что Каменев и Зиновьев, ближайшие соратники Ленина, имели встречи со Сталиным за несколько месяцев до того, как началось разбирательство. Зиновьев подчинился требованию Сталина. Как позднее рассказывал об этом член его семьи, Зиновьев руководствовался двумя мотивами, согласившись на признание: «Прежде всего, невозможно было выскользнуть из железных тисков Сталина. Во-вторых, он надеялся спасти свою семью от преследований».

Каменев также опасался репрессий в отношении жены и троих детей, о чем свидетельствовало его заявление на суде. У Сталина существовала установленная практика наказания семьи человека, обвиняемого в политическом преступлении.

В марте 1937 года трое из тех, кто будет фигурировать год спустя на третьем (и последнем) показательном процессе, сыграли неожиданно роли на заседании в Кремле. Это было на пленарном заседании ЦК партии (примеч. — речь идет о февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). *Прим. сост.*), насчитывавшем 70 участников. Чистка уже достигла своего апогея. Страна была деморализована. Никто не знал, о чем думал Сталин.

70 высших партийных руководителей, объятые страхом и подозрениями, собрались в Большом зале Кремлевского дворца. Они были готовы по приказу Сталина обрушиться с нападками

друг на друга, чтобы продемонстрировать Хозяину свою лояльность.

На этом историческом заседании тремя действующими лицами были Ягода, Бухарин и Рыков. Бывший начальник ОГПУ Ягода приветствовал «карающий меч революции», пока он был еще на свободе. Он сменил Рыкова на посту наркома связи. Однако и сам Ягода, и все остальные знали, что он обречен. /220/

Сталин изложил политическую линию на будущее. Чистка не выполнила еще своей задачи. Требовалось дальнейшее искоренение раскола и предательства. Нужны новые процессы. Новые жертвы. Те, кто понимал задачу момента, могут рассчитывать на поощрение.

Страх и коварство были написаны на лицах 70 человек. Кто среди них победит в схватке за благосклонность Хозяина, в схватке за собственную жизнь?

Ягода молча слушал. Многие глядели на него с ненавистью. Обстановку накаляли злобные взгляды прищуренных глаз, которые бросал на него Сталин. Вскоре зал обрушил на него водопад обвинений и вопросов. Почему он пригрел троцкистских гадов? Почему брал на службу предателей? Один оратор превосходил другого в бичевании политического трупа Ягоды. Все хотели быть услышанными Сталиным, чтобы убедить его в своей преданности.

Внезапно Ягода, храня ледяное спокойствие, повернул голову. Он тихо произнес несколько слов, как бы про себя: «Как жаль, что я не арестовал всех вас раньше, когда был у власти».

Это было все, что сказал Ягода. Ураган брани пронесся по залу. Семьдесят ревущих главарей партии прекрасно сознавали, что Ягода смог бы выбить из них признания, арестуй он их полгода назад. Но Ягода не менял выражения лица.

В зал ввели двух заключенных. Один из них был Николай Бухарин, бывший председатель Коминтерна. Другой — Алексей Рыков, преемник Ленина на посту главы Советского правительства. Плохо одетые, бледные и изнуренные, они заняли свои места среди холеных приверженцев Сталина, которые в замешательстве отодвинулись от них.

Сталин инсценировал это появление перед ЦК, чтобы доказать свое «демократичное» обращение с этими двумя великими личностями советской истории, основателями партии большевиков. Но теперь ЦК уже окончательно стал оружием Сталина. Бухарин встал, чтобы говорить. Срывающимся голосом он уверял своих товарищей, что никогда не принимал участия в каком-либо заговоре против Сталина или Советского правительства. Решительно отверг он само подозрение в таком

поступке. Он рыдал, он просил. Было ясно, что он и Рыков надеялись зажечь искру прежнего товарищества в членах ЦК партии, созданию которой они способствовали. Но /221/ товарищи благоразумно молчали. Они предпочитали дождаться сталинского слова.

И Сталин заговорил, прерывая Бухарина.

— Так революционеры себя не защищают! — воскликнул он. — Вы должны доказать свою невиновность в тюремной камере.

Сборище разразилось дикими выкриками:

— Расстрелять его! Назад, в тюрьму его!

Сталина осыпали овациями, когда Бухарина и Рыкова уводили обратно в тюрьму.

Двое заключенных явно недооценили ситуацию. По мысли Сталина, здесь им предоставили возможность продемонстрировать свою лояльность по отношению к партии, признав свои прошлые ошибки и воздав хвалу ее руководству. Вместо этого они обратились через его голову к собранию, оправдываясь перед своими бывшими товарищами, которые превратились в марионеток Сталина.

Накануне первого процесса по делу Каменева — Зиновьева Сталин обнародовал декрет, восстанавливающий право главы Советского государства на помилование и смягчение наказания. Этот декрет был составлен для того, чтобы убедить 16 человек, которые должны были вот-вот сделать свои публичные признания, что их ожидает помилование, и все же в ходе расследования один за другим заключенные заявляли: «Не в моих правилах просить пощады; я не прошу смягчения наказания для меня; я не считаю возможным просить о снисхождении».

Ранним утром 24 августа 1936 года 16 человек были приговорены к расстрелу. Они немедленно подали прошение о помиловании. Вечером того же дня Советское правительство объявило, что оно «отклонило апелляцию о помиловании со стороны осужденных» и что «приговор приведен в исполнение». Было ли заключено соглашение между ними и Сталиным, которое он не выполнил? Более вероятно, что они ни на что не рассчитывали, но питали все же какую-то слабую надежду.

На втором показательном процессе по делу Радека — Пятакова — Сокольникова, который вскоре последовал за первым, Сталин действовал так, чтобы получить больше признаний, которых хватило бы на организацию большего числа процессов. Четверым из 17 обвиняемых этой группы были вынесены более мягкие приговоры. /222/ Двое из них были известными деятелями: Радек и Сокольников. Остальные двое были агентами

ОГПУ, подготовленными в качестве «свидетелей» для дачи ложных показаний.

Между вторым и третьим процессами прошел целый год. В июне 1937 года восемь наиболее выдающихся генералов Красной Армии во главе с Тухачевским были осуждены без признаний якобы в результате закрытого расследования. 9 июля 1937 года в Тифлисе, столице Грузии — родины Сталина, после так называемого закрытого процесса были казнены семь выдающихся кавказских большевиков во главе с бывшим соратником Сталина по революционной борьбе Буду Мдивани. 19 декабря 1937 года восемь выдающихся большевистских деятелей, возглавляемых Енукидзе — наставником Сталина в молодости, занимавшим высокие посты в Советском правительстве на протяжении 18 лет, — были осуждены без признаний и казнены после третьего закрытого процесса.

Последний «процесс по обвинению в государственной измене» после дела Бухарина — Рыкова — Ягоды был инсценирован в марте 1938 года, и по нему проходил 21 человек. На то, чтобы склонить их к признаниям, потребовался целый год. Троим из этой группы приговоры были смягчены. Обвинения в этом показательном процессе были самыми различными — от заговора с целью убийства Кирова и отравления Максима Горького до шпионажа в пользу Гитлера. Самобичевание обвиняемых достигло невиданных доселе масштабов.

Мир был сбит с толку тем, с каким жаром обвиняемые и обвинители соревновались между собой, подтверждая их вину. На каждом процессе шло соревнование между подсудимыми за право признать себя виновным в совершении большего количества грехов и преступлений. С каждым последующим процессом это явное безумие нарастало.

Многие воображают, что обвиняемые пытались с помощью фантастических крайностей, на которые они шли, попасть в ту небольшую группу, которая получит снисхождение Сталина. Может быть, когда кто-то из них превосходил несравненного прокурора Вышинского в притворстве, у него возникала эта слабая надежда. Однако я сомневаюсь в этом, так как все они знали Сталина. Все они помнили его презрительные слова, обращенные к старому товарищу Бухарину на том роковом /223/ заседании в Кремле: «Революционеры так себя не защищают».

Как старый член партии большевиков, я предпочитаю верить в нечто другое. Я предполагаю, что, сдавшись после пыток, они все же надеялись, что сама одержимость, с которой они делали свои фантастические признания, даст понять, что и эти признания, и сами показательные процессы — акции

политического характера. Я полагаю, они хотели, чтобы история знала, что до самого смертного часа они все еще участвовали в политической борьбе, что они «признавались» в преступлениях против партии в последней отчаянной попытке служить ей, чтобы избавить ее в конечном счете от Сталина.

Американцы, с которыми я поделился этой догадкой, сказали, что уму американца это непостижимо. Однако я твердо уверен, что это было так, ибо знаю, что такое большевистский характер, знаю преданность старых большевиков делу, знаю и то, что они прекрасно понимали, что собой представляет Сталин.

VII. Почему Сталин расстрелял своих генералов

В начале декабря 1936 года, когда я был в Гааге, мне неожиданно удалось завладеть ключом к расшифровке искусного заговора, в результате которого 6 месяцев спустя Сталиным был расстрелян маршал Тухачевский и почти весь высший командный состав Красной Армии.

Есть заговоры, подготавливаемые людьми, жаждущими власти или мести. А есть заговоры, подготовленные ходом событий и обстоятельств. Порой пути двух таких заговоров пересекаются и сплетаются. Тогда человечество оказывается вовлеченным в один из тех редких запутанных клубков, которые изменяют ход истории. К этой категории принадлежит тайна уничтожения Сталиным цвета Красной Армии, представленного как банда предателей или шпионов нацистской Германии.

Это именно та тайна, которая продолжает волновать умы западного мира. Повсюду люди еще продолжают задавать вопросы: почему Сталин обезглавил Красную Армию в тот момент, когда Гитлер вел лихорадочную подготовку к войне? Была ли какая-либо связь между чисткой Красной Армии и предпринимаемыми Сталиным усилиями по заключению соглашения с Германией? /224/ Был ли действительно заговор высших командиров Красной Армии против Сталина?

Случай помог мне так долго сохранять жизнь и позволил разрешить загадку, которую самые проницательные и хорошо информированные дипломаты и военные обозреватели еще тщетно пытаются разгадать.

11 июня 1937 года официальное сообщение из Москвы оповестило мир о неожиданном раскрытии заговора высших командиров Красной Армии.

На следующий день мир был ошеломлен другим официальным сообщением — о расстреле маршала Тухачевского и семи других видных генералов Красной Армии после приговора, вынесенного секретным военным трибуналом. Это были командующий Украинским военным округом Красной Армии генерал Якир, командующий Белорусским военным округом генерал Уборевич, начальник Военной академии генерал Корк и генералы: Путна, Эйдеман, Фельдман и Примаков. Гамарник, заместитель наркома обороны и начальник Политуправления Красной Армии, как сообщалось, покончил жизнь самоубийством. Из этих высших военачальников, вдруг

обвиненных в шпионаже в пользу Гитлера и гестапо, трое — Гамарник, Якир и Фельдман — были евреями.

Задолго до того, как Сталин «неожиданно» обнаружил и раскрыл большой заговор в Красной Армии против его власти, я уже имел в руках, не догадываясь об этом, основное звено целой цепи событий, которые доказывали, что Сталин по крайней мере за 7 месяцев составил план уничтожения высшего командного состава Красной Армии.

Когда все элементы непостижимой головоломки великой чистки в Красной Армии были соединены воедино, законченная картина выявила следующие факты.

Сталинский план с целью опорочить Тухачевского и других генералов начал осуществляться по крайней мере за 6 месяцев до так называемого раскрытия «заговора».

Сталин расстрелял маршала Тухачевского и его соратников как немецких шпионов как раз накануне завершения сделки с Гитлером после нескольких месяцев секретных переговоров.

Сталин умышленноиспользовал фальшивые доказательства, полученные из Германии и сфабрикованные нацистским гестапо, в ложном обвинении самых приданных генералов Красной Армии. Это доказательство было /225/ получено ОГПУ с помощью белоэмигрантских военных организаций за рубежом.

По заданию Сталина 22 сентября 1937 года в Париже был тайно похищен генерал Евгений Миллер, возглавлявший Федерацию ветеранов царской армии. Этот дерзкий акт, который мировая общественность не связывала с чисткой Красной Армии, был совершен с целью ликвидации единственного внешнего источника информации как канала, через который гестапо представило ОГПУ ложное доказательство против руководителей Красной Армии.

В первую неделю декабря 1936 года специальный курьер, прибывший самолетом в Гаагу, передал мне срочное донесение от Слуцкого — начальника Иностранного отдела ОГПУ, который только что прибыл в Париж из Барселоны. Я возглавлял в это время советскую военную разведку в Западной Европе.

Как обычно, переданное нашим курьером донесение было заснято на небольшом ролике пленки с помощью специальной фотокамеры. Этот метод использовался для всей нашей почтовой корреспонденции. Когда пленку проявили и передали мне, на ней можно было прочесть следующее:

«Выбрать из наших сотрудников двух человек, способных исполнить роль германских офицеров. Они должны иметь достаточно выразительную внешность, чтобы походить на военных атташе, должны иметь привычку разговаривать как

истинно военные люди, а также должны внушать исключительное доверие и быть смелыми. Подберите их незамедлительно. Это чрезвычайно важно. Надеюсь увидеть Вас в Париже через несколько дней».

Этот приказ ОГПУ моему отделу вызвал неприятные ощущения. В своем ответе Слуцкому, отправленном с тем же курьером обратным самолетом, я не скрыл своего негодования от приказа, заставляющего меня нарушать кадровую структуру и срывать моих ключевых агентов с их постов.

Однако я все же вызвал из Германии двух подходящих агентов.

Через пару дней я вылетел в Париж, где остановился в отеле «Палас». Через своего местного секретаря я организовал встречу со Слуцким в кафе «Вьель» на Бульваре Капуцинов. Мы продолжили разговор в персидском ресторане, вблизи Плас д'Опера. /226/

По пути я спросил его о последних новостях нашей внешней политики.

— Мы выбрали курс на взаимопонимание с Гитлером, — сказал Слуцкий, — и начали переговоры. Они успешно продвигаются.

— И это несмотря на то, что происходит в Испании! — воскликнул я. Мне казалось, что из-за испанских событий соглашение между нашим правительством и Германией отодвинуто на задний план.

За обеденным столом Слуцкий завершил разговор, подтвердив высокую оценку результатов моей деятельности, которую дал Ежов.

Как комиссар внутренних дел — официальная должность начальника ОГПУ — Ежов выражал мнение самого Сталина. Лично я был доволен. Но я обдумывал предыдущие замечания Слуцкого о новом направлении нашей внешней политики и ее связи с моими операциями в Германии.

— То, что ты сделал, прекрасно, — сказал он, — тем не менее ты должен свернуть свою деятельность в Германии.

— Неужели дела зашли так далеко? — спросил я.

— Вот именно. Ты должен ослабить активность своей агентуры.

— Следовательно, ты хочешь сказать, что у тебя есть инструкции для меня прекратить работу в Германии? — спрашивал я его, уже предвидя возможность иного поворота в политике, который приведет к развалу моей организации как раз тогда, когда она будет особенно необходима. Такие вещи случались и прежде.

Слуцкий, очевидно, прочел ход моей мысли, проговорив многозначительно:

— На этот раз дела обстоят серьезно. Вероятно, осталось только три или четыре месяца до заключения соглашения с Гитлером. Не сворачивай свою работу окончательно, но притормози активность. Помни, здесь наша служба не представляет интереса, ведь это не Франция с ее Народным фронтом. Заморозь работу своих людей в Германии. Придержи своих агентов, переправь их в другие страны, заставь их переучиваться, но помни, происходит изменение политики! — И чтобы окончательно рассеять мои сомнения, сказал с ударением: — Это теперь курс Политбюро.

Политбюро — высший совет большевистской партии — к этому времени стало синонимом Сталина. Каждый в /227/ Советской России, от низшего до высшего чина, знает, что решение Политбюро — окончательное, как приказ генерала на поле боя.

— Дело зашло так далеко, — добавил Слуцкий, — что я могу ознакомить тебя с точкой зрения Сталина в его собственном изложении. Недавно он сказал Ежову: «В ближайшем будущем мы должны завершить переговоры с Германией».

Эту тему можно было больше не обсуждать. Помолчав, я обратился к нему по поводу двух моих агентов, которых Слуцкий потребовал откомандировать ему из Германии.

— Что ты задумал? Что вы, не понимаете, что делаете?

— Конечно, понимаем, — ответил Слуцкий. — Но это не обычное дело. Оно настолько важно, что мне пришлось оставить всю остальную работу и прибыть сюда, чтобы ускорить его.

Мои агенты не предназначались для специальной работы в Испании, как я первоначально думал. Очевидно, перед ними ставилась какая-то безумно сложная задача во Франции. Тем не менее я продолжал протестовать против передачи их ОГПУ, пока наконец Слуцкий не сказал:

— Так надо. Это приказ самого Ежова. Мы должны подготовить двух агентов, которые могут сыграть роль чистокровных германских офицеров. Они нам нужны немедленно. Это дело настолько важное, что все остальное не имеет никакого значения.

Я сказал ему, что уже вызвал двух лучших агентов из Германии и что они вот-вот прибудут в Париж. Беседа продолжалась на другие темы до глубокой ночи. Через несколько дней я возвратился в свою штаб-квартиру в Голландии. Нужно было перестроить работу моей организации в Германии.

В январе 1937 года мир был потрясен сообщением из Москвы

о новой серии удивительных «признаний» на втором процессе по «делу о государственной измене».

Плеяда советских лидеров на скамье подсудимых, названных в обвинении «троцкистским центром», один за другим признавалась в гигантском заговоре, цель которого состояла в шпионаже в пользу Германии.

К этому времени я постепенно расформировал сеть нашей разведывательной службы в Германии. Московские газеты день за днем публиковали стенографические /228/ отчеты о судебном процессе. Вечером 24 января я сидел дома с женой и ребенком, читая протокол показаний свидетелей, когда вдруг мое внимание привлекла выдержка из секретного признания Радека. Он утверждал, что генерал Путна, в недавнем прошлом советский военный атташе в Великобритании, а ныне уже в течение нескольких месяцев узник ОГПУ, пришел к Радеку с «просьбой от Тухачевского». Процитировав показание, главный прокурор Вышинский обратился с вопросом к Радеку.

Вышинский. Скажите, в какой связи вы упомянули имя Тухачевского?

Радек. Тухачевский был уполномочен правительством осуществить определенную задачу, для решения которой он не мог найти необходимый материал. Тухачевский не знал ничего о роли генерала Путна или о моей преступной деятельности.

Вышинский. Поэтому Путна пришел к вам по указанию Тухачевского с официальным делом, не будучи осведомлен об обстоятельствах ваших дел, так как он, Тухачевский, не имел к ним никакого отношения.

Радек. Тухачевский не имел к ним никакого отношения.

Вышинский. Если я правильно вас понял, генерал Путна поддерживал связь с членами вашей подпольной троцкистской организации и ваше упоминание Тухачевского сделано в связи с тем, что Путна был направлен к Тухачевскому по его приказу с официальным поручением?

Радек. Я подтверждаю это и заявляю, что никогда не имел и не мог иметь неофициальных дел с Тухачевским, связанных с контрреволюционной деятельностью, по той причине, что я знал позицию Тухачевского по отношению к партии и правительству и его абсолютную преданность».

Когда я прочел это, то был настолько глубоко взволнован, что моя жена спросила, что случилось. Я дал ей газету, сказав: «Тухачевский обречен».

Она прочла сообщение, но, не сумев вникнуть в его суть, возразила:

— Но Радек начисто отрицает какую-либо связь Тухачевского

с заговором.

— Так точно, — сказал я. — Думаешь, Тухачевский нуждается в индульгенции Радека? Или, может быть, ты думаешь, что Радек посмел бы по собственной инициативе /229/ упомянуть имя Тухачевского на этом судебном процессе? Нет. Это Вышинский вложил имя Тухачевского в рот Радека, а Сталин спровоцировал на это Вышинского. Неужели не ясно, что Радек говорит это для Вышинского, который говорит словами Сталина. Я говорю тебе, что Тухачевский обречен.

Имя Тухачевского, упомянутое 11 раз Радеком и Вышинским в этом кратком сообщении, могло иметь только одно значение для тех, кто был знаком с методами работы ОГПУ. Для меня это был совершенно недвусмысленный сигнал, что Сталин и Ежов сжимают кольцо вокруг Тухачевского и других выдающихся генералов высшего командного состава Красной Армии. Было совершенно ясно, что вся подготовительная работа уже проведена и вот-вот начнутся открытые выступления против них.

Из официального обвинительного акта я вывел, что секретное «признание» Радека сделано в декабре. Это было время, когда я получил приказ подготовить двух «германских офицеров». Теперь они вернулись из Парижа и сообщили мне, что несколько недель находились в ожидании, в полном бездействии, а затем им разрешили вернуться, загадочно объяснив, что «работа» отодвигается на неопределенный срок.

Мы пришли к заключению, что возникли некоторые непредвиденные препятствия или же планы изменились вовсе.

«Признание» Радека, вкотором фигурировало имя Тухачевского, совпадало по времени с изменением Сталиным внешнеполитической линии и со словами Слуцкого о неминуемом соглашении с Германией и его приказом свертывать мою работу в Германии.

Но почему Сталин стремится именно теперь уничтожить весь командный состав Красной Армии? Уничтожив группу Каменева — Зиновьева, своих бывших политических противников, расправившись с другим блоком оппозиции, именуемым блоком Радека — Пятакова, какими мотивами руководствовался он, продолжая борьбу против высшего командного состава нашей системы национальной обороны?

Одно дело — послать на расстрел небольшую группу политиков, таких, как Зиновьев или Каменев, которых Сталин несколько лет подвергал моральному уничтожению. Другое дело — расправиться с руководителями национальной военной машины. Осмелится ли Сталин расстрелять /230/ деятелей такого масштаба, как маршал Тухачевский или заместитель

наркома обороны, в такой критический момент международной обстановки? Осмелится ли он оставить Советские Вооруженные Силы беззащитными перед лицом врага, фактически обезглавив Красную Армию?

Обратимся к фактам, лежащим в основе моих рассуждений. Маршал Тухачевский был самой яркой фигурой среди полководцев Октябрьской революции. В самом начале гражданской войны, когда ему было 25 лет, он получил звание командарма Красной Армии. 12 сентября 1918 года, когда решалась судьба Советов, он одержал решающую победу над войсками белочехов под Симбирском. Весной следующего года, когда войска адмирала Колчака, продвигаясь с востока, достигли бассейна Волги и только одна шестая часть территории России оставалась в руках большевиков, Тухачевский после мощного контрудара под Бузулуком прорвал линию фронта. Закрепившись на отвоеванной территории, он начал свое знаменитое наступление на Колчака, вынудившее его откатиться на Урал, а затем и отступить в глубь Сибири. 6 января 1920 года он разбил Колчака под Красноярском, освободив от него половину Сибири. Ленин восторженной телеграммой поздравил с победой Тухачевского и его армию.

Разбив белых в Сибири, Тухачевский получил командование фронтом в Центральной России, противостоящим войскам Деникина. Немногим более чем через три месяца Деникин был отброшен к Черному морю и вынужден на кораблях перебраться в Крым, последний оплот белых.

Тем временем польские войска неожиданно начали наступление на Украине, дойдя до Киева, почти не встречая сопротивления, и 7 мая 1920 года взяли его. Однако Красная Армия, высвободившаяся на деникинском фронте, вскоре очистила Украину от белополяков и начала свое победное наступление на Варшаву. Тухачевский со своими основными силами стоял под Варшавой на расстоянии артиллерийского выстрела, а в первых числах августа был готов бросить всю свою армию на захват польской столицы. Он ожидал подхода Конной армии, которая под командованием Буденного и Ворошилова стремительно продвигалась к Львову с Юго-Западного фронта. Политкомиссаром 1-й Конной армии был Иосиф Сталин. Реввоенсовет Красной Армии вынес решение с /231/ 1 августа передать Тухачевскому командование Западным фронтом.

Тухачевский отдал приказ командующим армиями Юго-Западного фронта повернуть войска на Люблин и прикрыть левый фланг основных сил Красной Армии во время решающей битвы на Висле. 11 августа этот приказ был подтвержден Москвой. По

распоряжению Сталина Буденный и Ворошилов, а также командующий 12-й армией отказались повиноваться приказу. Конная армия продолжала двигаться на Львов. 15 августа польская армия, реорганизованная усилиями генерала Вейланда и получившая в подкрепление французскую артиллерию, нанесла удар Тухачевскому со стороны Люблина. С 15 по 20 августа поляки ринулись в наступление через люблинский прорыв, пока армия Буденного тщетно билась под Львовом.

Маршал Пилсудский писал в своих мемуарах, что тот факт, что Буденный не смог соединиться с Тухачевским, оказался решающим в войне. «Для них (т. е. для Конной и 12-й армий) единственно правильным было бы как можно ближе подойти к главным русским силам под командованием Тухачевского, и это грозило бы нам самым страшным. Все мне казалось безнадежным, и лишь неспособность армии Буденного атаковать меня с тыла и слабость, проявленная 12-й армией, вселили в нас уверенность».

Ни Тухачевский, ни Сталин никогда не смогли забыть польской кампании. На лекциях, прочитанных в Военной академии и опубликованных в виде книги в 1923 году, Тухачевский сравнил поведение Сталина под Львовом с действиями генерала Ренненкампфа в сражении при Танненберге, принесшем поражение царской армии в 1914 году.

«Наша победоносная конница, — писал Тухачевский, — в те дни была втянута в ожесточенные бои под Львовом, теряя время и напрасно тратя свои силы, атакуя пехоту противника, прочно окопавшуюся на подступах к городу при поддержке кавалерии и с воздуха».

Сталин не простил Тухачевскому те дополнения, которые тот внес в его биографию. Улучив верный момент, этот человек мстил всякому, кто когда-либо задевал его за живое. Тухачевскому не было суждено стать исключением.

В прошлом действительно существовали серьезные разногласия между Сталиным и Красной Армией. Эти /232/ разногласия касались главной политической линии и закончились компромиссом, как это обычно бывает во всех правительствах. Конечно, разногласия проистекали из страстной преданности делу революции, и никто из нас не сомневался в абсолютной лояльности к Советскому правительству отдельных представителей Красной Армии, критиковавших политику Сталина.

Происхождение и истинная подоплека разногласий между Сталиным и командным составом Красной Армии — вопрос отдельный. (Троцкистская оппозиция в армии была, разумеется, ликвидирована задолго до начала великой чистки.)

Однако здесь крайне существенно выяснить основные моменты разногласий. Насильственная коллективизация крестьянских хозяйств с высылкой и другими принудительными мерами привела к истреблению миллионов крестьян. Это немедленно отразилось на состоянии Красной Армии, которая по своему происхождению в подавляющем большинстве была крестьянской. Солдаты и новобранцы были полны негодования, горечи и, возвратившись домой, готовы были даже вступить в борьбу за родственников, пострадавших от кампании по коллективизации. Деревни были разорены и уничтожены войсками ОГПУ, которым было приказано быстро и тщательно провести работу по «ликвидации кулака». Вспыхнули крестьянские восстания на Украине и Северном Кавказе. Они были с беспощадностью подавлены специальными отрядами ОГПУ, поскольку Красной Армии нельзя было доверить расстрел русских крестьян. Моральный дух Красной Армии быстро падал. Политуправление армии, наиболее активный помощник в осуществлении политики национальной обороны, возглавляемое Гамарником, представляло собой чуткий, нервный организм, улавливающий любые колебания в своих рядах. Через Политуправление Генеральный штаб и весь командный состав армии получал информацию из первых рук, свидетельствующую о взрывчатом настроении как в солдатских казармах, так и среди крестьян в деревнях.

В 1933 году маршал Блюхер, бывший в то время командующим Дальневосточным военным округом (примеч. — В.К. Блюхер был командующим Особой Дальневосточной армией. *Прим. сост*), направил Сталину ультиматум, в котором говорилось, что пока крестьяне Восточной Сибири не будут освобождены /233/ от существующей жесткой регламентации, он не может считать себя ответственным за оборону Приморского края и Приамурья от нападения японцев. Положение Сталина у власти было в то время настолько шатким, что он был вынужден сделать уступки крестьянам областей, находящихся в пределах округа под командованием Блюхера. Несколько лет спустя Сталину пришлось внести поправки в общую программу коллективизации, в результате чего колхозники получили в пользование небольшие участки земли.

Борьба Советской власти и крестьянства на этом не кончилась. Она вспыхнула с новой силой теперь, летом 1939 года, с проведением в жизнь указа о том, что колхозники не имеют права приступать к работе на своих участках, не выполнив норм на колхозном поле. Для всякого командующего Красной Армии в наши дни становилось ясно, что спустя десять лет после попытки

«решить» проблему сельскохозяйственного производства за спиной каждого колхозника должен стоять сотрудник ОГПУ, чтобы обеспечить поставки продовольствия на случай войны.

Такие же чувства, естественно, разделяли Генеральный штаб и командный состав во главе с Тухачевским. Другая причина появившихся к этому времени разногласий кроется в сталинской политике уступок перед лицом японской агрессии, первым делом выразившейся в продаже важной в стратегическом отношении Китайско-Восточной железной дороги. Это также волновало Красную Армию, особенно офицеров. Военный комиссар Ворошилов в это время был полностью на стороне командующих Красной Армии и вместе с Гамарником и Тухачевским отстаивал точку зрения военных на сталинском Политбюро. Эта «оппозиция» настаивала на том, что, во-первых, крестьянство нельзя восстанавливать против, если мы хотим, чтобы Красная Армия оставалась надежной, и, во-вторых, что советская политика в отношении Японии должна быть твердой. Сталин утверждал, что коллективизация создаст прочную экономическую основу для укрепления мощи Советского Союза, что все следует принести в жертву этой политике и что Россия должна добиваться мира любой ценой, чтобы завершить строительство социализма.

В течение ряда лет Тухачевский безуспешно обращался к Сталину с требованием выделить ресурсы для модернизации технического оснащения Красной Армии, /234/ И в этом он находил поддержку среди молодых офицеров, выпускников советских военных академий. Сталин знал об этой давней мечте Тухачевского и решил пойти ему навстречу. Таким путем был заключен политический договор, по которому Сталин получал свободу действий «о внешней и внутренней политике, а руководство Красной Армии — финансовую поддержку для ускорения ее модернизации. Армия в значительной мере преуспела, выполняя свои обязательства по этой сделке; что же касается колхозов, то, как об этом свидетельствуют указы, вышедшие этим летом, им так и не удалось стать прочной экономической основой.

Такова сущность так называемой «оппозиции» Красной Армии Сталину.

В действительности это был один из случаев многочисленных политических разногласий, которые возникали на различных этапах создания и развития советской системы национальной обороны. Однако тогда это столкновение мнений породило за границей множество самых невероятных слухов о борьбе за власть между Ворошиловым и Сталиным. На самом деле ничего подобного не было. Нечто похожее случалось и в прошлом, когда

возникали расхождения во взглядах между Сталиным и различными политическими оппозиционными группами…

Теперь мне стало ясно, что Сталин решил свести счеты с командующими Красной Армии так же, как он уже сделал это со своими политическими противниками.

Момент был выбран самый подходящий. Коллективизация перешла из острой стадии кризиса в застойную, хроническую болезнь.

Высшие командиры Красной Армии избежали участи, которую более десятилетия испытывала на себе политическая оппозиция. Военные жили вне той особой партийной атмосферы, в которой люди то и дело «отклонялись» от верного сталинского курса, «раскаивались в своих ошибках», снова «отклонялись», снова «раскаивались», навлекая на себя все более суровые кары, все сильнее расшатывая свою собственную волю. Дело, которым занимались военные, укрепляя армию и систему обороны страны, сохранило им их моральный дух.

Сталин знал, что Тухачевский, Гамарник, Якир, Уборевич и другие командиры высших рангов никогда не будут сломлены до состояния безоговорочной покорности, которую он потребовал теперь от всех, кто его окружал. Это были люди исключительного личного мужества. /235/ К тому же он помнил времена, когда его собственный престиж был низок, как никогда, а эти генералы, особенно Тухачевский, пользовались огромной популярностью не только у командиров и рядовых красноармейцев, но и у всего остального народа. Он помнил также, как в критический период для его власти во время принудительной коллективизации, голода и восстаний военные с неохотой поддерживали его, ставили препоны на его пути, вынуждали его идти на уступки. Он вовсе не был уверен, что теперь, столкнувшись с резкой переменой в его внешнеполитическом курсе, они будут по-прежнему признавать его полновластие.

Таков был мой ход мыслей, и я тогда пытался угадать, какой способ выберет Сталин для «ликвидации» своих генералов.

До меня из Москвы стали доходить известия, свидетельствующие об усиливающейся изоляции не только Тухачевского, но и нескольких других генералов. Многие из его ближайших помощников были арестованы. Кольцо вокруг Тухачевского сжималось все сильнее. Для тех из нас, кто находился за пределами России, становилось ясно, что его не спасут ни блестящая характеристика, ни занимаемое положение. Единственная возможная ситуация, которая могла спасти его, это международный кризис. Даже Сталин едва ли решился бы оставить фронт открытым перед лицом военной опасности.

В марте 1937 года я вернулся в Москву под предлогом обсуждения с Ежовым одного исключительно секретного дела. Однако реальным мотивом было страстное желание узнать, что в действительности происходит. Цель двух судебных процессов по «делу о государственной измене» старых большевиков была полной загадкой для всех просоветских сил в Западной Европе. Масштаб сталинской чистки возрастал день ото дня, и это подтачивало единство наших сторонников за границей.

В Москве я почувствовал со всей силой атмосферу террора в высших сферах Советского правительства. Размах чистки был даже больше, чем сообщалось за пределы России. Один за другим исчезали люди, которые были моими друзьями или знакомыми со времен гражданской войны, надежные и преданные командиры Генерального штаба и других отделов Красной Армии. Никто не знал, будет ли он завтра на своем рабочем месте. Не вызывало сомнений, что Сталин плел сети вокруг всего высшего командного состава армии. /236/

Растущее напряжение, вызванное предчувствием катастрофы, было нарушено событием, которое можно сравнить со взрывом бомбы. Это были наиболее секретные донесения из Германии, переданные мне Слуцким, который вернулся в штаб-квартиру ОГПУ в Москве. Суть новостей заключалась в том, что проект соглашения между Сталиным и Гитлером заключен и доставлен в Москву Канделаки, секретным эмиссаром Сталина в Берлине.

Давид Канделаки, выходец с Кавказа и земляк Сталина, официально состоял советским торговым представителем в Германии. В действительности он был личным посланником Сталина в нацистской Германии.

Канделаки в сопровождении Рудольфа (псевдоним секретного представителя ОГПУ в Берлине) как раз вернулся из Германии, и они оба быстро были доставлены в Кремль для беседы со Сталиным. Теперь Рудольф, который подчинялся Слуцкому по заграничной разведывательной службе, достиг такого положения с помощью Канделаки, что был направлен непосредственно с докладом к Сталину через голову его руководителя.

Канделаки добился успеха там, где другие советские разведчики оказались бессильными. Он вел переговоры с нацистскими лидерами и даже удостоился личной аудиенции у самого Гитлера.

Истинная цель миссии Канделаки была известна только пяти-шести человекам. Сталин считал это триумфом своей личной дипломатии, так как теперь в течение многих лет он один мог контролировать ход развития Советского государства. Только немногие из его ближайших помощников знали об этих

переговорах.

Наркомат иностранных дел, Совет Народных Комиссаров, то есть советский кабинет министров, и Центральный Исполнительный Комитет, возглавляемые председателем Калининым, не принимали участия в политической игре Сталина — Канделаки.

Для советских внутренних кругов, конечно, не было секретом, что Сталин стремился к взаимопониманию с Гитлером. Прошло почти три года с ночи кровавой чистки в Германии, которая убедила Сталина уже в тот момент, когда произошла, что нацистский режим прочно стоит у власти и что необходимо прийти к соглашению с сильным противником.

Теперь, в апреле 1937 года, после возвращения Канделаки в Москву Сталин был уверен, что союз с Гитлером /237/ дело решенное. В тот момент, когда шли переговоры с Гитлером, он уничтожал своих старых товарищей, объявив их немецкими шпионами. Он узнал, что в настоящее время Германия не представляет для него реальной угрозы. Путь для чистки Красной Армии был свободен.

К концу апреля ни для кого не было секретом, что маршал Тухачевский, Гамарник и ряд других представителей высшего генералитета попались в быстро затягивающуюся сеть, расставленную для них специальными агентами Сталина. Некоторые из этих деятелей еще находились на свободе, но судьба их уже была предрешена. Их отстранили от общественных дел. Считалось опасным вступать в разговор с ними. Они остались в одиночестве, окруженные зоной молчания.

Последний раз я увидел моего старого начальника маршала Тухачевского 1 мая 1937 года на Красной площади.

Праздник Первого мая — один из редких моментов, когда Сталин показывается на публике. Предосторожности, предпринятые ОГПУ в майский праздник 1937 года, превосходили все, что было в истории нашей секретной службы. Незадолго перед праздником я побывал в управлении Карнильева, в специальном отделе, который выдает разрешение правительственным служащим на проход в огороженное место у Мавзолея Ленина, представляющее собой трибуну для наблюдения за парадом.

Он заметил: «Ну и времена! 14 дней мы ничего не делаем в специальном отделе, кроме как разрабатываем меры предосторожности на майский день».

Я не получил своего пропуска до самого вечера 30 апреля, пока наконец курьер из ОГПУ не доставил его мне.

Утро майского дня было ярким и солнечным. Я рано

отправился на Красную площадь, и по дороге меня по крайней мере 10 раз останавливали патрули, которые проверяли не только мой пропуск, но и документы.

Я подошел к Мавзолею Ленина без пятнадцати минут 10 — время, когда начинается празднование.

Трибуна была уже почти заполнена. Весь персонал ОГПУ был мобилизован по этому случаю, их сотрудникам предписывалось одеться в гражданскую одежду, чтобы они выглядели как «наблюдатели» парада. Они находились здесь с 6 часов утра и занимали все свободные ряды. Позади и впереди каждого ряда правительственных служащих и гостей выстроились ряды сотрудников /238/ и сотрудниц ОГПУ. Таковы были чрезвычайные меры для обеспечения безопасности Сталина.

Несколько минут спустя после того как я расположился на трибуне, знакомый, стоявший рядом со мной, подтолкнул меня локтем и прошептал: «Вот идет Тухачевский».

Маршал шел через площадь. Он был один. Его руки были в карманах. Странно было видеть генерала, профессионального военного, который шел, держа руки в карманах. Можно ли прочесть мысли человека, который непринужденно шел в солнечный майский день, зная, что он обречен? Он на мгновение остановился, оглядел Красную площадь, наполненную толпами людей, платформами и знаменами, и проследовал к фасаду Мавзолея Ленина — традиционному месту, где находились генералы Красной Армии во время майских парадов.

Он был первым из прибывших сюда. Он занял место и продолжал стоять, держа руки в карманах. Несколько минут спустя подошел маршал Егоров. Он не отдал чести маршалу Тухачевскому и не взглянул на него, но занял место за ним, как если бы он был один. Еще через некоторое время подошел заместитель наркома Гамарник. Он также не отдал чести ни одному из командиров, но занял место в ряду, как будто бы он никого не видит.

Вскоре ряд был заполнен. Я смотрел на этих людей, которых знал как честных и преданных слуг революции и Советского правительства. Несомненно, они знали о своей судьбе. Каждый старался не иметь никакого дела с другим. Каждый знал, что он узник, обреченный на смерть, которая отсрочена благодаря милости деспотичного хозяина, и наслаждался тем немногим, что у него еще оставалось: солнечным днем и свободой, которую толпы людей и иностранные гости и делегаты ошибочно принимали за истинную свободу.

Политические лидеры правительства во главе со Сталиным стояли на ровной площадке на вершине Мавзолея. Военный парад

начался.

Обычно генералы оставались на своих местах во время демонстрации трудящихся, которая следовала за военным парадом. Но на этот раз Тухачевский не остался. В перерыве между двумя парадами маршал вышел из ряда. Он все еще держал руки в карманах, шагая по Опустевшему проезду прочь с Красной площади, и скоро скрылся из виду. /239/ 4 мая его поездка во главе делегации, которая должна была присутствовать на коронации Георга VI, была отменена. Вместо него назначен адмирал Орлов, нарком Военно-Морского Флота. Но поездка адмирала также не состоялась, и он был позже расстрелян.

Я уже собирался вернуться в свою штаб-квартиру за границей, предварительно обсудив с наркомом Ежовым дело, которое заставило меня приехать в Москву. Одна из таких бесед происходила ночью. Ежов хотел видеть меня одного, и мы просидели с ним до четырех часов утра. Выйдя из его кабинета, я был удивлен, увидев Слуцкого, начальника Иностранного отдела ОГПУ, и его помощника Шпигельгласса, которые ждали меня. Они были явно озадачены моей ночной беседой с Ежовым.

Я подготовился к отъезду и спросил про свой паспорт. Мои близкие друзья посмеялись над моими приготовлениями:

— Они не дадут тебе разрешения на отъезд.

Действительно, наступило время, когда ответственных работников отзывали из всех стран мира, и никто не получал назначений за рубеж, а я был военным.

11 мая Тухачевского понизили до начальника Приволжского военного округа. Он так и не вступил в должность. Неделю спустя был арестован замнаркома обороны Гамарник (примеч. — здесь и далее Кривицкий приводит несколько версий смерти Я.Б. Гамарника, появившихся летом 1937 года в Москве, в западноевропейской и эмигрантской печати. Проверка обстоятельств его смерти проводилась Прокуратурой СССР летом 1955 года. В записке Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко в ЦК КПСС указывалось: «31 мая 1937 года Гамарник Я. Б., будучи тяжело больным, выстрелом из пистолета покончил жизнь самоубийством». Другие версии о его кончине не подтвердились (см.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 68). *Прим. сост.*), наипреданнейший член большевистской партии. Это был признак, говоривший о том, что Сталин приступил к планомерному уничтожению высшего командного состава Красной Армии.

В эти дни последовал такой поток арестов и расстрелов людей, с которыми я был связан всю жизнь, что казалось, будто крыша трещит над Россией и все здание Советского государства

рушится вокруг меня.

У меня еще не было разрешения на отъезд, и я действовал, решив, что его не выдадут. Я послал телеграмму жене в Гаагу, чтобы она подготовилась к возвращению в Москву с ребенком.

И вдруг мне неожиданно сообщили, что мой паспорт /240/ готов и я могу приступить к исполнению своих обязанностей за границей, причем немедленно.

Нечто похожее на панику охватило всех командиров Красной Армии. В последние дни перед моим отъездом из Москвы общая тревога достигла небывалого накала. Каждый час доходили до меня известия о новых арестах.

Я пошел прямо к Михаилу Фриновскому, заместителю наркома ОГПУ, который вместе с Ежовым проводил великую чистку по приказу Сталина.

— Скажите, что происходит? Что происходит в стране? — добивался я от Фриновского. — Я не могу выполнять свою работу, не зная, что все это значит. Что я скажу своим товарищам за границей?

— Это заговор, — ответил Фриновский. — Мы как раз раскрыли гигантский заговор в армии, такого заговора история еще никогда не знала. Но мы все возьмем под свой контроль, мы их всех возьмем. Нам теперь стало известно о заговоре с целью убийства самого Николая Ивановича (Ежова).

Фриновский не привел доказательств существования заговора, так «неожиданно» раскрытого ОГПУ. Но в коридорах Лубянки я столкнулся с Фурмановым, начальником отдела контрразведки, действующего за границей среди белоэмигрантов.

— Скажи, тех двоих первоклассных людей это ты послал к нам? — спросил он.

Я не понял, о чем речь, и спросил:

— Каких людей?

— Ты знаешь, немецких офицеров, — ответил он и начал шуткой укорять меня за упорство, с которым я не желал отпускать моих агентов в его распоряжение.

Это дело полностью выскользнуло у меня из памяти.

Я спросил у Фурманова, как ему удалось узнать обо всем этом.

— Так это было наше дело, — с гордостью ответил Фурманов.

Я знал, что Фурманов в ОГПУ отвечал за антисоветские организации за рубежом, такие, как Международная федерация ветеранов царской армии, во главе которой стоял живший в Париже генерал Миллер. Из его слов я понял, что двое моих агентов были направлены на связь с русскими белоэмигрантскими группами во Франции. Я вспомнил, что

Слуцкий назвал это делом величайшей важности. Фурманов теперь дал мне понять, что существовал реальный заговор, послуживший мотивом /241/ чистки Красной Армии. Но до меня это тогда не дошло.

Я выехал из Москвы вечером 22 мая. Это было похоже на бегство из города в разгар землетрясения. Маршала Тухачевского арестовали. В ОГПУ ходили упорные слухи о том, что Гамарника тоже арестовали, хотя «Правда» дала сообщение о том, что он избран в состав Московского Комитета партии, что делалось только с ведома и одобрения самого Сталина. Я вскоре смог разобраться в этих противоречивых фактах. Сталин загнал в угол Гамарника, одновременно предложив ему в последнюю минуту передышку при условии, что он согласится на то, что его имя будет использовано для уничтожения Тухачевского. Гамарник отверг это предложение.

В конце месяца я прибыл в Гаагу. Официальный бюллетень из советской столицы оповещал мир о том, что заместитель военного наркома Гамарник покончил жизнь самоубийством в ходе расследования. Позже я узнал, что Гамарник не покончил жизнь самоубийством, а был убит в тюрьме людьми Сталина.

11 июня Москва опубликовала первое сообщение об аресте Тухачевского и семи других командиров высших рангов, объявив их нацистскими шпионами и сообщниками Гамарника. 12 июня пришло известие о расстреле восьми военачальников, якобы по приговору военного трибунала из шести военачальников высших рангов.

По крайней мере один из этих шести судей, генерал Алкснис, по моим данным, уже был узником ОГПУ в тот момент, когда он, как сообщалось, вершил суд над своим прежним начальником Тухачевским.

Позже Алкснис был казнен. Такая же участь постигла двух других членов военного трибунала — генералов Дыбенко, Белова. Маршал Блюхер, четвертый член этого трибунала, попал в лапы ОГПУ через несколько месяцев.

На самом деле перед военным трибуналом не предстал ни один человек из группы Тухачевского. Не существовало даже подобия обвинения, выдвигаемого против этих жертв. Восемь генералов не были даже казнены вместе. Заключенные расстреляны по отдельности в разные дни. Ложное сообщение о том, что суд состоялся, сделано Сталиным для того, чтобы рядовые военные поверили этой сказке о «внезапном» раскрытии заговора в Красной Армии.

Насколько внезапным было открытие, насколько реальным /242/ был заговор и каков был характер свидетельств этого

«заговора, которого не знала история» — все эти вопросы разрешились сами собой, когда я вернулся в Париж.

Помощник начальника контрразведки ОГПУ Шпигельгласс прибыл в Париж в начале июля из Москвы с особо важной миссией. У нас с ним была назначена встреча в кафе «Клозериде-Лила» на бульваре Монпарнас. Наша беседа продолжалась несколько часов. Разговор зашел о деле Тухачевского.

Знакомство со статьей, озаглавленной «Кризис иностранной секретной службы», которая появилась в газете «Правда» вслед за расстрелом, позволило сделать мне открытие.

— Что за глупая статья и кого она введет в заблуждение? — сказал я. — Москва доказывает миру, что разведка Германии имела на своей службе как минимум восемь маршалов и генералов Красной Армии. Основная цель статьи, вероятно, состоит в попытке доказать наличие кризиса в разведслужбе Германии. Какой нелепый аргумент! Автору следовало бы приложить больше усилий, чтобы доказать такую серьезную точку зрения. Она просто сделает нас предметом насмешек за границей.

— Но статья была написана не для вас и не для осведомленных людей, — возразил Шпигельгласс. — Она предназначается для широкого круга читателей внутри страны.

— Это ужасно для нас, советских людей, — сказал я. — Оповестить мир о том, что германская разведка смогла завербовать в качестве шпионов фактически весь Генштаб Красной Армии. Вы, сотрудники ОГПУ, должны знать, что если наша контрразведка преуспеет и завербует одного полковника какой-нибудь иностранной армии, то это станет событием огромного значения. Об этом немедленно доведут до сведения самого Сталина, и он будет считать это великим триумфом. Если Гитлер преуспел в вербовке восьми наших главнокомандующих, то сколько еще младших командиров являются его шпионами в нашей Красной Армии.

— Чепуха! — возразил Шпигельгласс. — Они у нас все в руках, мы всех их вырвали с корнем, — провозгласил он возбужденным тоном.

Я передал ему содержание короткой секретной депеши от одного из моих ведущих агентов в Германии. На официальном приеме, устроенном высокопоставленными /243/ нацистскими чиновниками, на котором присутствовал мой агент, был поднят вопрос о деле Тухачевского. Капитану Фрицу Видеманну, личному секретарю Гитлера по политическим вопросам, назначенному в феврале 1939 года на пост генерального консула Германии в Сан-Франциско, был задан вопрос — была ли доля правды в сталинских обвинениях, предъявленных генералам

Красной Армии? В сообщении моего агента воспроизводился хвастливый ответ Видеманна:

— У нас не восемь шпионов в Красной Армии, а гораздо больше. ОГПУ еще не напало на след всех наших людей в России.

Я хорошо знал цену таких заявлений, так же как и офицер контрразведки любой страны. Это был тип информации, специально предназначенной для широких кругов и порочащей моральный облик противника. На языке военной разведки это известно как дезинформация.

Уже во время первой мировой войны немецкий генерал Штафф создал службу, известную под названием «служба дезинформации». Эксперты этой службы стряпали всевозможные секретные военные планы и приказы, которые затем попадали окольными путями в руки врага в качестве подлинных документов. Преследовалась цель ввести врага в заблуждение, сбить с пути истинного. Иногда даже у военнопленных находили настолько тонко разработанные секретные планы на основе некоторых фактов, что тот, кто взял пленного, был уверен, что получил бесценную информацию.

Эта характерная особенность шпионажа и контршпионажа была до последнего времени составной частью военных служб известных европейских государств. Всемогущая секретная служба тоталитарных диктатур переняла эту практику. Развитие искусства дезинформации шло параллельно с усиливающимися попытками таких организаций, как ОГПУ и гестапо, внедрить шпионов в лагерь противника под маской преданных агентов.

Шпигельгласс, ветеран ЧК и ее преемника ОГПУ, был хорошо знаком с этой практикой. Однако он отмел подозрения о том, что в Красной Армии гораздо больше нацистских агентов.

— Уверяю вас, — сказал он, — за этим ничего не стоит. Мы все выяснили еще до разбора дела Тухачевского и Гамарника. У нас тоже есть информация из Германии. /244/ Из внутренних источников. Они не питаются салонными беседами, а исходят из самого гестапо. — И он вытащил бумагу из кармана, чтобы показать мне. Это было сообщение одного из наших агентов, которое убедительно подтверждало его аргументы.

— И вы считаете такую чепуху доказательством? — парировал я.

— Это всего лишь пустячок, — продолжал Шпигельгласс, — на самом деле мы получали материал из Германии на Тухачевского, Гамарника и всех участников клики уже давным-давно.

— Давным-давно? — намеренно повторил я, думая о «внезапном» раскрытии заговора в Красной Армии Сталиным.

— Да, за последние семь лет, — продолжал он. — У нас имеется обширная информация на многих других, даже на Крестинского. (Крестинский был советским послом в Германии на протяжении 10 лет, а позже заместителем наркома иностранных дел.)

Для меня не было новостью, что в функцию ОГПУ входило наблюдение и сообщение о каждом шаге должностных лиц и военных независимо от ранга, и в особенности когда эти лица находились в составе миссий за границей. Каждый советский посол, министр, консул или торговый представитель был объектом такого наблюдения. Когда такой человек, как Тухачевский, выезжал из России в составе правительственной комиссии для участия в похоронах короля Георга V, когда человек масштаба генерала Егорова направлялся с визитом доброй воли в страны Балтики, когда офицер типа генерала Путны получал назначение на пост военного атташе в Лондоне, — все их приходы и уходы, все их политические разговоры становились предметом донесений, в избытке направляемых в Москву агентами ОГПУ.

Как правило, правительство доверяет своим слугам, в особенности тем, которые занимают ответственные посты, и не обращает внимания на очернительства, содержащиеся в шпионских донесениях.

Работая в Генштабе в Москве, мне, например, представилась возможность прочитать донесения о моей собственной деятельности в Германии, в основе которых лежали факты, подтасованные таким образом, чтобы скомпрометировать меня. Даже в Советском правительстве в прошлом было обычным делом знакомить с таким материалом человека, замешанного в этом деле. /245/ Сталин все это отменил. Взяв под контроль ОГПУ, он начал собирать в особо секретном кабинете все донесения подобного рода, касающиеся всех ответственных работников Советского правительства. Эти досье росли и пухли от материала, который поступал от разветвленной сети ОГПУ. Не имело значения, насколько фантастичными, фальшивыми и подозрительными были обвинения против выдающихся советских военачальников. Угодливые сотрудники ОГПУ не брезговали ничем. Сталин считал, что будет полезно на всякий случай иметь компрометирующие факты на всех.

Секретное досье ОГПУ стало полниться материалами, фабрикуемыми различными иностранными «службами дезинформации», включая гестапо. Я напомнил Шпигельглассу о бесполезности таких доказательств, выдвигаемых против Красной Армии.

— Вы действительно всерьез полагаетесь на информацию из Германии? — заметил я.

— Мы получаем информацию через кружок Гучкова, — ответил Шпигельгласс, — туда внедрен наш человек.

Когда Шпигельгласс сказал мне, что сведения против Тухачевского получены от агентов ОГПУ в гестапо и попадали в руки Ежова и Сталина через кружок Гучкова, я едва удержался, чтобы не ахнуть.

Кружок Гучкова представлял собой активную группу белых, имеющего тесные связи, с одной стороны, в Германии, а с другой стороны, самые тесные контакты с Федерацией ветеранов царской армии в Париже, возглавляемой генералом Миллером.

Основателем кружка был Александр Гучков, известный член Думы, возглавлявший Военно-промышленный комитет при царском правительстве во время первой мировой войны. В юности Гучков возглавлял добровольческую русскую бригаду во время англобурской войны. После свержения самодержавия был военным министром. После Октябрьской революции организовал за границей группу русских военных экспертов и поддерживал связи с теми элементами в Германии, которые были прежде всего заинтересованы в экспансии Германии на Востоке.

Кружок Гучкова долгое время работал на генерала Бредова, начальника контрразведки германской армии. Когда Бредов был казнен в ходе гитлеровской чистки 30 июня 1934 года, его отдел и вся его заграничная сеть /246/ были переданы под контроль гестапо. Кружок продолжал служить гестапо даже после смерти самого Гучкова в 1936 году.

По данным Шпигельгласса, связь ОГПУ с кружком Гучкова была по-прежнему такой же тесной. Дочь самого Гучкова была агентом ОГПУ и шпионила в пользу Советского Союза. Однако у ОГПУ был человек в самом центре кружка. Было очевидно, что клика Миллер — Гучков, состоящая из белых, имела в своих руках оригиналы главного «доказательства» измены Тухачевского, использованного Сталиным против высшего командного состава Красной Армии.

Ключ к разгадке «заговора, которого не знала история» попал в мои руки в Париже утром 23 сентября 1937 года. Я делал подборку газет с кричащими заголовками, повествующими о похищении генерала Евгения Миллера, главы Федерации ветеранов царской армии, в полдень, в среду 22 сентября. Оказалось, что в 12 часов 10 минут перед выходом из своего кабинета Миллер вручил помощнику запечатанный конверт со словами: «Не думайте, что я сошел с ума, однако на сей раз я оставляю вам запечатанное послание, которое прошу вскрыть

лишь в том случае, если не вернусь».

В тот день Миллер не вернулся. Тогда было приглашено несколько его коллег для вскрытия конверта. В нем лежала записка следующего содержания:

«Сегодня в 12 часов 30 минут у меня назначена встреча с генералом Скоблиным на углу улиц Жасмэ и Раффэ. Он должен взять меня на рандеву с двумя немецкими офицерами. Один из них — военный атташе сопредельного государства Штроман, полковник, другой — герр Вернер, сотрудник здешнего германского посольства. Оба хорошо говорят по-русски. Встреча организована по инициативе Скоблина. Возможно, это ловушка, поэтому я оставляю вам эту записку».

Я был поражен ссылкой в записке Миллера на «двух немецких офицеров», возможно, заманивающих его в ловушку. Итак, такова была «колоссальная» работа, для выполнения которой Слуцкий откомандировал двух моих лучших агентов еще в начале декабря 1936 года, Таким было «дело», которое Фурманов, специалист ОГПУ по контршпионажу белых, имел в виду, когда говорил мне в Москве о моих «немецких офицерах».

Генерал Скоблин был правой рукой Миллера в военной организации белых. Женой Скоблина была знаменитая /247/ русская певица, исполнительница народных песен Надежда Плевицкая. Коллеги Миллера пришли в ту ночь в отель, где проживали Скоблин и его жена. Сначала Скоблин отрицал, что знает что-либо о местонахождении Миллера или о назначенном обеде, предъявляя алиби своей непричастности. Когда ему показали, записку Миллера и пригрозили отправить в полицейский участок, Скоблин, воспользовавшись удобным моментом, выскользнул из комнаты и уехал в поджидавшем его автомобиле.

Следов Миллера не было найдено. Скоблин тоже исчез.

Плевицкая была арестована как пособница преступления. Бумаги, найденные в их номере, позволили установить, что Скоблин был, вне всякого сомнения, агентом ОГПУ. Плевицкая находилась в тюрьме во время расследования и предстала перед судом в декабре 1938 года в Париже. Ее обвиняли в шпионаже в пользу Советского Союза, и она была осуждена на 20 лет, что было очень суровым приговором, вынесенным когда-либо французским судом женщине.

Итак, генерал Скоблин — центральная фигура заговора ОГПУ против Тухачевского и других генералов Красной Армии. Скоблин играл тройную роль в этой трагедии макиавеллиевского масштаба и был главным действующим лицом, работавшим по всем трем направлениям. В качестве секретаря кружка Гучкова он

был агентом гестапо. В качестве советника генерала Миллера он был лидером монархистского движения за рубежом. Эти две роли выполнялись им с ведома третьего, главного хозяина — ОГПУ.

Записка, оставленная генералом Миллером, который, вероятно, испытывал некоторые колебания в отношении встречи с двумя «немецкими офицерами», назначенной Скоблиным, стала уликой при разоблачении Скоблина. В ходе следствия по делу его жены, Плевицкой, продолжавшегося с 5 декабря по 14 декабря 1938 года, которое привлекло к себе большое внимание в Европе, удалось выяснить, что Скоблин был непосредственно связан с загадочным похищением в начале 1930 года генерала Кутепова — предшественника генерала Миллера на посту главы Федерации ветеранов царской армии.

Скоблин был главным источником «доказательств», собранных Сталиным против командного состава Красной Армии. Это были «доказательства», родившиеся в гестапо /248/ и проходившие через «питательную среду» кружка Гучкова в качестве допинга для организации Миллера, откуда они попадали в сверхсекретное досье Сталина.

Когда Сталин решил, что его отношения с Гитлером дозволяют ему приняться за комсостав Красной Армии, ему потребовались секретные досье ОГПУ. Конечно, он знал истинную цену таким «доказательствам». Знал, что это дезинформация чистой воды.

Однако мог существовать еще один канал утечки информации, который надо было перекрыть любой ценой, чтобы замести следы в деле против командного состава Красной Армии. Скоблин, как человек ОГПУ, был благонадежным. Лишь один человек вне гестапо мог бы поведать миру об этом деле. Этим человеком был генерал Миллер. Он знал обо всем, что находилось в руках Скоблина, и даже больше того. Если бы Миллер когда-нибудь заговорил, он мог бы обнародовать источник «доказательств» против Тухачевского и мог бы даже рассказать, через какие каналы поступала в ОГПУ эта дезинформация. Через него можно было бы установить, что существует связь между заговором Сталина против высшего комсостава Красной Армии и двумя главными врагами Красной Армии — гитлеровским гестапо и организацией белогвардейцев в Париже. Миллера необходимо было устранить.

Подоплека сталинского «дела» против Тухачевского и его соратников теперь представилась мне во всей своей масштабности. Преследуемый страхом потерять власть, Сталин не гнушался никакими средствами.

Тяжко было сознавать, что уничтожение высшего командного

состава Красной Армии на самом деле было не заговором против Сталина, а заговором, состряпанным самим Сталиным. По трупам своих бывших друзей и соратников по революции, создателей и строителей Советского государства Сталин постепенно, шаг за шагом, добирался до вершины власти, которая давала бы ему возможность единолично распоряжаться судьбами своего народа. Судьба маршала Тухачевского и других генералов была решена в декабре 1936 года, когда Радек подписал свое секретное признание, продиктованное ему Сталиным через посредство Вышинского. Оставалось установить лишь дату расправы.

Похищение генерала Миллера планировалось на декабрь 1936 года, когда специальный курьер доставил мне требование Слуцкого выделить двух человек, которые /249/ сыграли бы роль «немецких офицеров». Но возникло непредвиденное препятствие. Какое? Оно выяснилось лишь во время суда над Плевицкой 11 декабря 1938 года. В тот день адвокат Рибэ прочел письмо, посланное Миллеру генералом Добровольским из Финляндии, в котором содержался намек на то, что положение Скоблина в глазах некоторых его коллег несколько пошатнулось.

— Увы! — сказал адвокат Рибэ. — Это предупреждение не пошатнуло доверия Миллера к Скоблину.

Но это доверие не могло быть бесконечным. Поэтому первоначальная дата похищения Миллера была лишь перенесена.

Тем временем Скоблин вновь стал личным советником Миллера и, по заданию ОГПУ, зорко следил за развитием событий по делу Тухачевского.

Слуцкий вернулся в Москву. Примерно через три недели после этого Шпигельгласс прибыл в Париж, где я в последний раз видел его.

22 сентября ловушка, расставленная ОГПУ для Миллера, захлопнулась, он был похищен, и вскоре после этого Шпигельгласс, прибывший во Францию со «специальной миссией», исчез. По данным из надежных источников, он сам стал жертвой великой чистки. Спустя несколько месяцев Слуцкий «совершил самоубийство», согласно официальному сообщению в советской печати (примеч. — По одной из версий, А. А, Слуцкий, назначенный наркомом внутренних дел Узбекистана, был отравлен во время прощального банкета в кабинете Н. И. Ежова. *Прим. сост.*).

Чудовищный сталинский спектакль с участием высшего командного состава Красной Армии в качестве нацистских шпионов теперь стал достоянием истории. Сталин ликвидировал военную «оппозицию». Он ликвидировал генерала Миллера, который мог обнародовать связь между гестапо и сталинскими

«доказательствами» вины группы Тухачевского. И он же ликвидировал ликвидаторов генерала Миллера. Лишь сделка с Гитлером, так блестяще проведенная Канделаки, оказалась не совсем такой, как ожидалось.

Остается добавить, что исчезновение двух парижских генералов 22 сентября 1937 года в Париже стало в столицах мира событием номер один. Такое же место занимали сообщения о казни восьми генералов в Москве 12 июня. Однако в печати нигде не прослеживалась связь между этим двумя событиями, за исключением одного органа информации. 27 октября 1938 года официальный /250/ нацистский военный орган «Дойче Вер» («Немецкая армия») в специальной статье, посвященной чистке Красной Армии, сообщал о том, что человек, оклеветавший Тухачевского и его коллег, был «предателем, хорошо известным генералом Скоблиным, проживающим в Париже, человеком, который предал большевикам двух генералов — Кутепова и Миллера».

Когда поднимается завеса над загадкой казни высшего руководства Красной Армии, то становится очевидной подлинная подоплека «заговора, которого никогда не знала история».

VIII. Моё бегство от Сталина

В мае 1937 года Сталин одарил меня высочайшим доказательством лояльности в рамках своей власти. В течение полугода я был объектом интенсивной слежки агентов сталинского ОГПУ, слежки, которая продолжается и сейчас. Как это случилось?

Полгода назад мой ближайший друг, находящийся на советской службе за границей, порвал со сталинским режимом. ОГПУ организовало специальную группу наемных убийц, которые схватили его и убили недалеко от Лозанны, в Швейцарии. Это дело в досье швейцарской полиции квалифицировалось как дело особой важности. Оно также стало решающим фактором для моего собственного решения порвать с Советским правительством.

Я уехал в Москву из своей штаб-квартиры в Гааге в начале марта по собственной инициативе, для доклада своему

начальству. В то же время я был охвачен всепоглощающим желанием узнать из первых рук, что происходит в Советском Союзе. Моя жена и ребенок остались в Голландии, так как я не думал уезжать надолго.

16 марта самолет приземлился в Гельсингфорсе, Финляндия, и в ту же ночь я отправился поездом в Ленинград.

Это был мой обычный маршрут в Советский Союз и обратно, которым я пользовался в последние годы. Причина, по которой я избегал прямого пути через Германию, пересекая Скандинавские страны, восходит к 1923 году, когда я работал в Генштабе Красной Армии и принимал участие в военной подготовке членов Германской компартии на случай предполагаемого захвата власти. В то время я был одним из советских служащих, занятых организацией базы Красной Армии в Германии. /251/ В 1926 году у меня возникли затруднения с полицейскими властями в Берлине, и на протяжении двух месяцев я оставался там на нелегальном положении, укрываясь в советском посольстве.

Хотя впоследствии я тайно ездил через Германию несколько раз, после возвышения Гитлера в 1933 году это стало особенно опасно, так как Москва не хотела, чтобы я попал в руки гестапо.

Вот почему я возвращался домой через Скандинавские страны. На этот раз, в марте 1937 года, в связи с чисткой ОГПУ выдача виз на въезд в Советский Союз была ограничена, и через наши границы почти не было движения. Единственными пассажирами поезда, ехавшими со мной, были три американца, очевидно, путешествовавшие по дипломатическим паспортам, так как их багаж не проходил досмотра. Группа состояла из супружеской пары и молодого блондина лет тридцати в высокой черной меховой шапке, который говорил по-русски и по всем признакам был сотрудником посольства США в Москве. На советской таможне произошел короткий разговор, касающийся дипломатического багажа, в котором было много огромных пакетов, содержимое которых стало предметом всяческих догадок советских таможенников.

В железнодорожных кассах в Ленинграде я встретил старого друга и товарища.

— Ну, как дела? — спросил я его.

Он оглянулся и ответил приглушенным голосом:

— Аресты, одни аресты. Только в одной Ленинградской области арестовано более 70 процентов всех директоров заводов, включая военные заводы. Это — официальная информация, полученная нами от партийного комитета. Никто не застрахован. Никто никому не доверяет.

В Москве я остановился в гостинице «Савой», так как мы

сдали нашу квартиру одному нашему коллеге. Чистка была в разгаре. Многие из моих товарищей исчезли. Было рискованно выяснять судьбу жертв. Многие из моих телефонных звонков к друзьям остались без ответа. А лица тех, кого еще не забрали, были непроницаемы.

Один из моих ближайших друзей — Макс Максимов-Уншлихт, племянник бывшего заместителя военкома Уншлихта, — занимал вместе с женой комнату, соседнюю с моей. В течение почти трех лет Макс возглавлял нашу контрразведку в нацистской Германии — пост, который /252/ считался наиболее рискованным в нашем ведомстве. Он недавно женился на девушке из провинции, одаренной художнице, которая приехала в Москву учиться живописи. Так как большую часть времени она была дома, я хранил свои личные бумаги в их комнате.

У меня была привычка заходить к Уншлихтам вечером, и мы обычно разговаривали до рассвета. Я хотел знать новости. Дядя Макса уже впал в немилость. Он был смещен со своего высокого поста в армии и назначен на ничего не значащий пост секретаря ЦИК. Ежедневно исчезали друзья и коллеги, а также родственники Уншлихтов. Среди них было много генералов и комиссаров.

«Почему они арестовали генерала Якира? Почему он схватили генерала Эйдемана?» Я задавал такие вопросы Максу, чтобы пролить свет на то, что происходит в стране.

Однако Макс был убежденным сталинцем и защищал чистку, не давая мне удовлетворительных ответов.

— Это грозные времена для Советского Союза, — бывало, говорил он. — Кто против Сталина, тот против революции.

Однажды ночью я вернулся к себе в гостиницу очень поздно. Лег спать, не постучав в дверь Уншлихтов. Среди ночи я был разбужен шумом в коридоре. Должно быть, ОГПУ… пришли за мной, подумал я. Однако меня не побеспокоили. В семь утра ко мне постучали. Когда я открыл дверь, то увидел жену Макса Регину, слезы текли по ее щекам, в глазах стоял ужас.

— Они забрали Макса! Они забрали Макса! — все, что она могла сказать.

Оказалось, Макс был арестован накануне вечером, как только вошел в гостиницу, вернувшись с работы. Ночью агенты ОГПУ производили обыск в его кабинете и случайно забрали мои личные бумаги вместе с остальными материалами. Рано утром директор гостиницы объявил Максимовой-Уншлихт, что она в течение часа должна освободить комнату. В Москве у Регины не было родственников. У нее не было денег. И невозможно было снять комнату в Москве так быстро.

Я пытался убедить директора гостиницы не выгонять ее, однако он оставался непреклонным. Его отношение ко мне, казалось, изменилось. Я ведь был близким другом Макса. Выражение его лица говорило, что он не считает и мое положение таким же прочным, как накануне. /253/

Я позвонил нашему общему другу, занимающему ответственный пост в контрразведке, с которым встретился двумя днями раньше в комнате Макса. Я спросил его, может ли он что-нибудь сделать, чтобы Регину не выбросили на улицу.

Его ответ был кратким:

— ОГПУ арестовало Макса. Следовательно, он враг, Я ничего не могу сделать для его жены.

Я пытался спорить с ним, но он дал мне понять, что для меня будет лучше, если я не стану вмешиваться в это дело. И повесил трубку.

Я позвонил сотруднику ОГПУ, отвечавшему за арест Макса, и потребовал немедленно вернуть мне личные документы. Я решил действовать без колебаний в этом вопросе. Довольно странно, но сотрудник ОГПУ был весьма вежлив.

Когда я объяснил ему, почему хранил бумаги в комнате Макса, и выразил готовность приехать и забрать их, он ответил:

— Я сейчас же пришлю вам пакет с курьером, товарищ Кривицкий.

Через полчаса бумаги были у меня. В течение дня я помогал Регине устроить дела, чтобы она могла вернуться в тот же вечер в свой родной город. Я дал ей необходимые деньги, Мы поняли, что ей бесполезно оставаться в Москве, так как она не могла навещать мужа в тюрьме или каким-то образом помочь ему. В то время было запрещено посылать политзаключенным передачи с едой и одеждой.

Моей первой задачей, как только я добрался до работы в тот день, была подготовка двух докладов, касающихся моих связей с Максом. Один был адресован моему начальству в отделе, другой — в парторганизацию. Это было неписаным законом, предусматривающим, чтобы все члены партии излагали полную историю своей связи с кем-либо, обвиняемым в политических проступках. Не написать такой доклад равносильно признанию виновности.

Шпионская слежка распространилась по всей стране. Первой обязанностью каждого советского гражданина стал поиск предателей, в соответствии с указанием Сталина. Именно он предупреждал, что «враги народа, троцкисты и агенты гестапо рыскают повсюду, проникают в любую область. Ежовская машина террора давала следующую интерпретацию сталинскому призыву:

«Обвиняйте /254/ друг друга, доносите друг на друга, если хотите остаться в живых».

Мания шпионажа заставляла людей доносить на своих друзей и даже близких родственников. Доведенные страхом до безумия, люди были охвачены слежкой, чтобы спасти себя, они предлагали ОГПУ все новые и новые жертвы.

Менее чем за пять месяцев 1937 года ОГПУ провело 250000 политических арестов — по официальным данным, полученным мною у начальника спецотдела, занимающегося чисткой. Ранг заключенных варьировался от маршалов и основателей Советского государства до рядовых партийцев.

Так, окруженный со всех сторон этим потоком арестов и казней, я занялся работой, сообщил Ежову о неотложных делах за границей, которые необходимо было уладить до возвращения в Голландию. Наверняка среди моих коллег были такие, кто сомневался, что мне разрешат выехать из страны. Однако я просил дополнительно выделить мне пять-шесть высококвалифицированных агентов, необходимых для пополнения моего штата за границей. Несколько выпускников наших секретных школ, где мужчины и женщины обучались разведке, направлялись ко мне на проверку.

Одной из оперативных работников, рекомендованных мне нашим завкадрами, была американка по имени Кити Харрис, ранее Катрин Харрисон. Ее представили мне как бывшую жену Эрла Браудера, лидера Компартии США, и следовательно, исключительно надежную. В то время мне была необходима женщина-агент для работы в Швейцарии. Особенно хорошо было то, что у нее был американский паспорт.

Когда Кити Харрис пришла ко мне, подав свои документы в запечатанном конверте, оказалось, что она тоже жила в гостинице «Савой». Ей было около 40 лет, темноволосая, с хорошей внешностью, она была связана с нашей разведслужбой на протяжении нескольких лет. Кити Харрис хорошо отзывалась о Браудере и в особенности о его сестре, которая была у нас на службе в Центральной Европе.

Я одобрил назначение мисс Харрис на загранпост, и она уехала 29 апреля. Другие, которых я отобрал, были также направлены к моим сотрудникам в Западной Европе. Стало ясно, что чистка и даже арест Макса не повлияли на мое положение. Иначе Ежов не разрешил бы /255/ мне подбирать и посылать агентов за границу, если бы у него были намерения подвергнуть меня чистке.

Но чистка нависала над нами, подобно лавине. Одна из моих старейших переводчиков, женщина, прослужившая в отделе

многие годы, была схвачена ОГПУ. Ее было просто некем заменить, так как работа требовала исключительного доверия к человеку, который обладал бы знанием многих языков. Когда я выяснял причину ее ареста, мне сказали, что ее муж — директор одного из московских заводов — арестован из предосторожности.

— Какой смысл держать десяток людей за границей и платить большие деньги, чтобы они собрали информацию для Политбюро, если у меня нет секретаря, который мог бы перевести ее и сделать подборку? — обратился я к Слуцкому, начальнику контрразведки ОГПУ.

Он лишь пожал плечами. Он не мог мне помочь и найти замену.

Примерно в середине мая я встретил старого приятеля, который работал военным атташе в Румынии. Это был крупный мужчина, весельчак, чувство юмора не покидало его даже в такое время. Он остановился, когда увидел меня на улице, и воскликнул:

— Мне кажется или это ты, Вальтер? Как, тебя еще не арестовали? Ничего, они скоро до тебя доберутся! — и он разразился смехом.

Мы поговорили. Он строчил без остановки, называл имена арестованных военных. Что касается его самого, то он не сомневался в том, что скоро придет его черед. В это время маршал Тухачевский и его коллеги были уже под арестом.

Я ненадолго приехал в Советский Союз. Прошло два месяца, а приказа на возвращение все не было. Казалось невероятным, что мне разрешат выехать из страны в разгар чистки Красной Армии. Я дал телеграмму жене в Голландию, чтобы она с ребенком готовилась к возвращению в Москву.

22 мая, в день, когда судьба самого военкома Ворошилова висела на волоске и когда с минуты на минуту ожидали его смещения, я был вызван Михаилом Фриновским, правой рукой Ежова. Он сказал мне, что мой отъезд решен, что я должен уехать вечером. Мои коллеги расценили это как знак глубокого доверия, оказанного мне Кремлем.

Однако когда я доехал до Белоострова, на границе с Финляндией, то из окна заметил знакомую фигуру /256/ местного начальника, который бросился к моему вагону, размахивая телеграммой.

У него приказ о моем аресте — понял я.

Многих арестовывали, когда они уже готовились пересечь границу. Я только подумал: почему же меня не арестовали раньше?

Поезд остановился. Начальник сердечно поздоровался со

мной. Телеграмма из Москвы была обычным сообщением о моем прибытии с целью оказания содействия, которое полагалось служащим секретных органов, проезжающих по фальшивым паспортам.

У меня был паспорт, с которым я уехал из Советского Союза в 1935 году. Он был на имя Эдуарда Миллера, австрийского инженера. Этот паспорт хранился для меня в советском посольстве в Стокгольме только на случай моих поездок из Швеции в Советскую Россию. По прибытии в Стокгольм я взял там паспорт, по которому проживал в Голландии. Там я опять стал доктором Мартином Лесснером, австрийским торговцем произведениями искусства, проживающим по Целебестраат, 32, Гаага.

Несмотря на потрясения, пережитые в Москве, я возвращался на свой пост с решимостью так же преданно служить Советскому правительству, как я это делал раньше в течение 18 лет. У меня не было и мысли, что я мог бы не оправдать доверие, оказанное мне моим правительством. Моя жена, мои непосредственные подчиненные, мое начальство верили, как и я сам, что моя карьера будет продолжаться.

Однако этому не суждено было случиться. Я прибыл в Гаагу 27 мая. Двумя днями позже меня пришел навестить мой старый приятель и товарищ Игнатий Райсс. Он на протяжении многих лет работал в нашей контрразведке. Его знали под псевдонимом Людвиг. На этот раз у него был паспорт на имя чеха Ганса Эберхардта.

Райсс был глубоко обеспокоен чисткой среди старых большевиков и «расследованиями по делу о государственной измене» и решил порвать с Москвой. Он ждал моего возвращения из Советской России с нетерпением и приехал в Голландию на пару недель, чтобы получить информацию из первых рук о событиях дома. Мои ответы на его многочисленные и испытующие вопросы произвели на него тягостное впечатление, так как Райсс был настоящим идеалистом, посвятившим себя делу коммунизма и мировой революции. Он все глубже и глубже /257/ уверовал в то, что политика Сталина все в большей степени перерождалась в фашизм.

Райсс и я были связаны совместной работой в подполье в течение многих лет, и вряд ли были такие тайны, в которые мы оба не были посвящены. Он говорил мне о крушении иллюзий, о своем желании бросить все, уехать в какой-нибудь отдаленный уголок и забыть прошлое и настоящее. Я использовал весь запас аргументов, настаивая на прежней установке: мы не должны уклоняться от борьбы. Советский Союз был все еще единственной

надеждой рабочих мира, повторял я. Сталин может ошибаться. Сталины придут и уйдут, а Советский Союз останется. Наш долг — оставаться на посту.

Несмотря на то, что Райсс был убежден: Сталин ведет Советский Союз к катастрофе, он уехал из Гааги с мыслью, что будет наблюдать за ходом событий в Москве и отсрочит свой предполагаемый разрыв с Советской властью.

Я вновь встретил Райсса в Париже, куда поехал в июле для встречи с моими агентами. В 7 часов вечера в субботу 17 июля у меня было свидание с ним в кафе «Вебер», длившееся несколько минут. Ему хотелось поговорить со мной подольше, и, очевидно, это было для него чрезвычайно важно. Мы договорились, что он позвонит мне в 11 на следующее утро, и мы договоримся о встрече. Я остановился в отеле «Наполеон».

Два часа спустя я получил срочное извещение от моей парижской секретарши Мадлен, где мне предлагалось встретиться со Шпигельглассом, помощником начальника Отдела контрразведки ОГПУ, который был направлен Ежовым в Западную Европу с сугубо секретной миссией.

Я встретил Шпигельгласса на территории Всемирной выставки и сразу же заметил, что случилось нечто необычное. Он вытащил два письма, которые в тот день Райсс передал Лидии Грозовской, агенту ОГПУ при нашем торгпредстве в Париже, для отправки в Москву. Райсс был уверен, что его письма не будут вскрыты во Франции. Он не знал, что находится под подозрением и что у Шпигельгласса были неограниченные полномочия. Шпигельгласс вскрыл оба письма. Ежов дал ему полное право проводить чистку зарубежных служб и ни перед чем не останавливаться, даже перед возможным похищением или убийством подозреваемых агентов.

— Да, — заметил Шпигельгласс, указывая на письма /258/ в руке, — мы даже подозревали вас сначала в переходе на сторону врага, когда получили сообщение о том, что в Голландии появился крупный советский агент и установил контакт с троцкистами. Мы выяснили, что предатель — это Людвиг!

11 июня, в день, когда в Москве была объявлена чистка восьми генералов Красной Армии во главе с маршалом Тухачевским, мой друг Райсс поехал в Амстердам, о чем скоро узнали в ОГПУ. Там он тайно совещался с Х. Снивлитом, членом парламента, лидером профсоюза транспортных рабочих Амстердама, и признался в сочувствии троцкизму. У ОГПУ везде были глаза и уши.

Сначала у Шпигельгласса не было намерения показывать мне письма об отставке, посланные Райссом, однако в конце концов

он уступил и дал мне их прочесть. Основное заявление было адресовано ЦК партии, т. е. Сталину, ее Генеральному секретарю. Это письмо было датировано 17 июля и написано за несколько часов до моей краткой встречи с Райссом, который, очевидно, намеревался обсудить со мной эту акцию во время нашего свидания, назначенного на следующий день…

Для Шпигельгласса послание Райсса означало лишь одно — государственную измену. С этого времени Райсс стал шпионом, опасным врагом, которого необходимо было «ликвидировать». Сталин не разрешает советским агентам безнаказанно оставлять службу.

— Вы знаете, что отвечаете за Райсса, — значительно сказал Шпигельгласс. — Вы рекомендовали его в Компартию и предложили взять его в нашу организацию.

Он продолжал говорить, что у него есть информация о том, что Райсс хочет уехать из Франции на следующее утро и что кому-то придется действовать этой ночью или будет слишком поздно. Сначала он остерегался намекать мне приложить руку к «ликвидации» Райсса. Я делал вид, что не понимаю, на что он намекает, и пытался перевести разговор на другие аспекты дела.

Шпигельгласс предложил, чтобы к нашему совещанию присоединился близкий друг Райсса, находившийся тогда в Париже, бывший венгерский пастор, состоявший под именем Манна в нашей секретной организации. Манна нашли, и он согласился приехать. /259/

Тем временем Шпигельгласс стал более откровенным. Он не оставил у меня сомнений в том, что моя собственная судьба зависела от моего поведения в ту ночь. На его настойчивые приглашения принять участие в организации «решения» дела Райсса, чтобы каким-то образом реабилитировать себя в глазах Ежова и Сталина, я наконец дал ему понять, что не буду иметь ничего общего с подобными делами.

В этот момент я понял, что моя работа на Советскую власть кончена, что я не отвечаю новым требованиям новой сталинской эры, что во мне нет способностей, которыми обладают такие, как Шпигельгласс и Ежов, и что я не выдерживаю испытания преступлением, которому сейчас подвергаются те, кто хотел служить Сталину. Я давал клятву служить Советскому Союзу, а не Сталину, диктатору.

Затем я спросил Шпигельгласса, имеет ли он полномочия принять от меня дела, так как возникшая ситуация несомненно требовала моего возвращения в Москву. Он ответил, что это вне его компетенции и что мне лучше уладить это непосредственно с моим начальством.

Теперь к нам присоединился Манн. Пока мы обсуждали вопрос о ренегатстве Райсса, Шпигельгласс время от времени отлучался в другой павильон, очевидно, совещался со своим другим агентом. Во время одного из таких отсутствий, уже после полуночи, я пошел к телефону и позвонил Райссу в отель. Как только Райсс ответил на другом конце, я повесил трубку. Между часом и тремя утра 18 июля Манн и я четыре раза звонили ему таким образом. Звонки должны были служить предупреждением Райссу о том, что ему угрожает опасность.

Вернувшись в отель, я ждал звонка Райсса в 11 часов, чтобы назначить встречу на воскресенье. Мой телефон зазвонил в 10 утра. Это был Манн. Он попросил меня немедленно прийти. Я сказал ему, что через час у меня встреча с Райссом.

— Вы, конечно, можете идти, но он не появится, ответил Манн.

Потрясенный мыслью о том, что Райсс уже убит, я помчался к Манну. Шпигельгласс был уже там.

— Он сбежал, — выпалил он. — Он уехал из гостиницы в 7 утра. Он, должно быть, на пути к Троцкому.

Манн и я обменялись взглядами. Стало легче дышать. /260/ На следующее утро, 19 июля, в понедельник, я получил письмо от Райсса, в котором он прощался со мной и объяснял свой поступок. Прочитав, я положил письмо в карман. Я был слишком занят своими собственными делами. Было ясно, что меня отзовут, чтобы призвать к ответу. Я отправил рапорт в Москву, где излагал суть дела. Хотя я и не совершал ничего дурного, я знал, что на сталинской службе быть в близких отношениях с кем-либо, кто порвал с ней, было серьезным делом, а мой отказ сотрудничать с Шпигельглассом в «ликвидации» Райсса будет рассматриваться Ежовым и Сталиным как серьезный проступок. Я предполагал вернуться домой и запросил инструкции.

В 3 часа утра во вторник 20 июля я был разбужен телефонным звонком. Это был Шпигельгласс, он спросил:

— Вы получили письмо?

Я ответил, что не знаю, о чем он говорит. В эту минуту письмо Райсса выскользнуло у меня из памяти. Шпигельгласс попросил меня сейчас же встретиться с ним. Я колебался. Он настаивал, говоря, что это срочно, и я наконец согласился. Я быстро оделся и встретился с ним у ближайшего кафе. И на этот раз Шпигельгласс спросил меня, получил ли я письмо от Райсса. Удивившись его всеведению, я подтвердил это и вытащил письмо из кармана. Он потребовал, чтобы я дал его прочесть, а затем спросил, может ли он немедленно переснять его, что крайне необходимо. Ему хотелось иметь фотокопию письма. Я решил

отдать ему оригинал.

Мое положение еще более усложнилось. Я получил письмо от «предателя» Райсса и не уведомил об этом Шпигельгласса немедленно. Более того, я даже отрицал, когда он в первый раз разбудил меня телефонным звонком, существование письма. В глазах Шпигельгласса это делало меня сообщником Райсса.

Я велел жене собираться и приехать с ребенком из Голландии, готовиться к возвращению в Москву. Она приехала в Париж в конце месяца, и мы поселились под именем Лесснеров в пансионе на улице Мароньер, в жилом квартале Парижа Пасси.

10 августа пришел приказ о моем возвращении в Москву. Так как срок действия моего австрийского паспорта на имя Эдуарда Миллера истек, мне был выслан специальный паспорт на имя чехословацкого коммерсанта Шёнборна. Я должен был выехать из Гавра в Ленинград /261/ французским судном «Бретань», регулярно курсирующим летом между этими двумя портами.

Еще до моего отзыва Шпигельгласс узнал от меня, что сестра Эрла Браудера Маргарет была одним из моих оперативных сотрудников, и попросил меня передать ее ему, так как у него для нее во Франции была «важная работа», для выполнения которой нужны были надежные люди. Впоследствии оказалось, что в Париже Шпигельгласс «выполнял» два «важных дела»: похитил генерала Миллера, уже описанного в предыдущей главе, и организовал убийство Игнатия Райсса.

Теперь, когда я получил указание передать дела Щпигельглассу, он попросил меня познакомить его лично с ведущими агентами и особенно просил представить ему мисс Браудер, работавшую по американскому паспорту, выданному на имя Джин Монтгомери.

После моего возвращения из Советского Союза в конце мая я вызвал ее в Нидерланды. Я встретился с ней в начале июня в Амстердаме, где она жила в отеле «Пэи-Ба». Так как мое рабочее место находилось в Гааге, что было слишком далеко для частых встреч, я предложил, чтобы она перебралась в Шевенинген. Здесь она жила в июне и июле 1937 года в отеле «Зирест». В конце июля я вызвал ее в Париж, где она остановилась в отеле «Лютеция» на бульваре Распай.

Джин Монтгомери просила американские паспорта для наших агентов и говорила, что последние будут избавлены от всяких хлопот, имея документы США, так как многие страны не требуют виз от путешествующих американцев, а полиция редко беспокоит их. Шпигельгласс был очень доволен, пополнив свой штат мисс Браудер.

Другим моим исключительно талантливым агентом, которого

я лично представил Шпигельглассу, был молодой голландец Ганс Брусс, сын видного профсоюзного лидера. Гансу предстояло сыграть в предстоящие неделю роковую роль. Он был наиболее доверенным лицом в моих необычных делах и стал близким другом семьи. Я очень любил этого молодого человека и его жену Нору.

21 августа я готовился к отъезду в Москву на «Бретани». С того момента, как на меня обрушилось дело Райсса, когда я еще находился в отеле «Наполеон», я понял, что за мной следят. Когда моя жена и ребенок приехали в Париж и мы перебрались в пансион в Пасси, слежка стала еще более явной. Жена обнаружила это, /262/ когда пошла гулять с ребенком в парк. Это, несомненно, было делом рук Шпигельгласса. Жена заболела. Ребенок болел коклюшем. Так как день моего отъезда приближался, мне предстояло заняться устройством семьи, с тем, чтобы она последовала за мной в Москву на несколько недель позже.

С паспортом на имя Шёнборна я прибыл около 7 часов вечера на вокзал Сен-Лазар, чтобы сесть на 8-часовой поезд, шедший в Гавр, откуда пароходом я должен был добраться до Ленинграда. До отхода поезда оставалось около 10 минут. Я уже сдал багаж и сел в вагон, когда помощник парижского агента ОГПУ ворвался с запиской. Он сказал, что только что получена телеграмма из Москвы с инструкциями о том, чтобы я остался в Париже. Я отнесся к этому скептически. Через две минуты один из моих людей влетел, задыхаясь, чтобы сообщить, что получено другое зашифрованное послание такого же содержания. Я попросил прочитать телеграммы, но мне сказали, что они у Шпигельгласса. Я забрал багаж и вышел из вагона в тот момент, когда поезд тронулся.

Меня осенило: все это было инсценировано для того, чтобы проверить меня, посмотреть, действительно ли я намеревался вернуться в Советский Союз. На этот раз проверку я прошел. Но я был глубоко возмущен подобного рода штучками. В тот момент у меня возникло чувство, что я никогда не вернусь в Россию Сталина.

Я зарегистрировался в отеле «Терминюс Сен-Лазар» под именем Шёнборна, чешского коммерсанта. Моя жена все еще находилась в пансионе под именем госпожи Лесснер. Я передал весточку о том, что не уехал. В ту ночь я бродил по Парижу в одиночестве, размышляя, возвращаться или нет.

Я пытался понять, почему мой отъезд был в последний момент отложен. Хотел ли Сталин испытать меня, предоставив мне еще одну возможность доказать свою лояльность? Все же

слежка за мной заметно усилилась. Вечером 26 августа я пошел с Гансом и Норой в театр на прощальный спектакль «Враги» Горького, который давала труппа МХАТ в Париже. Мы сидели во втором ряду. Во время первого антракта на мое плечо опустилась рука. Я обернулся. Это был Шпигельгласс с несколькими приятелями.

— Вы можете уехать завтра с этими артистами на одном из наших пароходов, — сообщил он мне. /263/

Я со злостью попросил его не беспокоить меня, добавив:

— Поеду, когда буду готов.

Я заметил, что Шпигельгласс и его спутники вскоре после этого исчезли из театра. Тотчас я телеграфировал в Москву, что вернусь с семьей, как только поправится ребенок.

27 августа я переехал в Бретей, в двух часах езды от Парижа, и мы спокойно жили там около недели до выздоровления ребенка. Утром 5 сентября, читая «Пари матен», я был удивлен сообщением о загадочном убийстве гражданина Чехословакии Ганса Эберхардта в окрестностях Лозанны. Итак, они настигли Игнатия Райсса!

Убийство Райсса превратилось в шумное дело в Европе и докатилось до американской прессы и остальных стран. Швейцарская полиция с помощью депутата Снивлита и вдовы Райсса провела серьезное расследование, длившееся многие месяцы. Отчет по делу был включен в книгу, появившуюся во Франции в прошлом году под заголовком «Убийство Игнатия Райсса», опубликованную Пьером Тезне. В ходе полицейского разбирательства были установлены следующие факты.

Ночью 4 сентября в стороне от дороги, ведущей из Лозанны на Шамбланд, было обнаружено тело неизвестного мужчины в возрасте около 40 лет, изрешеченное пулями. Пять пуль в голове и семь в теле. В руке убитого была зажата прядь седых волос. В кармане был найден паспорт на имя Ганса Эберхардта и железнодорожный билет во Францию.

Автомобиль американского производства, найденный 6 сентября в Женеве, навел на след двух загадочных постояльцев: мужчины и женщины, зарегистрировавшихся 4 сентября в «Отель де ля Пэж» в Лозанне, которые выехали, не заплатив по счету и оставив свой багаж. Женщиной была Гертруда Шильдбах, немецкой национальности, проживающая в Риме. Она была агентом ОГПУ в Италии. Мужчиной был Роланд Аббиа, он же Франсуа Росси, он же Пи, житель Монако — один из парижских агентов ОГПУ.

Среди вещей, оставленных Гертрудой Шильдбах в отеле, была коробка шоколадных конфет, содержащих стрихнин, теперь

попавшая в руки швейцарской полиции. В деле она фигурировала как одна из улик. Мадам Шильдбах была близким другом семьи Райсса и часто играла с его ребенком. Очевидно, она не смогла решиться /264/ выполнить инструкцию ОГПУ и преподнести коробку конфет, когда была направлена Шпигельглассом нанести дружеский визит.

Гертруда Шильдбах сама была политически неблагонадежна с момента чистки и потенциально была готова вместе с Райссом порвать с Москвой. Райсс знал о ее колебаниях. Однако об этом знали и высшие чины ОГПУ. Райсс доверял ей. Он поехал пообедать с ней в ресторан близ Шамбланда, чтобы обсудить положение. Так думал Райсс. После обеда они вышли немного погулять. Прогуливаясь, попали на глухую дорогу. Появился автомобиль и резко затормозил. Из него выпрыгнуло несколько мужчин, которые напали на Райсса. Он пробовал защищаться. С помощью Шильдбах, клок волос которой был зажат в руке убитого, нападающим удалось запихнуть его в машину.

Один из людей — Аббиа-Росси — с помощью другого агента ОГПУ, вызванного из Парижа, Этьена Мартиньи, выстрелил в Райсса в упор. Его тело выбросили из машины неподалеку от этого места.

Личность Ренаты Штейнер, родившейся в Сент-Галле, Швейцария, в 1908 году, была опознана теми, кто сдавал ей внаем автомобиль американского производства, использованный убийцами Райсса. Мадмуазель Штейнер работала в ОГПУ с 1935 года, и в ее задачу входило следить за Седовым, сыном Троцкого. Это было до ее участия в ликвидации Райсса. Она была в числе соучастников преступления и помогла следствию. Автором книги подсчитано, что на дело по ликвидации Райсса сталинским агентам пришлось израсходовать 300000 франков, что во Франции было большой суммой. Однако это, была еще не вся сумма, так как последствия убийства обошлись значительно дороже.

Швейцарские власти потребовали допросить Лидию Грозовскую, и, несмотря на огромное давление советских дипломатических представителей во Франции, французским властям пришлось подвергнуть ее допросу 15 декабря. Следует вспомнить, что именно Грозовская получила письма Райсса 17 июля и передала их Шпигельглассу. Она была арестована 17 декабря. Швейцарское правительство потребовало ее выдачи. Вновь начала действовать сталинская дипломатическая рука в Париже, чтобы прикрыть другую руку — убийц из ОГПУ. Французский суд временно освободил Грозовскую под залог в 50 тысяч франков, заставив ее подписать обязательство /265/ о

невыезде из Франции. Разумеется, и она бесследно исчезла, оставив сумму в 50 тысяч франков, полученную из советской казны.

Когда 5 сентября я узнал о смерти Райсса, я понял, что мое собственное положение отчаянное. Я знал, что Сталин и Ежов никогда не простят мне участия в деле Райсса. Передо мной был выбор — либо пуля на Лубянке от рук сталинских официальных палачей, либо струя из пулемета от тайных сталинских убийц за пределами России. Эта страшная дилемма начала медленно доходить и до моей жены. Я решил вернуться в Париж к семье. Я все еще готовился к отъезду в Москву. Моя секретарша Мадлен нашла удобный отель в предместье Сен-Жермен. Мы зарегистрировались в отеле «Анри катр». Мадлен, коммунистка с большим стажем, дочь известного деятеля, была непоколебимой приверженкой Сталина, но теперь и она начала колебаться.

Здесь приблизительно в середине сентября появился мой молодой помощник Ганс Брусс. Он сильно расстроился, узнав об убийстве Райсса. Он получил инструкции ехать в Голландию, где жила вдова Райсса. Ему было приказано выкрасть записи и письма, оставленные Райссом, однако он вернулся с пустыми руками. Его заставляли ехать обратно и не останавливаться ни перед чем, даже перед убийством ради кражи бумаг. В отчаянии, со слезами на глазах он приехал ко мне за советом.

Я сказал ему, что Райсс был идеалистом, настоящим коммунистом и что будущая история революционного и рабочего движения осудит убийц ОГПУ. Я посоветовал ему саботировать опасное задание, которое дал ему Шпигельгласс, и рассказал, как это сделать. Но я все еще говорил ему о своем неминуемом возвращении в Москву. И Ганс знал, что Мадлен пыталась забронировать билеты для меня и моей семьи на «Бретань».

Я получил разрешение из Москвы плыть на советском судне, и мне сказали, что следующее судно, которое должно уйти из Гавра по расписанию 6 октября, — «Жданов». Для меня нужно было подготовить новые паспорта на имя советского гражданина, проезжающего через Францию по пути из Испании в Россию. Моя жена и ребенок должны были вернуться через Германию по другому паспорту.

К концу сентября я пришел к важному решению. Однажды жена спросила меня, каковы мои шансы остаться в живых по возвращении в Москву. /266/

Я сказал ей то, что думал:

— Никаких. — И добавил: — Зачем тебе страдать из-за меня? Когда ты вернешься, они заставят тебя подписать бумагу, в которой ты должна будешь отречься от меня и назвать

предателем. За это тебя и ребенка пощадят. Что касается меня, то там ждет верная смерть. Жена заплакала. Редкий день проходил, когда она не плакала. Хотя шансов уйти живым от преследований сталинских убийц во Франции было мало, я все же решил ими воспользоваться и найти способ спастись, чтобы начать новую жизнь. Длинный и опасный путь пролег между моим решением порвать с Москвой и осуществлением этого плана.

У меня не было легальных документов. Помимо этого, за моими передвижениями следили денно и нощно. Для улаживания дел мне необходима была помощь человека, которому я мог бы полностью доверять. Мой выбор пал на старого друга, который многие годы жил в Париже. Я все рассказал ему, и он согласился мне помочь. Он поехал на юг Франции и снял небольшой домик для нас в городке Йер близ Тулона. 3 октября он вернулся. На следующий день я был вызван в советское посольство, чтобы уладить дела перед моим возвращением в Россию на пароходе «Жданов».

Ранним утром 6 октября я оплатил счета в отеле и направился на Аустерлицкий вокзал, где встретился с другом. Он забрал наш багаж и отправил его в отель «Бои Лафайет». Жена и ребенок должны были пойти на прогулку в Венсенский лес в 9 утра и гулять там до 11 часов. Я посадил их там в такси и отвез в кафе «Серебряная башня». Оттуда мы поехали в отель «Бои Лафайет», где друг ждал нас с нашими пожитками. Через 15 минут прибыл заранее нанятый для длительной поездки автомобиль. Шофер оказался американцем, ветераном мировой войны, проживающим во Франции. Он думал, что везет семью на отдых.

Все это было превентивными мерами, предпринятыми для того, чтобы замести следы перед агентами ОГПУ. Предполагалось, что я уеду в тот день в Гавр, чтобы сесть на советское судно. Вместо этого мы отправились на машине в Дижон. На окраине Парижа я вышел, чтобы позвонить Мадлен и уведомить ее о моем разрыве с Советской властью. Она ничего мне не ответила, когда я сообщил ей эту новость. Позже я узнал, что она упала в обморок. /267/

Мы приехали в Дижон в 9 вечера, вышли из машины на станции и сели в поезд до Лазурного берега. На следующее утро в 7 часов мы добрались до нашего укрытия в Йере. В тот же вечер наш друг вернулся в Париж, чтобы добиться от властей защиты для меня.

В начале ноября я приехал в Париж. Через адвоката вдовы Райсса я установил связь с сыном Троцкого Львом Седовым, который издавал в Париже «Бюллетень оппозиции» с лидерами

русских социалистов, проживающих в эмиграции. Они были в хороших отношениях с правительством Леона Блюма, стоявшего тогда у власти. Я написал мадам Райсс. Написал также Гансу н Норе, к которым питал доверие, с просьбой поместить объявление в парижской газете «Эвр», если они хотели встретиться со мной. Я полагал, что Ганс последует моему примеру в разрыве со сталинской службой.

Я встретился с Федором Даном, лидером русских социалистов, и несколькими его товарищами. Они продолжали хлопотать перед правительством о выдаче мне удостоверения личности и свидетельства о гражданстве.

В эти дни ОГПУ сделало первую попытку покушения на меня. Я услышал об этом от Ганса. Я написал ему, что только в том случае, если он решит порвать со Сталиным, может связаться со мной. Я получил от него весточку, что он по-прежнему живет в отеле «Бретон», улица Дюфо. Я позвонил ему, и мы договорились встретиться в кафе недалеко от площади Бастилии.

«Я пришел от имени организации», — были почти первые слова, произнесенные Гансом. Я тотчас понял, что Ганс должен играть ту же роль, какую Гертруда Шильдбах сыграла в деле Райсса. Для меня это было серьезным ударом, так как я глубоко верил этому юноше. Но я быстро взял себя в руки, когда увидел несколько подозрительных лиц за столиком напротив нас. Они курили австрийские сигареты, а сидели мы в маленьком кафе в мелкобуржуазном районе Парижа. Я был уверен в их принадлежности к ОГПУ.

Ганс сказал, что приехал в Париж с намерением порвать с советской службой, но что на протяжении двух дней с ним проводил беседы специальный уполномоченный из Москвы, который убедил его, что я (Кривицкий) был не прав и что все, что делалось Сталиным, было на благо дела. Ганс продолжал меня агитировать, используя все те же известные мне аргументы. Однако я делал вид, что они производят на меня впечатление. /268/

— Они знают в Москве, что вы не предатель и не шпион, — сказал он мне. — Вы старый революционер, но вы просто устали, вы не выдерживаете напряжения. Возможно, они разрешат вам уйти в отставку, чтобы как следует отдохнуть. Ведь вы — наш человек.

Так рассуждал этот юноша.

— Разве вы не сели в поезд 21 августа, чтобы уехать домой? Но вы еще успеете. Мы вас отправим. Во всяком случае, уполномоченный из Москвы понимает вашу проблему и хочет с вами встретиться и поговорить. Вы, несомненно, знаете его,

однако я не имею права его называть.

Пока Ганс говорил, я наблюдал за его руками на случай, если он подаст какой-нибудь знак группе за соседним столиком. Я упорно думал, как бы мне выбраться из ловушки. Я поблагодарил Ганса за то, что они прислали из Москвы такого умного человека. И выразил большое нетерпение встретиться с ним и все выяснить.

— Шпигельгласс просто идиот и подонок, — сказал я — Этот человек, о котором вы рассказываете, наверняка правильно поймет меня.

Ганс и я обсудили предполагаемую встречу со специальным уполномоченным. Он предложил, чтобы я встретился с ним в Голландии, в доме родителей его жены, которых я хорошо знал. Я без колебании согласился, поняв, что в их план входит вытащить меня из Франции где еще не были забыты дела Раисса и Миллера. Ганс выглядел довольным. Я уверен, что заметил его сигнал неприятным соседям о том, что все идет хорошо. Я назвал предполагаемую дату нашей встречи и почувствовал, что перехитрил посланца ОГПУ.

Сказав, что голоден, я пригласил Ганса пойти в хороший ресторан и нанял проходившее такси. Я заметил, что нас не преследовали, и почувствовал удовлетворение от того что на этот раз выскользнул из ловушки. Пришлось несколько раз менять машины, чтобы снять слежку Ганса после того, как мы расстались. Гораздо труднее было отделаться от горькой мысли об этом предательстве.

Затем я обратился непосредственно к мсье Дорма, министру внутренних дел Франции, назвав себя и попросив предоставить мне убежище в стране, во главе которой в то время стоял Леон Блюм. Я сдал все мои фальшивые паспорта, а также паспорта моей жены Федору Дану, чтобы он передал их мсье Дорма, решив, что пора /269/ получить право носить свою настоящую фамилию. Сообщение, которое я направил министру внутренних дел, начиналось следующим образом: «Нижеподписавшийся Самюэл Гинзберг, родившийся в Советском Союзе как советский гражданин, под именем Вальтер Кривицкий».

В своем послании к мсье Дорма я рассказал о работе в Советском Союзе с 1919 по 1937 год, об одобрении моей деятельности Советским правительством и Коммунистической партией, а также о том, что я был дважды награжден. Далее следовало:

«Последние политические события в Советском Союзе полностью изменили положение… Встав перед выбором, идти ли мне на смерть вместе со всеми моими старыми товарищами или спасти свою жизнь и семью, я решил не отдавать себя на расправу

Сталину…

Я знаю, что за мою голову обещан выкуп. Убийцы ищут меня, они не пощадят моих жену и ребенка. Я часто рисковал жизнью во имя дела, но не хочу умирать зря.

Я прошу убежища для себя и своей семьи, а также Вашего разрешения остаться во Франции, пока не смогу выехать в другую страну, чтобы зарабатывать на жизнь, обрести независимость и безопасность».

Это заявление было опубликовано в европейской печати. Оно также перепечатывалось без моего ведома как минимум в двух профсоюзных газетах Нью-йорка: в «Соушелист эпил» от 11 декабря и «Джуиш дейли форвард» от 15 декабря 1937 года.

Как следствие этого, министр внутренних дел велел парижской полиции выдать мне удостоверение личности, на основании которого позже я получил паспорта для выезда в США.

Инспектор полиции Морис Мопэн был приставлен охранять меня и сопровождать в Йер, где должен был распорядиться об охране моей семьи. Министр внутренних дел заверил, что правительство ничего не требует от меня и заинтересовано лишь в том, чтобы я не пострадал на территории Франции и чтобы не нанести ущерб франко-советским отношениям.

В сопровождении инспектора я ненадолго возвратился в Йер. Однако несколько человек знало, что мне необходимо было вернуться в Париж. Мы добрались до Марселя поздно вечером в понедельник. Поезд остановился на станции на полчаса. Другой поезд загораживал платформу. Когда состав тронулся через несколько минут /270/ после нашего прибытия, я внезапно увидел Ганса, одетого в плащ, быстро шагающего по направлению к какому-то человеку и машущего ему руками.

Я закричал инспектору Мопэну: — Вот они, убийцы!

В человеке, стоящем вместе с Гансом, я узнал Краля, старшего лейтенанта ОГПУ. Инспектор и я выскочили из купе. На противоположной стороне путей мы увидели еще двоих. Ганс, по-видимому, заметил мою тревогу или услышал мой крик, и, когда инспектор и я выпрыгнули из вагона, все четверо разбежались в стороны, держа руки в карманах. Инспектор предположил, что в руках у них гранаты. Он вытащил пистолет, и мы бросились в погоню. Но когда мы добежали до конца платформы, он вдруг приказал мне прижаться к стене, загородил меня и сказал:

— У меня приказ живым доставить вас в Париж, и я не гожусь на то, чтобы сражаться с четырьмя вооруженными убийцами.

Время близилось к полуночи, полиции вокруг не было видно. Ганс и его дружки исчезли. Мы вернулись в купе. До сих пор не могу понять, каким образом ОГПУ удалось узнать мой маршрут и

расписание. Однако нет сомнений в том, что было запланировано снять меня с поезда и препроводить в надежное место в Марселе, идеальное для проведения операции ОГПУ, где меня могли бы держать либо до отправления из порта советского судна, либо ликвидировать без следа.

В декабре я переправил из укрытия в Йере семью, и, мы поселились в «Отель дез академи» на улице Сен-Пэр в Париже, рядом с полицейским участком. Для моей Охраны было выделено трое полицейских. Они занимали соседнюю с нашей комнату, сменяясь каждые 8 часов. Днем и ночью у входа в отель дежурил офицер.

Во время последнего расследования по делу о государственной измене, проходившего в Москве в марте 1938 года, французские журналисты попросили меня выказаться. Я дал интервью Борису Суварину, бывшему члену Исполкома Коминтерна, сотрудничавшему в парижской газете «Фигаро», и Гастону Бержери, депутату Национального собрания, зятю Леонида Красина — покойного советского посла в Великобритании. Месье Бержери, сейчас редактор независимого еженедельника в Париже, был одним из первых инициаторов франко-советского альянса, однако после чистки утратил свои иллюзии. /271/ Длинная мстительная рука Сталина пыталась достать меня даже в США, куда я уехал, чтобы оградить себя от постоянной угрозы террористов ОГПУ. Во вторник 7 марта около 4-х часов дня с одним из редакторов нью-йоркской газеты мы пошли в ресторан на 42-й улице около Таймс-сквер. Через 15 минут за соседний столик сели трое мужчин. Я узнал одного из них сразу же. В нашей системе он был известен под кличкой Джим. Его настоящее имя Сергей Басов. Раньше он был матросом, жил в Крыму. Ветеран советской контрразведки Басов был направлен в США спустя годы резидентом, а сейчас приехал лишь с целью ознакомления.

Зная сталинские методы, я не сомневался, что слежка за мной поручена полковнику Борису Быкову, который руководил советской контрразведкой в США. Он получил назначение в Америку летом 1936 года.

Мой спутник и я уже собрались поспешно покинуть ресторан, когда Джим перехватил меня у кассы и весьма дружелюбно поздоровался.

— Ты приехал подстрелить меня? — спросил я.

Он запротестовал и стал настаивать на дружеской беседе. Я знал, что Гертруда Шильдбах и Ганс Брусс тоже начинали с таких дружеских разговоров. Однако я дал Джиму возможность пройтись со мной к одному издательству, где у меня был друг.

Мой спутник отстал, и с ним вступили в разговор двое других, не осмелившихся войти в здание.

Разговор с Джимом в основном касался общих знакомых в Москве и коллег за границей. Я намекнул, что ему лучше было бы уехать из страны.

Он, смеясь, заметил:

— Если они меня схватят, я получу максимум год или два. Против меня нет улик.

Боясь слежки, я оставался в издательстве довольно долго после ухода Джима.

Около 9 часов вечера приехала еще группа друзей, которые узнали о моем затруднительном положении. Это было время окончания театральных спектаклей, квартал был заполнен полицейскими, машины негде было припарковывать. На этот раз я ушел невредимым и теперь могу рассказать эту историю.

«Решительно порываю с диктатурой Сталина»

(Из кн.: Вальтер Германович Кривицкий. «Я был агентом Сталина»: Записки сов. разведчика. Пер. с англ.-М.: «Терра-Terra», 1991.- с. 273–283.)

Из вступительной статьи.

В этом разделе читатель сможет познакомиться с документами Игнатия Райсса, Александра Бармина, Вальтера Кривицкого — их заявлениями о разрыве со сталинщиной; с записью беседы В. Кривицкого с Л. Седовым, интервью А. Бармина, записками И. Райсса, опубликованными в «Бюллетене оппозиции» в 1937–1938 годах…

Райсс, Кривицкий, Бармин… Три совершенно разных человека — три различных, но вместе с тем похожих судьбы. Их протест носил ярко выраженный политический характер: в заявлениях три крупных разведчика резко отмежевывались от политики, которую проводил Сталин. Этот шаг сделан каждым из них после мучительных сомнений и раздумий. И это понятно. Ведь они представляли собой генерацию пооктябрьского поколения коммунистов, которые входили в костяк сталинского аппарата. При помощи их Сталин раздавил оппозицию. Каждый из них совершенно сознательно верил, что иначе нельзя, что он служит великому делу мировой революции и что Сталин и его окружение обеспечивают продвижение СССР к социализму. Однако именно среди значительной части этого старого аппарата со временем началось сопротивление сталинщине.

ПИСЬМО В ЦК ВКП

Письмо, которое я вам пишу сегодня, я должен был написать уже давно, в тот день, когда «шестнадцать» были убиты в подвалах Лубянки по приказу «отца народов». Я тогда молчал, я не поднял голоса протеста и при последующих убийствах, и за это я несу большую ответственность. Велика моя вина, но я постараюсь ее загладить, быстро загладить и облегчить этим свою совесть. Я шел вместе с вами до сих пор — ни шагу дальше. Наши дороги расходятся! Кто теперь еще молчит, становится сообщником Сталина и предателем дела рабочего класса и социализма.

С двадцатилетнего возраста я веду борьбу за социализм. Я не хочу теперь, на пороге пятого десятка, жить милостями Ежова.

У меня за плечами 16 лет нелегальной работы — это немало, но у меня еще достаточно сил, чтобы начать все сначала. А дело именно в том, чтоб «начать все сначала»: в том, чтоб спасти

социализм. Борьба началась уже давно — я хочу в ней найти свое место.

Шум, поднятый вокруг полярных летчиков, должен заглушить крики и стоны терзаемых в подвалах Лубянки, в Свободной, Минске, Киеве, Ленинграде и Тифлисе. Этому не бывать. Слово, слово правды все еще сильнее самого сильного мотора с любым количеством лошадиных сил.

Верно, что летчикам-рекордсменам легче добиться расположения американских леди и отравленной спортом молодежи обоих континентов, чем нам завоевать мировое общественное мнение и потрясти мировую совесть! Но не надо себя обманывать, правда проложит себе дорогу, день суда ближе, гораздо ближе, чем думают господа из Кремля. Близок день суда международного социализма над всеми преступлениями последних десяти лет. Ничто не будет забыто и ничто не будет прощено. История — строгая дама, и «гениальный вождь, отец народов, солнце социализма» должен будет дать ответ за все свои дела. Поражение китайской революции, красный референдум и поражение немецкого пролетариата, социал-фашизм и Народный фронт, признания, сделанные Говарду, и нежное воркование вокруг Лаваля; одно дело гениальнее другого! (Речь идет о международных событиях конца 20 — начала 30-х годов: о повороте Китайской республики к союзу с США и Англией; приходе к власти в Германии нацистской партии; установлении дипломатических отношений СССР с США и кампании в советской прессе, направленной на сотрудничество с главой крупнейшего газетно-журнального концерна Роем Говардом; заигрывании советской дипломатии с правительством Пьера Лаваля во Франции. *Прим. сост.*)

Процесс этот состоится публично, со свидетелями, многими свидетелями, живыми и мертвыми; все они еще раз заговорят, но на сей раз скажут правду, всю правду. Они явятся все — невинно убитые и оклеветанные, и международное рабочее движение их реабилитирует, всех этих Каменевых и Мрачковских, Смирновых и Мураловых, Дробнисов и Серебряковых, Мдивани и Окуджава, Раковских и Нинов, всех этих «шпионов и диверсантов, агентов гестапо и саботажников».

Чтобы Советский Союз, а вместе с ним и все международное рабочее движение не стали окончательно жертвой открытой контрреволюции и фашизма, рабочее движение должно изжить своих Сталиных и сталинизм. Эта смесь из худшего, ибо беспринципного, оппортунизма с кровью и ложью грозит отравить весь мир и уничтожить остатки рабочего движения.

Самая решительная борьба со сталинизмом. Не Народный

фронт, а классовая борьба; не комитеты, а вмешательство рабочих для спасения испанской революции — вот что стоит сейчас в порядке дня!

Долой ложь о социализме в одной стране и назад к интернационализму Ленина!

Ни II, ни III Интернационал не способны выполнить эту историческую миссию; разложившиеся и коррумпированные, они могут только удерживать рабочий класс от борьбы; они только еще пригодны на то, чтоб играть роль помощников полицейских для буржуазии. Какая ирония истории: раньше буржуазия поставляла из собственных рядов Кавеньяков и Галифе, Треповых и Врангелей, а теперь под «славным» руководством обоих Интернационалов пролетарии сами выполняют работу палачей в отношении своих товарищей. Буржуазия может спокойно заниматься своими делами; везде царит «спокойствие и порядок»; есть еще Носке и Ежовы, Негрины и Диасы. Сталин — их вождь, а Фейхтвангер — их Гомер.

Нет, я больше не могу. Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу.

Я хочу предоставить свои скромные силы делу Ленина; я хочу бороться, и только наша победа — победа пролетарской революции — освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма.

Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию! За организацию IV Интернационала.

Людвиг (Игнатий Райсс)

17 июля 1937 г.

P. S. В 1928 году я был награжден орденом Красного Знамени за мои заслуги перед пролетарской революцией. При сем возвращаю вам этот орден. Носить его одновременно с палачами лучших представителей русского рабочего класса — ниже моего достоинства. (В «Известиях» за последние 14 дней были приведены имена награжденных орденами; функции их стыдливо не были упомянуты: они состоят в приведении приговоров в исполнение.)

Бюллетень оппозиции. 1937. № 58–59. С. 23 ПИСЬМО В РАБОЧУЮ ПЕЧАТЬ

18 лет я преданно служил Коммунистической партии и Советской власти в твердой уверенности, что служу делу Октябрьской революции, делу рабочего класса. Член ВКП с 1919 года, ответственный военно-политический работник Красной Армии в течение многих лет, затем директор Института военной промышленности, я в течение многих последних лет выполнял специальные миссии Советского правительства за границей.

Руководящие партийные и советские органы постоянно оказывали мне полное доверие; я был дважды награжден (орденом Красного Знамени и почетным оружием).

В последние годы я с возрастающей тревогой следил за политикой Советского правительства, но подчинял свои сомнения и разногласия необходимости защищать интересы Советского Союза и социализма, которым служила моя работа. Но развернувшиеся события убедили меня в том, что политика сталинского правительства все больше расходится с интересами не только Советского Союза, но и мирового рабочего движения вообще.

Через московские публичные — и еще больше тайные — процессы прошли в качестве «шпионов» и «агентов гестапо» самые выдающиеся представители старой партийной гвардии: Зиновьев, Каменев, И. Н. Смирнов, Бухарин, Рыков, Раковский и другие, лучшие экономисты и ученые Пятаков, Смилга, Пашуканис и тысячи других — перечислить их здесь нет никакой возможности. Не только старики, все лучшее, что имел Советский Союз среди октябрьского и пооктябрьского поколений, — те, кто в огне гражданской войны, в голоде и холоде строили Советскую власть, подвергнуты сейчас кровавой расправе. Сталин не остановился даже перед тем, чтобы обезглавить Красную Армию. Он казнил ее лучших полководцев, ее наиболее талантливых вождей: Тухачевского, Якира, Уборевича, Гамарника. Он лживо обвинил их — как и все другие свои жертвы — в измене. В действительности же именно сталинская политика подрывает мощь Советского Союза, его обороноспособность, советскую экономику и науку, все отрасли советского строительства.

При помощи методов, кажущихся невероятными на Западе, — которые еще станут известны (например, на допросе Смирнова и Мрачковского), Сталин — Ежов вымогают у своих жертв «признания» и инсценируют позорные процессы.

Каждый новый процесс, каждая новая расправа все глубже подрывают мою веру. У меня достаточно данных, чтобы знать, как строились эти процессы, и понимать, что погибают невинные. Но я долго стремился подавить в себе чувство отвращения и негодования, убедить себя в том, что, несмотря на это, нельзя покидать доверенную мне ответственную работу. Огромные усилия понадобились мне — я должен это признать, — чтоб рёшиться на разрыв с Москвой и остаться за границей. Оставаясь за границей, я надеюсь получить возможность помочь реабилитации тех десятков тысяч мнимых «шпионов» и «агентов гестапо», действительно преданных борцов рабочего класса, которые арестовываются, ссылаются, убиваются, расстреливаются

нынешними хозяевами режима, который эти борцы создали под руководством Ленина и продолжали укреплять после его смерти.

Я знаю — я имею тому доказательства, — что голова моя оценена. Знаю, что Ежов и его помощники не остановятся ни перед чем, чтоб убить меня и тем заставить замолчать; что десятки на все готовых людей Ежова рыщут с этой целью по моим следам.

Я считаю своим долгом революционера довести обо всем этом до сведения мировой рабочей общественности.

В. Кривицкий (Вальтер)

5 декабря 1937 г. Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 8–9 В КОМИТЕТ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ МОСКОВСКИХ ПРОЦЕССОВ

Покидая службу, порученную мне Советским правительством, я считаю своим долгом довести об этом до вашего сведения и во имя гуманности возвысить голос протеста против преступлений, число которых растет с каждым днем. Первый секретарь полпредства в Афинах с декабря 1935 года, поверенный в делах СССР в Афинах с марта 1937 года, я в течение 19 лет находился на советской службе, в течение 19 лет был членом ВКП(б), активно борясь за Советскую власть, и отдал все силы рабочему государству.

Поступив добровольцем в Красную Армию. в 1919 году, я шесть месяцев спустя был назначен сперва политическим комиссаром батальона, затем полка, окончил школу командного состава и занимал командные должности. После наступления на Варшаву Реввоенсовет 16-й армии направил меня в Академию Генерального штаба. В 1923 году, по окончании академии, я перешел в запас в должности командира бригады. С 1923 по 1925 год был генеральным консулом СССР в Персии. В течение десяти лет работал в системе Наркомвнешторга и был с 1925 по 1931 год главным директором импорта из Франции и Италии. В 1932 году — официальным агентом СССР в Бельгии, членом правительственной делегации СССР в Польше в 1933 году, председателем треста по экспорту автомобильной и авиационной промышленности в 1934–1935 годах. Таковы вкратце мои должности до назначения в Грецию. На каких постах я бы ни находился, я думал лишь о том, чтобы сознательно и преданно служить моей стране и социализму.

Московские процессы вызвали во мне чувство ужаса и отвращения. Я не мог примириться с казнью старых вождей революции, несмотря на расточаемые ими признания. Признания эти лишь увеличивали мои душевные смятения и в то же время укрепили мои последние иллюзии. Моя искренняя преданность рабочему классу, советскому народу мешала поверить в то, что

правители страны способны на такие преступления, заставила меня вначале совершить насилие над собой и покориться фактам. Но события последних месяцев (которые я провел во Франции в отпуске) лишили меня последних иллюзий. Громкие процессы подготовили массу выступлений коммунистических кадров, то есть членов партии, которые боролись в подполье, руководили революцией и гражданской войной и обеспечивали победу первого рабочего государства и кого теперь забрасывают грязью, отдают на расправу палачам. Мне стало ясно, что в СССР устанавливается реакционная диктатура.

Один за другим исчезли, быть может, уже убиты мои руководители и товарищи, все старые большевики, бывший посол и заместитель наркома по иностранным делам Крестинский, председатель общества культурных связей с заграницей Аросев, заместитель наркома и посол в Анкаре Карахан, который, по-видимому, уже расстрелян, посол Юренез, один из руководящих политических комиссаров Красной Армии в 1918–1919 годах, Элиава, заместитель наркома внешней торговли, мои друзья и товарищи, с которыми я рука об руку боролся в течение последних 20 лет, руководители отделов Наркоминдела Цукерман и Фехнер, послы СССР Асмус (Гельсингфорс) Подольский (Ковно), Островский (Бухарест), друг и ставленник Ворошилова; генералы Геккерт, Шмидт и Савицкий — герои гражданской войны и мои товарищи по Академии, послы Давтян, Богомолов, Розенберг, Брадовский, лично мне менее известные, но в честности и преданности которых я глубоко убежден.

Я обращаюсь к общественному мнению с самым настоятельным и отчаянным призывом встать в защиту тех из них, которые, может быть, еще живы. Я горячо протестую против лживых и подлых обвинений. Я думаю, что моих товарищей, оставшихся на постах в странах Европы, Азии или Америки, ждет та же участь, та же дилемма: вернуться в СССР, что означало верную гибель, или, оставшись за границей, идти на риск быть убитым заграничными агентами ГПУ, которые до недавнего времени ходили за мной по пятам.

Дальнейшее пребывание на службе у сталинского правительства означало бы для меня худшую деморализацию и сделало меня соучастником преступлений, которые изо дня в день совершаются над моим народом. Это было бы с моей стороны предательством дела социализма, которому я посвятил всю свою жизнь.

Я следую голосу моей совести, порывая с этим правительством. Я отдаю себе отчет в опасностях, связанных с этим шагом. Я подписываю себе смертный приговор и ставлю себя

под удар наемных убийц. Все это ни в малейшей степени не может повлиять на линию моего поведения.

Отправляя свою отставку в Наркоминдел, я отказываюсь от дипломатической неприкосновенности. Я отныне превращаюсь в простого политического эмигранта и ставлю себя под защиту законов и общественного мнения оказавшей мне гостеприимство страны. Я действую в уверенности, что больше, чем когда бы то ни было, остаюсь верен идеям, которым служил всю жизнь. Да поможет мой голос общественному мнению понять, что этот режим отрекся от социализма и всякой гуманности.

Александр Бармин (Графф)

1 декабря 1937 года Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С.

5 ИЗ БЕСЕДЫ С ТОВ. КРИВИЦКИМ (ВАЛЬТЕРОМ)

— Какова сейчас ваша политическая позиция?

— Я не причисляю себя к какой-нибудь политической группировке и в ближайшее время намерен жить в качестве частного лица. Разумеется, я целиком стою на почве Октябрьской революции, которая была и остается исходным пунктом моего политического развития.

Если я хотел встретиться и ближе познакомиться с вами, то не потому, что я считаю себя троцкистом — это вытекает из вышесказанного, — а потому, что Троцкий в моем сознании и убеждении неразрывно связан с Октябрьской революцией.

— Что вы думаете о московских антитроцкистских процессах?

— Я знаю и имею основание утверждать, что московские процессы — ложь с начала до конца. Это маневр, который должен облегчить окончательную ликвидацию революционного интернационализма, большевизма, учения Ленина и всего дела Октябрьской революции.

Вы спрашиваете, как подготовляются «дела» и расправы? Ограничусь пока одним примером. Несколько месяцев тому назад был арестован Уншлихт. Арест Уншлихта взволновал меня, и я решил поговорить о его «деле» с весьма ответственным работником ГПУ Ш. (Речь идет о заместителе начальника Иностранного отдела ГПУ С. М. Шпигельглассе. Прим. сост.) Ш. рассказал, что в начале июля его вызвал к себе Фриновский (заместитель Ежова), передал ему какую-то бумажку и сказал: «Вы должны перевести содержание этой бумаги и только вы должны знать об этом». (Перевести с польского на русский.) «Каково же было содержание этой бумаги?» — спросил я. Ш. ответил, что это было заявление, написанное лично Дзержинским, кажется, в 1910 году, в котором Дзержинский утверждал, что Уншлихт состоит на службе в царской охранке. Я возразил: ведь известно, что это дело

было тогда же разобрано и было доказано, что Дзержинский ошибся; что Дзержинский взял свое обвинение назад и признал свою ошибку; что Ленин назначил Уншлихта заместителем Дзержинского в ВЧК; что в течение многих лет Дзержинский дружно работал с Уншлихтом и т. д. Ш. мне на это ничего не ответил, да и ничего ответить не мог. А Уншлихт теперь сидит и, может быть, уже и расстрелян по этому «делу».

Что касается борьбы с троцкизмом, то скажу вам только одно. Впечатление такое, что Сталин ни о чем другом не думает, что для него не существует других вопросов. В СССР ли, за границей ли, когда возникает какой-нибудь вопрос, дело и пр. — к нему подходят прежде всего под углом зрения борьбы с троцкизмом. Хорошо ли, плохо ли человек ведет работу — неважно. Важно — борется ли он с троцкистами. Делаешь доклад по серьезнейшему вопросу, видишь, что тебя почти не слушают. Под конец же спрашивают: а по части троцкистов как у тебя обстоит дело?

О похищении Эрвина Вольфа, Рейна и других я, к сожалению, ничего не знаю. Не сомневаюсь, что их отвезли в Москву. Мне лично известен случай похищения одного англичанина в Испании. Фамилии не помню, кличка его была Френт. Это был молодой радиотехник, коммунист, приехавший в 1936 году в Москву, где он совершенствовался по радио. В СССР у него был брат, также коммунист, в течение многих лет работавший инженером в советской промышленности. Из Москвы Френт выехал в Испанию, где он работал радиотехником. Там он довольно открыто высказывал свои сомнения по вопросу о сталинской политике в Испании, был противником ликвидации ПОУМа и пр. ГПУ сделало соответственные выводы, т. е. решило увезти его в Москву. Мне известно, что ему было предложено, как хорошему специалисту, произвести какой-то ремонт радиоустановки на советском пароходе. Таким путем его и привезли в Одессу.

— Каково, по вашему мнению, число политических арестованных в СССР за последний период?

— Из очень авторитетного источника я слышал, что число это определялось в мае месяце этого года в 300000 человек. В подавляющем большинстве — это члены партии и их семьи. С того времени число арестованных значительно возросло, может быть, достигло полумиллиона.

— Знаете ли вы что-нибудь о работе оппозиции в СССР?

— За последнее время — не знаю. В 1935 году, когда я был в Москве, на заводах и в университетах была распространена листовка троцкистского характера.

— Что вы можете сказать об убийстве Райсса?

— Мировое общественное мнение не сомневается в том, что Райсса убили агенты ГПУ. Я это подтверждаю.

— *Подвергаются ли, по вашему мнению, опасности вдова Райсса и ее ребенок?*

— Это не подлежит никакому сомнению.

Л. С.

Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 9–10 ОТВЕТ ТОВ. А. БАРМИНА НА ДВА ВОПРОСА

Почему и как я порвал со сталинским режимом?

Кровавая июньская расправа с Тухачевским и другими вождями Красной Армии глубоко потрясла мое сознание и поставила перед ним все пережитые сомнения о путях развития революции и ее судьбе. Снова встали переживания тяжелых и мучительных дней процессов Зиновьева и Пятакова. Растерянность, тяжелое недоумение царили среди всех товарищей по работе в афинском полпредстве. Люди молчали и избегали говорить о происшедших событиях, плохо скрывая свою тревогу и недоумение.

Несмотря на подавленность и — ставшую в последнее время обычной — разобщенность, мне все же было трудно не поделиться с некоторыми товарищами своим беспокойством, болью за судьбы СССР, за крепость Красной Армии, лишенной талантливейших вождей — цвета ее комсостава. Трудно было не высказать свое отрицательное отношение к мутному потоку грязи и клеветы, которым «Правда» и другие газеты обливали проверенных в боях, преданных революционеров.

Казалось, что мои собеседники искренне разделяют мои чувства и сомнения. Однако довольно скоро ряд симптомов дал мне почувствовать, что, во-первых, Москве стали известны эти разговоры и, во-вторых, из них сделаны «соответствующие выводы». Был срочно вызван в Москву под малоправдоподобным предлогом один из моих сотрудников (видимо, в качестве «свидетеля»). Мои друзья и товарищи по Наркоминделу, регулярно, каждый месяц, с диппочтой посылавшие мне дружеские письма, стали глухи и немы. Ни одного письма за четыре месяца! Не удостаивало меня своим вниманием и руководство наркомата, не ответившее даже на письма с рядом серьезных вопросов, вставших после смерти полпреда Кобецкого, находившегося в Москве с марта. Наконец, однажды зав. секретариатом Лукьянов (как брат секретаря ЦК ВЛКСМ он, видимо, пользовался в то время большим доверием — никто в Наркоминделе не мог предполагать, что через пару недель его знатный родич, вождь комсомола, будет объявлен «Правдой» троцкистским бандитом и германо-японским шпионом), войдя ко

мне в кабинет, смущенно заявил, что получил письменное предписание из Москвы лично, без моего участия опечатать все архивы Кобецкого и отправить их немедленно в Москву. Было похоже на то, что наркоминдельскому аппарату становилось опасно иметь со мной дело. Я уже не подыскивал больше случайных объяснений этой постепенной изоляции. Я понял и поставил вопрос о моем отзыве в Москву — ответа не было. Излишне говорить, какое отвращение и горечь охватили меня, когда я случайно увидел моих подчиненных, вскрывавших мой личный письменный стол и заглядывавших в мой портфель.

Я не старался особенно скрывать своих настроений. Когда я увидел, что вокруг меня начинается трусливая и отвратительная возня, что внезапно ко мне проявляются фальшиво-лицемерная сердечность и сочувствие (я в это время болел осложнением старого радикулита), но что с меня не спускают глаз, когда меня стали смущенно-настойчиво приглашать поужинать на прибывший совпароход, — я почувствовал глубокое презрение к людям, пытающимся спасти себя и обеспечить свою карьеру этим грязным предательством товарища. Оказалось, что двадцатью годами службы революции я не заслужил даже возможности выслушать честное и прямое обвинение в своей «ереси». Уже вошло в обычай: вместо открытых обвинений — втайне и молча делать подлое дело ренегатов. «Подозрительные» должны быть ликвидированы секретно, без шума.

19 июля я телеграфировал в Москву, что беру отпуск, предложив временное руководство полпредством поручить атташе. На другой день я взял французскую визу и вечером выехал в Париж. На вокзале две колеблющиеся тени (явно малоопытные) следили за каждым моим шагом. Это, видимо, были «идейные» добровольцы, не освоившие еще «новой» для революционера профессии, в срочном порядке мобилизованные, чтоб проследить за моими передвижениями.

Настроение было крайне подавленное, в сознании начала вырисовываться глубокая внутренняя катастрофа. Противоречивые чувства охватывали меня. Иногда все еще казалось, что дело идет о личных счетах, личной трусости и персональных расправах «вождя» хотя бы и в отношении уже многих десятков людей. Казалось, что, несмотря на эти преступления предавших революцию ренегатов, за ними все же стоит еще не разрушенное, хотя и сильно изуродованное и обезображенное здание социализма и живы еще, несмотря ни на что, основные завоевания рабочей революции — дело, созданию которого мы отдавали свою жизнь и свои силы. И тогда, при всей нелепости случившегося, личный вопрос казался совсем мелким и

незначительным.

Наряду с апатией была готовность разрушить это напряженное положение и моральное одиночество — поехать на родину, выслушать обвинения (в которые, думалось, обвинители верят, а если это так, то кто может быть прав против СЕЮСИ партии и своей страны) и принять причитающееся за свою «вину» наказание. Работать для страны, строить и мыслить ведь можно и в сибирских лагерях, а другие борцы моего поколения — более «гибкие» и более «соответствующие» новой жизни и ее требованиям — по-прежнему будут продолжать начатое вместе дело. Это, казалось, все же яснее и проще, чем мучительный разрыв, катастрофа и крушение смысла всей твоей сознательной жизни. Но события развивались и нарастали с чудовищной быстротой, беспощадно вытесняя эти размышления.

В ошеломляющей цепи расправ исчез личный конфликт. Разгром основных кадров, методы циничного массового обесчещения и убийств десятков тысяч ни в чем не повинных борцов — все, что проделано за последние месяцы, окончательно открыло мне глаза. Дело, значит, не в той или иной степени «вины». Гибли и менее виновные в «ереси», чем я, и совсем невиновные. Мои руководители и товарищи — преданные большевики — исчезали один за другим. Дело, значит, не в фантастическом «шпионаже и троцкистско-бухаринском бандитизме», а в социальной и политической принадлежности их к определенному поколению, определенному общественному слою. Реакционная диктатура, совершая контрреволюционный переворот в политике страны, уничтожила весь тот слой, который не мог служить новым целям. Ренегаты Октября прекрасно знали, что мы невиновны, что вся наша вина лишь в том, что мы явно плохой материал и непригодное орудие для целей контрреволюции и что поэтому нас надо уничтожить. Это стало бесспорно ясно для всякого, кто следил за событиями. Исчезли последние иллюзии.

Цели кровавой бойни, казавшейся непонятной жестокости и безумия обрели свое социальное и историческое значение. Стал ясен смысл политической эволюции СССР, стали ясны обман и преступная эксплуатация реакционной диктатурой великих завоеваний Октября — опустошенных изнутри и преданных, — на защите которых стоял рабочий класс всего мира; эксплуатация иллюзий западного пролетариата, позволяющих скрывать социальное значение эволюции СССР и подлинное лицо кровавой диктатуры под маской страны социализма. За завесой «самой свободной и самой демократической страны» Каины рабочего класса, бесчестные, преступные и трусливые палачи, в целях

своего самосохранения уничтожают дело революции, заливая свою кровавую работу потоком грязи, лжи и гнусных и чудовищных обвинений.

Стало ясно, что совершается величайшая ложь в истории человечества, величайшее преступление перед мировым рабочим движением.

Обманываться больше было нельзя. Отпали сами собой мысли о покорной сдаче себя на бойню, ибо терялся всякий внутренний смысл этого шага, который стал бы лишь моральным оправданием ренегатов и палачей. Нет, это не тот путь, по которому надо идти, путь, который напрашивался, когда оставались еще какие-то иллюзии. Надо проделать мучительную операцию разрыва, мужественно сделать из этого все выводы, обязательные для революционера. Надо думать о своих братьях и соратниках, о жертвах нынешних и будущих, о братьях по борьбе на Западе, жертвах иллюзий и обмана. Надо разоблачать ложь и преступления ценой любого испытания.

Убийцы Райсса просчитались. Смерть его не остановит и не запугает. Она лишь подтолкнула.

Так завершился разрыв, и родилось мое заявление от 1 декабря.

Каковы мои ближайшие намерения и цели?

Я собираюсь прежде всего найти работу и начать зарабатывать себе кусок хлеба, заняв рядовое место среди трудящихся страны, давшей мне убежище. Налаживать свою трудовую жизнь я должен, совершенно не вмешиваясь в политическую жизнь этой страны. Это не значит, конечно, что я превращаюсь в обывателя.

Я не был раньше и не являюсь и сейчас троцкистом, но я уже указал в своем письме от 1 декабря, что я не изменю идеям, которым служил всю жизнь, — делу Ленина в Октябрьской революции, делу социализма.

Бюллетень оппозиции. 1937. № 60–61. С. 10–11 ЗАПИСКИ ИГНАТИЯ РАЙССА

1. Судя по всем данным, чешской полиции был предоставлен материал, изображающий немецкого политического эмигранта Грилевича агентом гестапо. Чешская полиция, по-видимому, не очень торопилась с возбуждением дела. Очень частые звонки Сталина к Ежову с запросом о том, как подвигается дело Грилевича; он (Сталин) готов сделать все, чтоб иметь троцкистский процесс в Европе. Замечание Слуцкого (Слуцкий — начальник, теперь, возможно, бывший начальник Иностранного отдела Г'ПУ. *Авт.*): «Им (чехословацким властям) не к спеху. Там ведь сидят легионеры».

(Примечание (Записки Игнатия Райсса были составлены им по памяти и не предназначались для печати. Этим объясняются их черновой, конспективный характер, сжатость формы, иногда неточности. Примечания к запискам Райсса сделаны редакцией «Бюллетеня оппозиции». *Прим. сост.); Записки И. Райсса, как и его устные сообщения, устанавливают, что «дело» старого большевика-ленинца А. Грилевича, которого в Чехословакии пытались обвинить в «шпионаже в пользу Гитлера», целиком сфабриковано в Москве Сталиным — Ежовым. Несмотря на услужливость чехословацких властей, действовавших по директивам ГПУ, дело тов. Грилевича жалко провалилось.)*

2. В конце февраля из Парижа позвонили по телефону известному чешскому журналисту Рипке (кажется, из «Народны Листы»). С ним говорили от имени одного его венгерского друга, предлагая материалы о троцкистском процессе для использования в печати. Рипка повесил трубку. Мне известны лица, которые звонили.

(Примечание: Звонил один из резидентов ГПУ за границей, фамилия которого известна редакции; говорил он под диктовку Слуцкого, находившегося в то время в Париже. Одной из целей приезда Слуцкого за границу было, не жалея средств, расположить печать в пользу сталинских процессов. В разговоре с Рипкой речь шла о предоставлении Рипке каких-то гепеуровских фальшивок, которые должны были «доказать», что процесс Пятакова — Радека не подлог.)

3. Замечание Слуцкого о Х., занимающем официальный ответственный пост в Англии, что он является агентом И. С. (по-видимому, «Интеллидженс сервис»). Сокольников в качестве полпреда в Лондоне поддерживал с ним деловые отношения. Намерения Агр. (очевидно, Агранова) сконструировать из этих отношений «дело» и боязнь Слуцкого, что это может навлечь на его отдел большие неприятности, так как ipsissima verba (Наиподлиннейшие слова (лат.). Прим. сост.): «Сокольников вам, если вы захотите, еще столько (движение рукой) напишет о своих отношениях с Троцким, а мы останемся в дураках».

(Примечание: Агранов и К°, как и Слуцкий, одинаково хорошо знали, что отношения Сокольникова с Х. имели чисто деловой характер. Но в то время как Агранов, один из непосредственных режиссеров процессов, был заинтересован в том, чтоб наворотить как можно больше, Слуцкий был, видимо, осторожнее. Он боялся, что находящийся на свободе в Лондоне, а не во внутренней тюрьме в Москве Х. начнет опровергать. Может быть, к тому же Слуцкий имел на Х. особые виды.)

Разговор по телефону между Слуцким и Берманом (Берман —

ответственный сотрудник ГПУ. *Прим. сост.*). «Ты там рассказываешь о документе, переданном японскому послу; зачем ты меня путаешь в это дело, где мне его достать?»

(Примечание: Разговор этот относится к периоду подготовки процесса Пятакова-Радека. Берман просит Слуцкого достать, т. е. сфабриковать, какой-то документ для доказательства связи подсудимых с Японией. Один этот «маленький» факт беспощадно вскрывает закулисную механику московских процессов.)

6. В качестве агента-провокатора (ГПУ) среди польских товарищей в течение многих лет действует некий Е, Бехер или Брехер, псевдоним Эдек, также Питерсен, сотрудник выходящей в Москве польской газеты «Трибуна Радзиецка». Он передал в руки трех букв (ГПУ) очень многих товарищей также и на Украине. Выдает себя за писателя, родом из Львова. Был в свое время арестован и осужден (в Польше) за коммунистическую деятельность, но вследствие недостойного поведения исключен из партии: передал одного товарища в руки полиции.

8. Рассказ Слуцкого о ленинградских коммунистах: «Они умирают с возгласом: «Да здравствует Лев Давыдович!»

(Примечание: Речь идет о разговоре в ГПУ в мае этого года, когда Слуцкий, под свежим впечатлением, разоткровенничавшись, сказал: ленинградские комсомольцы, которых расстреливают, умирают с возгласом: «Да здравствует Троцкий!»)

9. Признание Киппенгауера или Киппенберга о разговоре с Бредовом.

(Примечание: Киппенбергер, немецкий коммунист, который был недавно арестован и обвинен в шпионаже. «Он признал», что когда-то говорил с Бредовом (из рейхсвера). Но разговор этот он вел… по указаниям Москвы. Теперь, когда идет истребление находящихся в СССР немецких эмигрантов-коммунистов, ГПУ, не найдя ничего другого, придралось к разговору с Бредовом, чтоб устроить Киппенбергеру дело. Киппенбергер был расстрелян.)

10. Допросы в течение 90 часов. Замечание Слуцкого о Мрачковском.

(Примечание: Чтобы сломить Мрачковского, ГПУ подвергло его беспрерывным допросам, доходящим до 90 часов подряд! Тот же «метод» применялся к И. Н. Смирнову, оказавшему наибольшее сопротивление.)

11. Декабрь 1936 года. Примаков в это время еще не дал признаний. Замечание Слуцкого.

12. Обыск у Раковского. 18 часов без пищи и отдыха. Жена хотела дать ему чаю — запрещение из боязни, что она может его отравить. Без ручательства за точность…

(Примечание: ГПУ запретило жене Раковского дать ему чаю,

опасаясь, что она может, по соглашению с Раковским, отравить его. Нужно ли другое свидетельство душевного состояния арестуемых! Зная, какие пытки их ждут, они предпочитают аресту немедленную смерть (Томский, Гамарник, Червяков, Любченко и др.).)

13. Феликс Вольф — никаких признаний (мертв).

(Примечание: Феликс Вольф, известный немецкий коммунист, расстрелян, как и другие бывшие руководители немецкой компартии-Реммеле, Нейман, Вернен, Гирш и др.)

14. Непрекращающиеся переговоры с Адольфом (Гитлером) — Кандел. *(Может быть, имеется в виду Канделаки, торгпред в Германии, и закулисные переговоры Сталина с Гитлером шли через него.)* Замечание Слуцкого о разговоре с Руа в 1935 году и др-ром Ла. в декабре 1936 года. *(Подробности неизвестны.)*

15. Замечание Ежова — во время разговора в учреждении — весной 1936 г. (1937 г.?): «Расстрелять несколько десятков».

(Примечание: Это обычный припев Ежова при решении какого-нибудь дела.)

16. В ГПУ пущен слух о Ягоде, что он агент гестапо, которого немцы при помощи шантажа заставили работать на себя, так как он якобы служил в царской охранке; Ягоде же всего около 40 лет!

18. В испанском процессе — первоначальная реакция помочь, потом до 6 сентября (1936 года) решительный запрет что-нибудь предпринять.

22. Неизвестное Циковское дело: Рябинин и Чернявский.

(Примечание: Речь идет о мнимом покушении на Сталина. Оба вышеупомянутые — военные.)

23. Взлом у Л. Д. на Принкипо, якобы чтоб установить связь его со Вторым Интернационалом и особенно с Отто Бауэром. Без ручательства.

(Примечание: Вот подробности этого слуха. В ГПУ среди сотрудников шли рассказы о том, что на Принкипо (в Турции) был устроен взлом у Троцкого, якобы чтобы найти его тайную переписку с… Отто Бауэром. Троцкому будто бы удалось задержать взломщика. Он предложил ему положить револьвер в сторону и, сделав то же самое, пригласил его сесть, спросил, зачем устраивается взлом, что они хотят знать. Он готов сам рассказать все, что взломщика интересует. Затем Троцкий сказал ему: лучше расскажите мне, что делается в России. Когда наш «»-' форматор узнал от нас, что все это выдумки, что никакого взлома на Принкипо не было, он ответил, что сотрудники ГПУ в Москве этому верили и что он считает эту легенду очень характерной для настроений даже в этих кругах.)

26. Ежов о колебаниях Дзержинского. *(Все польские*

сотрудники Дзержинского в ГПУ и других учреждениях арестованы.)

29. Записка Евдокимова об оставшихся после Брест-Литовска. Евдокимов — горький пьяница.

(Примечание: Речь идет, насколько мы знаем, о том, что Евдокимов (из ГПУ, не смешивать с Г. Евдокимовым, старым большевиком, расстрелянным по процессу Зиновьева) составил следующую докладную записку: все немецко-австро-венгерские военнопленные, оставшиеся в России после Брест-Литовского мира, в большинстве члены партии, на самом деле остались в целях шпионажа. Записка Евдокимова, по-видимому, должна была обосновать расправу с иностранными коммунистами-эмигрантами, которых сейчас поголовно истребляют в СССР.)

30. Мессинг — Каганович. Заказы не принимаются. Без ручательства.

(Примечание: Рассказывают, что на каком-то заседании в Москве, где обсуждалось плохое состояние городского хозяйства, финансы города и пр., с ругательной речью выступил Каганович. По Кагановичу, во всем виноваты были вредители, которых нужно примерно наказать. Он это говорил, полуобращаясь к Мессингу. Говорят, что Мессинг ответил: «Заказов не принимаю», т. е. заказы на устройство вредительных процессов, и что за это замечание Мессинг был снят с работы в ГПУ. Таков, во всяком случае, слух, ходивший в ГПУ, и объяснение снятия Мессинга. Характерно, что в среде самого ГПУ об этом рассказывалось с нескрываемой симпатией к Мессингу.)

32. Рыков и Бухарин были доставлены из тюрьмы на пленум (ЦК), чтоб там защищаться. Они категорически отказались признать себя виновными; реплика Сталина: назад в тюрьму, пусть оттуда защищаются!

33. По непроверенным слухам, Пятаков был противником стахановского движения.

Бюллетень оппозиции. 1937, № 60–61. С. 12–13

Лидия Дан

О Вальтере Кривицком

Черновик [1]

Я не могу сейчас точно установить, когда именно я впервые встретилась с Кривицким. Не могу также сказать, к кому первому обратился сын Троцкого, Седов, за спасением Кривицкого — непосредственно ли к Дану или к Розенфельду. Знаю, во всяком случае, что он, Кривицкий, имел свидание с Розенфельдом и Грумбахом (Кривицкий хорошо говорил по-немецки и совсем не говорил по-французски, поэтому, я так теперь думаю, был привлечен Грумбах; возможно, что на этом свидании присутствовал и Дан). Во всяком случае, после этого свидания было решено, что некоторое время Кривицкий проживет у нас. Было решено в течение нескольких ближайших дней организовать, при помощи полиции, его охрану, дать ему возможность поехать куда-то около Тулона, чтобы вывезти его жену и сына, за жизнь которых он опасался. До этой поездки он должен был прожить у нас. В своей книге он после рассказал, как во время поездки его выследили, как пытались убить около Марселя и т. д. Все это подтверждал сопровождавший его агент полиции…

Для меня лично эта история началась с того, что Дан вызвал меня по телефону на службе (я работала тогда в «Этаме»[2]) и сказал, что ему необходимо немедленно увидеть меня, чтобы переговорить о важном деле, и просил прийти в какое-то кафе. Это все было так непохоже на обычную повадку Дана, который очень не любил звонить мне на службу, а не то что вызывать оттуда, что я, идя в кафе, была готова к самому худшему. Дана я нашла очень встревоженным, он скороговоркой сказал мне, что дело идет о том, что надо кого-то приютить у нас на несколько дней. У меня отлегло от сердца. Только-то! Почему нет? Конечно! Дан стал торопливо объяснять мне, что дело идет о советском человеке, невозвращенце, чекисте, которому угрожает большая опасность и т. д. Я немедленно согласилась: угрожает опасность — значит, надо помочь. Дан настойчиво повторял: «Но он бывший чекист»; мне казалось — человек под угрозой, надо помочь… Дан ушел с тем, что приведет его к нам, а я вечером увижу его.

Едва дождалась я окончания работы и полетела домой. Пока возилась с ключом, слышала, как Дан кому-то успокоительно сказал: «Это Лидия Осиповна». Когда вошла в квартиру, в передней рядом с Даном стоял небольшого роста человек, беспокойно меня оглядывавший, нервно и как-то нелепо подергивающий плечами… Как-то после Кривицкий рассказал мне, что в квартиру Дана он шел спокойно, но его очень смущало, что он не имеет никакого представления обо мне. Поэтому он решил внимательно ко мне присмотреться и в случае неблагоприятного впечатления немедленно покинуть квартиру,

несмотря на огромный риск. Он посмотрел на меня, решил остаться. Сама того не зная, я выдержала какой-то экзамен.

Дан познакомил нас, я сказала несколько слов и тотчас же ушла на кухню хлопотать об обеде — просто мне хотелось на секунду остаться одной, чтобы разобраться во впечатлении; сказать правду, я не помню, каким он мне показался в тот первый раз, и я сохранила в памяти образ Вальтера совсем иного, не того, что я увидела тогда в нашей полутемной передней.

Я совершенно не помню сейчас, как прошел этот первый обед, что он говорил, помню только, что мы даже и вопросов не задавали, а только слушали его сбивчивые, торопливые рассказы, в которых он сам себя перебивал; но зато я хорошо помню вечер, который затем последовал. Дану надо было куда-то уйти, чуть ли не по делам того же Кривицкого. Я осталась с ним одна в квартире. Он сказал мне, что ему трудно заняться чем-нибудь, и спросил, не могу ли я провести вечер с ним. Конечно, я согласилась, да иначе и не представляла себе, как можно провести первый вечер при подобных обстоятельствах. Разговор не сразу завязался и не сразу наладился. Он спросил меня, что я о нем знаю, я должна была признаться, что ничего, что Дан еще не успел ничего толком рассказать. Кривицкий второпях рассказал уже известную теперь историю своего «ухода» от большевиков. Я хорошо помню, что он ни словом не упомянул тогда, что от него будто бы требовали, между прочим, «ликвидацию» /296/ жены Райсса Эльзы и что именно это заставило его решиться порвать свою связь с Советами… Насколько Кривицкий был в тот момент искренен или даже правдив, сейчас судить не могу.

Об убийстве Райсса он упоминал, сказал, что это дело, о котором до его выполнения он не знал ничего, на многое открыло ему глаза, то есть показало, что процесс вырождения диктатуры зашел так далеко, что он, коммунист и революционер, не может больше служить этому режиму.

После разных, довольно безразличных рассказов — говорил все больше он — он вдруг спросил меня: а как же вы не побоялись взять к себе в дом человека «из того лагеря»? Я еще не успела ему ответить, как он стал удивляться (и, пожалуй, как-то возмущаться!) нашему легкомыслию — такому человеку, как Дан, взять в свою квартиру человека из контрразведки… А если все его рассказы просто трюк, чтобы убить Дана, похитить и т. д. Сконфуженно я должна была признать, что такая мысль мне и в голову не приходила, что если бы большевикам пришла идея «ликвидировать» Дана, то они нашли бы для этого иные способы, от которых все равно нам не уберечься… Я понимаю теперь, что это звучало неубедительно, но нам действительно такая идея

была совершенно чужда, и к такого рода объяснению я была совершенно не подготовлена… Разговаривать систематически в тот вечер было совершенно невозможно, он сбивался, перескакивал с одного предмета на другой, говорил о своем беспокойстве за судьбу семьи. «Они знают, что это для меня самое важное» — не раз повторял он, явно нервничал, два раза попросил меня сойти вниз посмотреть, «нет ли чего подозрительного», беспрестанно курил, иногда смотрел из окна на улицу — мы жили на первом этаже, — как-то прячась за занавески, вообще проявлял столько военной «хитрости», что я только диву давалась — какой-то совсем другой мир, к которому, казалось мне, нам никогда не привыкнуть.

Всю эту эпопею Кривицкий сам рассказал в своей книге, и повторять все это мне не стоит. Не рассказал он там только об одном разговоре, который был у нас в один из следующих вечеров, когда мы снова остались одни — Дан ушел, кажется, на какое-то собрание. Помню, Кривицкий нам решительно заявил, что оба мы не можем уходить из дому, оставив его одного, и мы это приняли; поэтому весь день, пока я была на работе, Дан /297/ сидел дома. Само собой разумеется, что мы устроились так, что к нам никто из товарищей в эти дни не приходил… В один из вечеров, когда мы сидели вдвоем, он снова вернулся к теме о «доверии», резко осуждая его, утверждая, что оно обычно граничит с безответственностью. Подчиняясь какой-то внутренней логике или, по крайней мере, ассоциации, он вдруг мне сказал: «Да, вот, например, мне раз случилось… Я усомнился в верности одного человека, моего агента, человека, который многое знал, многое держал в руках. Если мои сомнения были правильны, он из нужного человека превращался в опаснейшего, именно в силу своей значительности. Надо было выяснить, объясниться. Я жил тогда в Голландии, он — в Вене; я вызвал его на свидание, просил приехать в Зальцбург, думал в процессе свидания проверить свои подозрения, еще раз проконтролировать свои впечатления, его ответы… Он приехал, мы три раза уходили с ним в горы, в далекие прогулки, говорили. Из последней прогулки он не вернулся; я уехал из Зальцбурга один… Он слишком много знал…» Я обмерла. «Как же вы все-таки проверили его? Как убедились?» Оказывается, ничего не проверил, да как такие вещи и можно проверить? Ни в чем не убедился. Но раз сомнение зародилось, дело надо ликвидировать, он не за себя боялся, а за других, за «дело». Тот слишком много и многих знал, риск был слишком велик…

Я остолбенела. Он заметил это и, криво усмехнувшись, сказал: «Вот поэтому-то и у меня иное отношение, чем у вас, к

тому, что и меня могут ликвидировать… Тут нет места морали. Безопасность и безопасность многих; тем хуже для того, кто ей угрожает!» Много позже я вспомнила об этом разговоре… Я не верю в то, что его убили чекисты, агенты Сталина, я думаю, что его заставили покончить с собой. Он подчинился силе угроз, которые ему могли быть представлены; возможно, подчинился, даже не протестуя, а просто подчиняясь закону, которому все подчинены в «их» ремесле — кто угрожает безопасности многих, должен быть устранен.

Многим казалось странным, что большевики, столько лет оставлявшие его в покое, вдруг почему-то снова взялись за него. Случайно мне стало известно, что так просто «в покое» его все же не оставляли; к тому же за годы войны, после некоторого периода спокойной жизни, после опубликования своей книги, он как будто сошел со /298/ сцены. Но именно только «как будто»: лишь только началась война — он два раза ездил по приглашению Черчилля, раз в Англию, раз в Канаду, и давал английской контрразведке разные сведения о немецких агентах, проживающих в Англии. Он сам рассказал нам об этом, когда посетил нас в Нью-Йорке в декабре 1940 года, мне кажется, в первые рождественские дни. После этого не прошло и трех недель, как он был найден мертвым в отеле в Вашингтоне.

Во время этого свидания, которое было мучительно, Кривицкий сказал нам, что он давал сведения только об агентах, работавших на Германию. Было ли это так, сказать трудно. Во всяком случае, большевики имели все основания беспокоиться и по своим законам (по законам «их ремесла») могли счесть необходимым без особой проверки, во имя безопасности многих — устранить одного…

Это единственное в Нью-Йорке свидание с Вальтером я запомнила очень хорошо. Он пришел к нам без предупреждения, совершенно неожиданно; встретились мы очень сердечно, хотя у нас и было против него кое-что, но все же мы ему очень обрадовались. Дан, однако, счел необходимым выложить ему все, что у него было на душе. Первое, что он ему сказал, это — что его книга, которую мы получили еще в Париже, так сильно расходится во многом с его парижскими рассказами (впрочем, я тогда же писала ему об этом, но ответа не получила; у нас даже, кажется, не было уверенности, что письмо дошло до него). Многое, что в его рассказах было предположительно, в книге преподносилось как определенно бывшие факты. Так, например, по его рассказам выходило, что он в Испании во время гражданской войны сам не был, а в книге он рассказывает чуть ли не как очевидец о разных событиях, там происходивших. Нам он

говорил, что ничего положительного о похищении сына Абрамовича[3] не знает, хотя и предполагал по всему, что его могли «ликвидировать» по той или иной причине только агенты ГПУ, и только удивлялся, как молодой Рейн мог совершить такую неосторожность, как поехать в Испанию, «где наши хозяйничали, как дома». Не знал он или, по крайней мере, не рассказывал ничего положительного и о похищении генерала Миллера, в книгах же /299/ он трактует об этих событиях как человек, бывший в курсе, и т. д. Кому мы должны верить — Вальтеру, как он был в Париже, или Кривицкому в его нью-йоркской книге, спрашивал его Дан. Удовлетворительного ответа бедный Кривицкий дать не мог, обещая «после» все объяснить. Это «после» никогда не наступило, мы больше не видали его.

В это наше свидание он снова вернулся к вопросу о доверчивости демократий, о вреде такой доверчивости. В ответ на его рассказы о свиданиях с Черчиллем и об его «информации» (тут он сказал, что не разоблачил ни одного подпольщика, а только указал на людей, которые, как он знал, работали на Германию; насколько это соответствовало действительности, судить не могу, оставляю это на его совести). Дан не без упрека напомнил ему, что он, Кривицкий, уезжая в Америку, предполагал уйти в частную жизнь и что это было в какой-то мере предпосылкой в разговорах Дана с Блюмом, который должен был просить у Буллита[4] визу в Америку для Кривицкого. Блюм хлопотал о праве убежища для уважаемого человека. Вот именно в этот момент Кривицкий снова заговорил о преступной «доверчивости», могущей иметь самые пагубные последствия, и при этом не без запальчивости назвал имена некоторых журналистов, которые, правда, без особых конкретных обязательств, получали в свое время «у него» деньги для своих газет или для себя лично, и некоторых общественных политических деятелей, которые уже прямо «служили ему» не по убеждению, а за деньги. В свое время в Париже он как-то отмечал, что его агенты чаще служили не за деньги, а по убеждению, из-за симпатии к Советской России, к русской революции. Тогда он нам никого не назвал. (Имена, сообщенные им в нью-йоркское свидание, я передала доверенному лицу[5].) Прощание было тягостное, но все же мы должны были еще встретиться, на чем особенно настаивал Кривицкий. Говоря о своих дальнейших планах, он говорил, что собирается купить автомобиль, небольшую ферму недалеко /300/ от Нью-Йорка, что так будет лучше для сына и т. д., приглашал к себе. Уже тогда он жил под фамилией Томас. В то свидание он отнюдь не произвел на нас впечатления человека, который знал, что для него все кончено.

Скорее наоборот. Поэтому известие об его «самоубийстве» было для нас такой большой неожиданностью.

Много позже мне как-то пришлось разговориться с Д. Н. Шубом[6] о Кривицком. И Шуб рассказал мне следующее: однажды к нему в редакцию «Форвертса» не то позвонил, не то пришел какой-то американец, который сообщил, что с пароходом из Европы приехал некий Кривицкий, бывший советский деятель, который не собирается возвращаться в Советский Союз, что визу ему выхлопотал Блюм, что он, Кривицкий, был в контакте с Даном, который и свел его с Блюмом, что он по прибытии был задержан иммиграционными властями и в настоящее время находится на Эллис Айленде[7]. Смысл этого сообщения был тот, что Шуб должен был предпринять какие-то шаги для освобождения Кривицкого. Шуб не рассказал мне подробностей, как ему удалось этого добиться, но во всяком случае он поехал на Эллис Айленд, и Кривицкого с семьей освободили, уж не знаю, на поруки ли Шубу или как-нибудь иначе, но только Шуб сказал мне, что он взял всю семью к себе в «Си Гэйт», где он тогда проживал. Возвращаясь домой после работы в «Форвертсе», он имел большие возможности беседовать с Кривицким, о многом его расспрашивать, многое от него слышать. Он рассказал мне только об одном эпизоде. Раз, гуляя по пляжу, Кривицкий вдруг остановился и, внимательно всматриваясь в лицо Шуба, без всякой связи с предыдущим спросил:

«Вы думаете, я многих людей убивал? Сам, своими руками? Нет, я никого сам не убивал, я хоть и числился по ГПУ, но работал в другом отделе, политическими делами не занимался».

По словам Шуба, он был совершенно растерян, не знал, что ответить, — так необычен был такой вопрос в нашем кругу… Конечно, он заверил Кривицкого, что ему и в голову не приходило… считать, сколько и т. д. Тягостная это была сцена…/301/

Этот рассказ Шуба вызвал у меня воспоминание о рассказе о «прогулке» в горах Зальцбурга, с которой собеседник Кривицкого не вернулся. Я думаю, что в Париже Кривицкий был ближе к истине, но что заставило его без всякого понуждения Шуба обратиться к этой теме? Какие ему одному известные ассоциации, душевные движения вынудили его к этому?..

Еще одну драматическую подробность из знакомства с Кривицким Шуб рассказал мне. Как-то раз, когда Кривицкий уже не жил у Шуба, он пришел к нему и сказал, что деньги у него на исходе. (Кстати, о деньгах: порывая с Советами, Кривицкий имел на руках большие деньги. Он уверил Дана, хотя тот и не задавал ему таких вопросов, что он передал все бывшие у него на руках

суммы какому-то лицу своей организации, оставив себе только 20000 франков-сумму по тем временам значительную, но не поражающую — по курсу того времени это было, вероятно, около 800 долларов.)

Кривицкий сказал, что он хотел бы поместить в «Форвертсе» две-три статьи, чтобы заработать немного денег. До тех пор Кривицкий поместил только три статьи в «Социалистическом вестнике», за которые, конечно, ничего не получил.

Шуб отсоветовал ему помещать свои статьи в «Форвертсе», где он мог бы заработать сравнительно очень немного, что вообще не разрешило бы его проблемы — как жить. Он сказал Вальтеру, что если он уж решается выступить в печати, то надо идти в большую прессу, где он сможет заработать очень много и таким образом обеспечить себя на сравнительно долгий срок. Он обещал ему свести с подходящим человеком, который и поможет поместить статьи в большой прессе и переведет их на английский. Кривицкий предложение принял, и Шуб свел его с Юджином Лайонсом, с которым Кривицкий начал работать для «Сатердей ивнинг пост», кажется. За эти статьи Кривицкий получил, кажется, 30 000 долларов, которые он должен был разделить с Лайонсом, если не ошибаюсь, пополам.

Через некоторое время Кривицкий, очень встревоженный, позвонил Шубу в «Форвертс» и сказал, что ему необходимо встретиться с ним, что он получил оттиски своих статей, что возмущен, что готов разорвать все соглашение, что он не может дать своей подписи под таким текстом, что он никогда не называл себя «генералом», да никогда им и не был, а статьи помечены именно так /302/ и т. д. Шуб старался его успокоить, и они решили немедленно встретиться в кафетерии на 42-й улице.

Отправившись на 42-ю улицу в кафетерий, Шуб нашел Кривицкого еще более взволнованным, с совершенно искаженным от волнения лицом; лишь только он увидал Шуба, он сказал ему, что они должны немедленно перейти в другое место, так как здесь его уже поджидали «три агента Сталина», и указал Шубу на трех человек, сидевших за столиком недалеко от Кривицкого. Шуб взволновался (для меня так и остается неясным, чем можно было объяснить их присутствие там — было ли это случайностью, или они следили за Кривицким и выследили его, или даже слушали его телефонные разговоры), стал присматриваться в указанном Вальтером направлении и действительно увидал трех человек, один из которых, по характеристике Шуба, производил впечатление «латыша» — крупный, с низким лбом, тупого вида. Двое других не производили отталкивающего впечатления, да Шуб был слишком взволнован, чтобы начать присматриваться:

Кривицкий торопил его уходить из кафетерия. Они встали и пошли по узкому проходу к кассе, «латыш» и его спутники встали тоже; «латыш», подойдя к Кривицкому вплотную, негромко сказал ему: *«А ты здесь, брат? Я и не знал. Что делаешь?»* На что, к ужасу Шуба, он услышал спокойную реплику Кривицкого: *«А ты приехал убить меня?»* «Латыш» стал торопливо успокаивать Кривицкого и попросил выйти «поговорить». Все одновременно вышли из кафетерия, причем Шуб, по его словам, был ни жив ни мертв. На улице двое сопровождавших «латыша» спросили Шуба: *«Это твой человек?»* — на что он, совершенно растерявшийся, ничего не понимающий, почему-то ответил: *«Да»*. Тогда они отошли в сторону, а Шуб приблизился к Кривицкому и «латышу». Последний в это время говорил Вальтеру: *«Я читал твои статьи в» Социалистическом вестнике«. Что же ты еще собираешься писать?»* Кривицкий, не отвечая на вопрос, сказал: *«А ты не боишься, что я сообщу о тебе и ты, как агент Сталина, угодишь в тюрьму?»* Эта угроза, видимо, не произвела на «латыша» никакого впечатления. Он беззаботно ответил: *«Нашел чем пугать! Шесть месяцев тюрьмы, невидаль, подумаешь!»* Кривицкий дернул Шуба и увлек за собой…

После этого Кривицкий переменил квартиру, кажется, на время уехал куда-то; по-видимому, никаких последствий этот инцидент не имел, но он показывает, что /303/ большевики не теряли Кривицкого из виду и в Америке. По-видимому, его книга не показалась им столь опасной, чтобы приняться за него вплотную, но его деятельность во время войны, сношения с английской разведкой, о размерах которой (которых) они, конечно, не могли знать, видимо, заставили их решить покончить с ним. Во имя безопасности многих.

Американское следствие — думаю, внимательное и беспристрастное — с очень большой степенью достоверности выяснило, что убийства, в прямом смысле этого слова по крайней мере, не было. Было самоубийство, с запиской, несомненно, написанной рукой Кривицкого, запиской, странно редактированной, где одновременно говорилось и о бледности сына, и о необходимости очень заботиться о нем, с одной стороны, и о «грехе» его, Кривицкого, жизни, с другой. Такая записка могла быть написана под диктовку или, еще вероятнее, под приставленным к виску револьвером…

Как могли вынудить большевики Кривицкого к самоубийству? Какими угрозами?

Если они грозили убить или похитить его сына и жену — самое для него страшное, — то он должен был бы понимать, хорошо зная все их повадки и обычаи, что его самоубийство

ничего не устраняет, так как обещаниям большевиков оставить после его смерти в покое его семью он все равно не поверил бы; он, во всяком случае, попытался бы бороться, обратился бы к помощи полиции и т. д. и в этом случае все же имел бы какой-то шанс на успех. Но он и не пробовал бороться и «покончил» с собой. Почему? Эту тайну он унес с собой. Я допускаю, что угрозы, быть может, были другого характера — не обещали ли большевики перейти в своеобразное наступление: разоблачить Кривицкого, рассказав о нем все то, что он скрыл от американских и прочих властей, рассказать об эпизодах, вроде Зальцбурга (а кто знает, сколько их было; недаром Кривицкий, без всякого внешнего давления, возвращался к этой стороне своей жизни, к этому «греху», к этому закону их «ремесла»); никакие власти правового государства, где имеется общественное мнение, не могли бы пройти мимо таких разоблачений, не могли бы закрыть глаза на них; впереди маячил более или менее громкий процесс, тюрьма, может быть, пожизненная, то есть такое «наследство», от которого он хотел бы при всех условиях уберечь сына. Это единственное объяснение, которое я могу дать этому «самоубийству».

Или его просто охватила усталость, и он не нашел в себе сил, чтобы бороться против натиска? Но это так мало похоже на вечно динамического Вальтера[8]…

Из архива Л.О. Дан. Амстердам, 1987. С. 115–124

1 Так в подлиннике. *Прим. Б. Сапира.*

2 «Этам» — сеть магазинов, торгующих принадлежностями женского туалета. *Прим. Б. Сапира.*

3 Марк Рафаилович Рейн, похищенный агентами Советского правительства в Испании, куда он направился для участия в гражданской войне на стороне республиканцев. *Прим. Б. Сапира.*

4 Д. Буллит — посол США в Советском Союзе. *Прим. сост.*

5 Тут явная неувязка. Л. О. Дан, по ее словам, видела Кривицкого в Нью-Йорке лишь один раз, и тогда, как она пишет, «он нам никого не называл из своих сотрудников». Между тем она же регистрирует, что имена, сообщенные им в нью-йоркское свидание, передала доверенному лицу. *Прим. Б. Сапира.*

6 Д. Н. Шуб — эмигрант, сотрудник газеты «Форвертс» и журнала «Социалистический вестник». *Прим. сост.*

7 Островок в гавани Нью-Йорка, где производится проверка документов прибывавших эмигрантов и где, в случае недоразумения, они задерживаются впредь до разъяснения. *Прим. Б. Сапира.*

8 Среди материалов Л. О. Дан находится ее запись под названием «Что Давид Натанович Шуб рассказывает о

Кривицком», содержание которой она использовала лишь частично в воспроизводимом документе. Она не включила некоторые пункты из этой записи. Она не указала, что сообщение о задержании Кривицкого на Эллис Айленде Шуб получил от Волла. Не отметила, что, по словам Шуба, Кривицкий охотно говорил о своих агентах, порой называя неожиданные имена, как, например, Пьера Кота, министра авиации в кабинете Блюма, и мадам Лупеску. Она пропустила рассказ Кривицкого о том, как тот самолично вручил Дельбо (французскому издателю) 25 000 франков на издание газеты, и его же слова, запомнившиеся Шубу, а именно: «Тем не менее Дельбо агентом нашим не был, но, вероятно, считал, что во время народно-фронтового периода можно брать деньги на газету от Советского правительства» (цитата из названной выше записи). Наконец, согласно той же записи, статьи Кривицкого для «Сатердей ивнинг пост» переводил не Юджин Лайонс, а Дон Левин. Кривицкий жаловался Шубу, что последний вносил в свои переводы отсебятину, возмущавшую его, то есть Кривицкого, в частности «историю относительно Мурика (М. Р. Рейна), о которой он (Кривицкий) на самом деле ничего не знал». *Прим. Б. Сапира.*